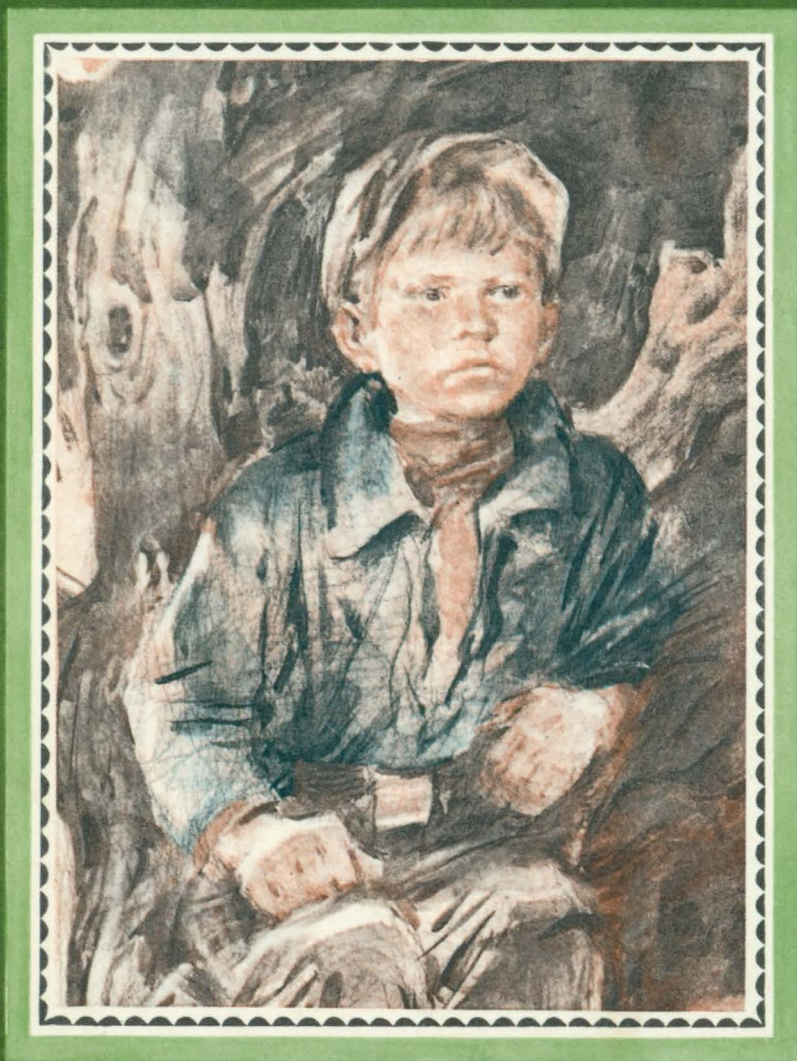

ВЛАДИМИР МИРНЕВ

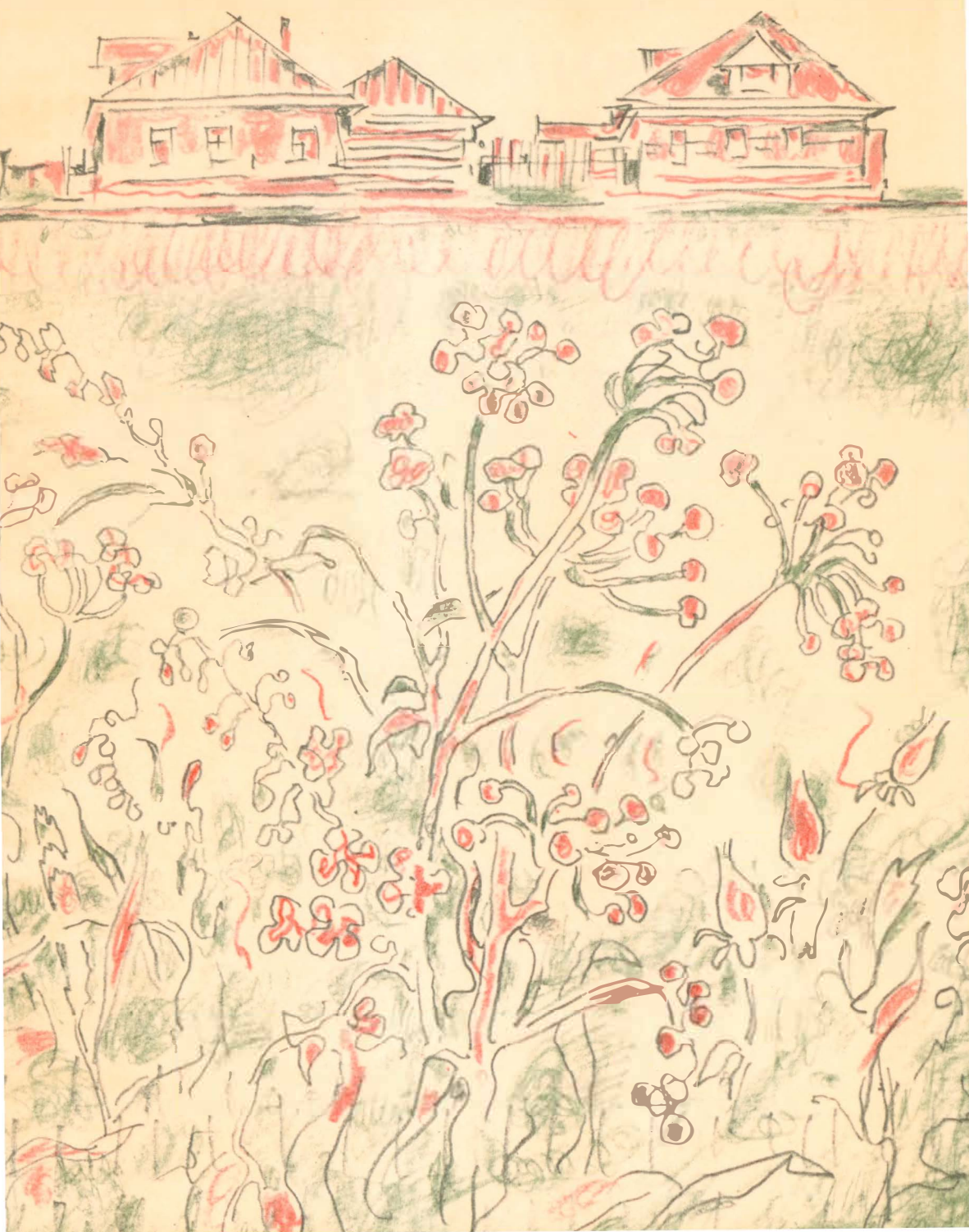
ЖИВОЕ ДЕРЕВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

45 коп.

ВЛАДИМИР
МИРНЕВ

ЖИВОЕ ДЕРЕВО

ПОВЕСТЬ

*Рисунки
В. Бескаравайного*

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1982

P2
M63

М 4803010102—259. 201—82
М101(03)82

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1982.

Глава первая

ХОРОШО БЫТЬ ПТИЦЕЙ

Во дворе у сарая стояла пегая лошадка, привязанная к бричке, и лениво отмахивалась хвостом от мух. Отец дома!

— Юрик! — позвал голос матери как раз в тот момент, когда он только-только подходил к плетню. Юра мгновенно присел, не решаясь откликнуться, и, положив на голову сумку с книгами, заспешил, полусогнутый, вдоль плетня — по-над плетнём плыла положенная на голову сумка. — Юрик! Юрик, не вздумай убежать! Я тебя вижу, Юрик!

— А я не убегая, нужда была.— Юра присел на корточки, делая вид, что с заинтересованностью разглядывает кузнечика.

— Я всё знаю, не прячсья, хулиган! Давай дневник! Бессовестный ты человек! — Мать сурово глядела на сына, а Юра с безнадёжной тоской подумал: «Чему быть, того не миновать». Мать прочитает написанное в дневнике красными чернилами, накричит, конечно, шлёпнет для острастки, а вот отец... Тот прочитает, покраснеет, словно это не о Юре написали, а о нём самом, нахмурится и не возьмёт с собою в грачатник, как обещал.

— Дневники собрали,— соврал Юра, ища выход из создавшегося, как говорят, трудного положения.

— Не ври хоть в глаза! Как пятёрку получишь, так дневники не собирают, а как двойка или набезобразничал, так в тот самый момент отбирают специально.— Мать сама вытащила дневник из сумки и всё прочитала, затем с минуту гневно глядела на виновато моргавшего сына.— Получишь на орехи, будь спокоен! Я тебя, мучитель ты мой и душегуб, голодным оставляю, а отец тебя так отделает! Это мыслимо ли? Иду мимо школы, а мне: вашему Юрику в дневнике записали за безобразие. Чтоб тебе!

— Это не я.

— Это, наверное, я? — В голосе матери послышалась торжествующая нотка обвинителя.— В дневнике — красным по белому — написано для родителей: безобразничал в классе на перемене. Соню Кенкову ударил ремнём. Это чего ж тебе ещё надо! Не Санька, твой дружок, ударил, а ты. Даже он не такой отпетый хулиган, как ты. И пишет-то кто — завуч! Ладно бы Захар Никифорович, а то завуч!

— Не я ударил.

— Ах, не ты. Но я-то знаю, что ты! Марш домой!

Юра опустил голову, поведя глазами в оба конца улицы, никого не увидел. Солнце светило ярко, так припекало, что в самый раз бы искупаться. Слышно было, как вовсю пел на тополе скворец. Но вот взгляд Юры задержался на лошади,

и всё для него потеряло интерес, так как отец не возьмёт его сегодня в далёкий грачатник, о поездке нужно забыть. Можно, конечно, рассказать матери, что не он, отпетый хулиган, ударил на перемене ремнём Соню, а Санька Фомичёв. Санька исподтишка ударил, и получилось, будто Юра ударил. Когда вошла завуч Марья Федосеевна, то злополучный ремень Санька сунул Юре. И на вопрос завуча: «Кто ударил?» — Юра промолчал. Матери можно рассказать об этом, но она тут же заставит пойти к завучу, и выйдет, что Юра наябедничал. Нет, не видать ему сегодня грачатника в Паламарчуковом лесу, как собственных ушей.

Юра плёлся за матерью, которая держала в одной руке дневник, как свидетельство обвинения, другой крепко сжимала Юрину руку, хотя Юра на этот раз не собирался убегать.

За столом сидели отец, младший брат Витя, по прозвищу Цыбулька, старший брат Николай, сестра Надя и бабушка — обедали.

— Я гляжу: из-за дерева появляется незнакомый вроде человек. Что ж, думаю, ему тут возле котлована, в лесу, делать? Озирается. Меня сразу не приметил. — Николай посмотрел на отца. — Потом увидал меня, схоронился за кустом. Странное дело. Я, само собой, делаю вид, будто не замечаю его, а он отошёл-отошёл и давай дёру в глубь леса.

— Кто он такой? — спросил Юра.

— Не твоего ума дело, — отвечал Николай. — «Кто, кто!» Дед Пехто и баба Нихто!

— Полюбуйся на своего сыночка! — протянула мать дневник отцу.

Отец прочитал написанное, покраснел и уставился в окно.

— Да чего ж это, Юрик, родненький! — всплеснула руками и слезливо запричитала бабушка, как по покойнику. — Миленький ты мой, так ведь и из школы погоню, в арестанта превратишься!

— Ну? — спросил отец. — За что ж девчонку ударил?

— Не я ударил.

— Кто?

— Не я ударил.

— Он! Он! — закричал Цыбулька. Юра сделал страшные глаза, незаметно погрозил ему кулаком. Но когда рядом находились отец, мать, старший брат, Цыбулька не боялся Юриных угроз и позволял себе всё.— Он! Он! Я знаю. Он всегда виноватый!

— Не поедешь со мною,— сказал отец, вставая из-за стола, и открыл дверь.

— Так он совсем исхудает,— проговорила мать вслед отцу, обижаясь на него и считая, что такая мера наказания фантастически мала для Юры.

Юра поглядел в окно. Отец, с удовольствием похлопывая по крупу лошадку, постоял некоторое время возле брички, как бы окончательно решая, брать Юру с собой или нет. Вот сейчас он уедет, и, конечно, Юра не узнает, как обещал ему отец, в какой берёзовой роще растёт живое дерево. А вчера он говорил: будешь хорошо себя вести, сядем мы с тобой в бричку и поедем, и я тебе, мол, всё расскажу про живое дерево. И надо же было такому случиться в классе!

Отец запряг лошадь, оглядел двор, остановил взгляд на окне, за которым сидел Юра, закурил трубку, неторопливо сел в бричку и уехал. Прощай, грачатник! Там, где стояла лошадь, остались только горки лошадиных катышек, которые, конечно, мать заставит именно его, Юру, собрать и унести за дом в тень, чтобы не просохли, так как она готовилась мазать сарай.

— Чтоб к вечеру, покуда я приду с доек коров, из-под лошади снёс за дом под брезент, весь двор подмёл дочи́ста, под плетнём траву выдергал, в бочки воды наносил,— сказала мать сурово, стараясь наказать сына по сильнее.— Ты понял, хулиган отпетый? Чтоб ни единого слова против бабушки. Ни единого!

— У,— ответил Юра.

— Вот тебе «у»,— не сдержалась мать и шлёпнула его.

— Кольк, а чужак был в каком лесу? — спросил Юра. — Может, шпион? Давай-ка я прослежу за ним. Хочешь?

— Таких следаков, как ты, видел этот незнакомец не один миллион. Понял? — ответил Николай, собираясь на работу, и на полную громкость включил транзистор, который везде таскал с собой.

— Юрик, миленький, кушай, — сказала бабушка, подвигая ему тарелку со щами. — Твой дед любил щи. Вон какой здоровый был.

— Не хочу.

— Дак ты не ел?

— Мне б, бабушечка, пирожочек, самый маленький, а то щи да ши. У меня живот не казённый, всё щи да ши.

— Юрик, пирожки на ужин. Мама ругаться больно будет. Я всю жизнь щи да картошку ела и ничего, живая.

— Ой-ой! У меня живот болит.

Недовольная бабушка ушла к печи, где у неё в большой эмалированной кастрюле хранились пирожки с картошкой.

— На, супостат, ешь, — сказала она, делая вид, что сердится — простой расчёт, чтобы Цыбулька не попросил с Юрой за компанию. Но бабушкин манёвр «сильно рассердиться» не удался, так как сразу же откликнулся Цыбулька.

— А мне? — захныкал он, обижаясь на бабушку, так несправедливо обошедшуюся с ним. Пришлось и ему принести пирожок.

— Разве ж напасёшься пирожков-то на такую ораву? Лопайте, бесенята! Вот по пирожку — и всё. У меня с вами разговор короткий, вы меня знаете. Вас родители распустили, у меня не побалуется!

Цыбулька положил пирожок рядом с миской и, довольный, показал Юре язык. Юра откусил кусочек пирожка и посмотрел в окно. Как же ему жить дальше? Он уже давно понял одно: хорошо быть или самым старшим братом, или самым младшим, как Цыбулька, и нет ничего тяжелее ноши таким, как Юра. Все разошлись по своим делам, и один только он, Юра, должен мучаться, возясь с лошадиными

катышками. Вот если бы превратиться, скажем, в муху. И лети себе, куда пожелаешь. Хочешь в грачатник, а хочешь на котлован, плавай там себе вдоволь.

— Цыбулька, ты не вздумай траву за меня дёргать, мне мама велела. Я себе домик из неё построю, вот какой,— показал руками Юра, какой он себе замечательный домик построят.

— А я буду помогать? — подумав, захныкал Цыбулька.

— Ишь чего захотел!

— Хочешь, Юрик, я тебе пирожок дам, я всё равно пирожки не люблю,— заканючил Цыбулька.— Хочешь?

— Нужен мне твой пирожок.

— Ну тогда увеличительное стекло. Хочешь?

Увеличительное стекло — это вовсе неплохо, им можно даже на тополе выжечь свои инициалы. Юра знал, что Цыбулька владеет этим бесценным сокровищем, но вот только не мог проследить, где прятал его младший, хитрый и коварный брат.

— Согласен,— нехотя будто согласился Юра.

— А играть в лапту возьмёшь? — Цыбулька заметил по Юриным глазам интерес к увеличительному стеклу и старался теперь продать своё богатство подороже.

— Возьму.

— А завтра на котлован возьмёшь? — Цыбулька изо всех сил тарашил свои глазёнки на Юру, пытаясь понять, стоит ли отдавать увеличительное стекло за всё это.— Возьмёшь? Купаться хочешь, возьмёшь, Юрик?

— Дорого стоит твоё стёклышко, Цыбулечка, поищи другого дурака.

Цыбулька встал из-за стола и побежал к кровати.

— Не гляди!

— Не гляжу.— Юра нагнул голову, наблюдая из-под мышки за братом. Тот отодвинул ножку кровати и из щели вытащил стекло. О таком тайнике Юра и не подозревал.

— Вот,— продохнул Цыбулька.— Только ловить чужака будем вместе.

— На кой лешего тебе стекло? — поинтересовалась бабушка, но Юра её не слушал, вышел во двор и, повернувшись к солнцу, навёл фокус себе на руку, а когда припекло, навёл Цыбульке, выжег дырочку на граблях, лопате, на ручке метлы, потом залез на сарай и попробовал, пекло ли там от стекла. Пекло не хуже, чем на земле.

Вот мимо по улице прошли на котлован Санька Фомичёв и Артур Молендор. Они подпрыгивали, махали руками, показывая, как будут здорово, быстро плавать.

— Айда с нами! — крикнул Санька.

— Иду, — ответил Юра, но в это время захныкал Цыбулька и на пороге появилась бабушка.

— Юрик, мамка чего наказала? А вы, фулиганы, идите!

Дело принимало совсем грустный оборот. Юра отыскал метлу, поплевал на руки и, почувствовав тоску, сел на кучу хвороста. Как назло, солнце припекало всюду; на старом тополе воробьи, выкупавшись в пыли на дороге, устроили весёлую драку, словно поддразнивая Юру и своим криком как бы подчёркивая полную зависимость Юры от обстоятельств и свою поистине райскую жизнь, а в небе то и дело, распластав крылья, стремительно и плавно проносились коршуны — у них вольная жизнь; совсем невысоко над домами пронеслась ворона с цыплёнком в когтях, цыплёнок пищал, и во дворах, над которыми пролетала ворона, вскокотывали петухи, кудахтали куры, но никто не мог помочь бедному цыплёнку. У кого она украла цыплёнка? Юра тут же подумал, что и его жизнь сегодня похожа на жизнь цыплёнка. А вот две точки — одна большая, а другая поменьше — неслись прямо к их двору. Юра даже привстал с хвороста. Так и есть, впереди, что есть мочи, из последних сил неслись воробей и отчаянно кричал, а его настигал кобчик. Воробей увёртывался, делал крутые виражи, но кобчик всё ближе, ближе... вот-вот должен схватить его. Воробей спикировал прямо на Юру, и кобчик за ним, воробей юркнул в сарай, и только тогда кобчик взмыл вверх и улетел. Кругом бурлила настоящая, полная истинного смысла жизнь — на котловане

купались ребята, вон два сверхзвуковых самолёта, оставив след, уносились в сторону Омска; по пыльной дороге катил старое велосипедное колесо Медведев и замечательно изображал рёв автомобиля; из соседнего двора доносилась яростная музыка — крутили магнитофон, а Юру заставили заниматься никчёмной, жалкой работой, и Юра подумал о том, что хорошо быть кобчиком, гонять воробьёв, а ещё лучше — лётчиком, а ещё лучше космонавтом. Он вскочил и забежал по двору, изображая летящий самолёт, фыркал, жужжал, носясь вокруг Цыбульки, а через минуту гудел уже, как космическая ракета, выводящая на орбиту спутник.

— Фу, лешак тебя побери! — всплеснула руками бабушка, выглянув из дома. — Чего забежал, ровно горячкахватила?

Цыбулька зачарованно глядел на старшего брата, а Юра старался, как мог; в голове у него кружилось, мелькали плетень, сарай, бабушка, а он носился всё быстрее и быстрее, пока не упал.

— Фу, окаянный, — подошла к нему бабушка, но Юра лежал, притворившись мёртвым. На лице у бабушки появилась озабоченность, тревога, она растерянно оглянулась. — Юрик, вставай!

Юра лежал, пока в носу не защекотало: Цыбулька сунул ему в нос соломинку.

— Предатель, — сказал Юра, громко чихнув.

— Нет, я не предатель.

— Кто ты после этого? Предатель. Я был мёртвым, а ты меня предал белым.

— Бабуся, я не предатель. Бабушка, ты красная? Правда?

— Ты мой цыплёночек, — погладила бабушка Цыбульку по голове. — Правда, правда, што не белая.

Юра надёргал травы, построил себе домик и, лёжа в духоте и пыли травяного домика, слушал хныканье Цыбульки, а сам думал о книжке, которую прочитал: «Граф оглянулся и увидел перед глазами дуло пистолета. Глаза у него

расширились, и еле заметно вздрогнули красивые тонкие усики. Вскрикнула графиня...» Какие замечательные книжки читала старшая сестра Надя! «Графом стать — ещё лучше, чем коршуном», — пришло в голову Юре.

— Дай поле-ежу, — хныкал Цыбулька.

— Юрик! — заступилась бабушка за Цыбульку. — Чтоб тебя перевернуло и шлёпнуло! Играй с братиком!

— Он, бабушка, поджигатель войны, — сказал Цыбулька и засмеялся. — Вот кто он! Он чёрный атомный гриб! Он, он!

— Я поджигатель войны? Я чёрный атомный гриб? — Юра выбрался из домика, у которого сразу же рухнула крыша: Юра поддерживал её головой. Не успела бабушка принять меры предосторожности, как Юра ударил Цыбульку крапивой и бросился бежать, а Цыбулька заревел так, что слышно было на другом конце села.

— Юрик! Я тебе, басурман! Я тебе, разбойник ты эдакий! Правду matka говорит: «Фулиган отпетый!» Мать с тебя пять шкур спустит! — Количество «спущенных шкур» в зависимости от Юриногo проступка доросло до невероятного числа. — Хоть кол на голове ему теши, а он всё едино! Юрик ты Юрик, да в кого ты такой уродился, чертёнок! Не плачь, Цыбулечка мой хорошенький, уж мы ему покажем, где раки нынче зимуют.

Цыбулька успокоился, умиротворённый бабушкой, её обещаниями страшной расправы, которую учинят, по словам бабушки, над Юрой отец и мать, — это прежде всего, а потом уж Николай, Надя и, конечно же, она, бабушка, которая будет мстить за Цыбульку Юре до конца дней своих. Всё для Цыбульки складывалось хорошо: Юра будет жестоко наказан, а он, Цыбулька, станет наслаждаться лимонадом, шоколадными конфетами и мороженым. В сопровождении бабушки Цыбулька направился в дом за обещанными конфетами, которые бабушка прятала в сундук под замок. Совсем случайно бабушку осенила замечательная мысль. Она оглянулась и увидела Юрины глаза, следящие из-за плетня:

— Я отцу расскажу. Он тебя напрочь не возьмёт с собой! Вот и всё наказание, но тяжелее для Юры не придумаешь. Он перестал прятаться, нехотя собрал граблями солому, подмёл метлой двор, принёс воды из колодца и уселся на куче хвороста.

Солнце низко повисло над лесами, и воздух словно погустел, а прозрачное небо медленно наливалось молочной белизной, сквозь которую на востоке прорезался остроносый голубой месяц. Юра уснул. И видел он во сне живое дерево, у которого слегка покачивались прозрачные листочки, светящиеся внутренним светом. Стоило подуть лёгонькому ветерку, как листочки начинали звенеть, и это была такая музыка, что слаще сна, удивительная мелодия разливалась по ближнему колку, по дальним лесам, и всё живое притихло, все слушали музыку. Юра пригляделся и что же увидел: в каждом листочке словно отец проглядывал изнутри, смотрел на сына и улыбался. «Так вот,— подумал Юра во сне,— что я там вижу». Он крепко спал, и его долго не могли разбудить, пока отец, вернувшийся с работы, не унёс его в дом сонного. Всю ночь Юра слушал необыкновенный звон светящихся листочков живого дерева.

Глава вторая

ТАЙНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Утром Юру с трудом разбудили. За столом сидели Николай, Надя и Цыбулька, который что-то шептал Николаю на ухо, при этом хитро улыбаясь. Надя сосредоточенно читала географию и одновременно ела, а бабушка глядела в окно на ходивших по двору кур, пытаясь определить, какая из них сегодня снесёт яйцо, но вот её внимание привлекла отчаянно жужжавшая в паучьей сети муха.

— Один вред от её-то, а вить жалко, живая тварь,— проговорила виновато бабушка и освободила муху.— Сама

убиваю, а вот как увидела, над ей-то паук, нехристь ока-
янный, измывается, жалость одолела.

— Коль, а Коль, где находится остров Мадагаскар? —
спросила Надя, не отрывая от книги глаз.

— Мадагаскар? — удивился Николай. — Не знаешь? Не-
далеко от Китая находится.

— А вот нетушки, возле восточной Африки, — сказал Юра
и незаметно стащил у Цыбульки конфету.

— А ты откуда знаешь? — не поверила Надя и покрас-
нела. — У вас нет географии.

— А вот знаю, папа говорил.

— Отец сам небось не знает.

— А вот знает! А вот знает! А вот и знает!

— Ты, Юрка, вот что, ты лучше конфету Витькину по-
ложь на место, — пристыжённый, кашлянул Николай, окон-
чивший восемь классов ещё два года тому назад.

— Чего? Я? Конфету? Какую? — невинно удивился Юра,
сунул осторожно конфету Цыбульке под миску. — Сроду
не брал. Наговаривает ещё.

Если старшего брата иногда удавалось провести, то Цы-
бульку провести невозможно. Он скривил губы и захныкал,
словно пробуя, пора ли заплакать громче или подождать,
соображая, как он, обиженный, будет вознаграждён за свой
плач. Самое неприятное впереди — Цыбулька, похныкав, всё
же заголосит во всю свою мочь, что само по себе не принесёт
большого удовольствия, но ведь Николай обязательно отве-
сит подзатыльник.

— На ещё мой сахар, — великодушно отдал Юра сахар,
но этот жест примирения Цыбулька решительно отверг.

— Конфету! — зачастил он, поглядывая сквозь растопы-
ренные пальцы своими, не по годам хитрыми глазёнками
на старшего брата, как бы приглашая того вступить за
него.

— Юрка, в лоб хочешь? — сказал Николай, сдвинул ми-
ску и увидел конфету. — Как сюда попала? Не знаешь?

Юра торопливо доедал свою кашу. Дело клонилось к

неприятной развязке. Он повёл глазами туда-сюда, намечая пути к отступлению, скользнул незаметно со скамейки и, прихватив рукой сумку, заспешил к двери.

* * *

Рано он оказался на улице. Ещё не обсох плетень на солнечной стороне и мокро лоснился на солнце. Прозрачная синева покоилась над лесами и полями; волглый воздух бродил в низинах и лесах; по балкам стыдливо прятался низкий расплзающийся туман. На краю села, куда направился Юра от нечего делать, на сухой навозной куче, обросшей гроздьями поганок, сидел пастух Данило и уминал хлеб с зелёным луком. Он даже не взглянул на Юру, так ему было приятно есть хлеб и лук, щуриться от тёплого солнца и чувствовать в себе живую связь с солнцем.

И оттого, что петухи возбуждённо кукарекают, скворцы поют, а жаворонки ведут завораживающие трели и чирикают вовсю воробьи, тебе тоже хочется как-то выразить восторг солнцу и ласковому теплу. Юра поскакал на одной ноге, пока не упал; потом поскакал на другой ноге, затем начал делать какие-то замысловатые круги, держа сумку на отлёте в правой руке, закружился, зафырчал и тут увидел Саньку Фомичёва.

Санька подбежал и сразу поделился новостью:

— Запустили новый спутник «Космос»!

— Если по-настоящему смотреть, Фомочка, на дело, то тебя в непроглядную и тёмную Вселенную никогда не возьмут,— многозначительно сказал Юра.

— Не возьмут? Ты чего, Борода? Что говоришь! Представляешь? Да меня — только замечтай я! Возьмут! Может, скажешь, моего брата не возьмут? В армии который? Он фотографию прислал, десять медалей на груди!

— Знаешь, Фомочка, к примеру, мой брат тоже служит, и он, между прочим, из лазерной пушки стреляет. Когда на одного солдата нашего сто пятьдесят пять тысяч врагов, тогда мой брат применит лазерную пушку.

— А мой чего тогда? — обиделся Санька.

— А твой — не знаю, — ответил Юра, и они побежали в школу.

Юра сидел за второй партой у окна. Учитель Захар Никифорович Торба медленно, боком вдвинулся в класс, притворил осторожно дверь, всё ещё не поворачиваясь лицом к вставшим ученикам, так же боком, прихрамывая, направился к столу, поправил очки, облизал тонкие губы под прокуренными табачным дымом усами и тихо сказал:

— Здравствуйте, ребятки! Садитесь.

Ученики нестройно ответили и сели. Учитель, что-то обдумывая, глядел в раскрытый журнал, ожидая, когда установится тишина. Но через минуту раздался первый тяжкий вздох. Это Санька вспомнил тот уничтожающий Юрин взгляд — так смотрят на человека, в которого окончательно потеряна вера.

— Ребятки, подойдите к окну, — сказал учитель, сел и тяжело поморщился: у него болели почки.

Ребята вскочили и, толкаясь, старались протиснуться поближе к окну, терялись в догадках и вопросительно оглядывались на учителя. И неожиданно все увидели племенного жеребца Шторма. Лёгкий вздох радости прошелестел над прильнувшими к окну ребятами. Широкогрудый красавец вороной жеребец Шторм, в белых носочках на задних ногах, пританцовывая, выгнув тонкую шею и косясь чёрными глазами по сторонам, подобрав круп, мелко-мелко переступал, отчего казалось, достаточно дяде Мите отпустить поводья, и Шторм, словно стрела, помчится вперёд. Но дядя Митя крепко держал поводья правой рукой, отведя настороженную левую руку в сторону и откинувшись сухим туловищем чуть-чуть назад. Гордо и недоступно сидел он на Шторме. Боясь неосторожным движением повредить спину жеребца, он ездил без седла. Каждое утро конюх дядя Митя выезжал на прогулку, но обычно проезжал по своей улице, чтобы видели, какого жеребца имеет колхоз, а главное, кто на нём ездит! Любой из ребят готов был все свои автоматы и ракеты отдать

только за то, чтобы поддержать поводья Шторма. Дядя Митя говорил, что такого жеребца нет во всей Омской области, во всей Сибири и даже во всём мире.

Жеребец всхрапывал, поводья головой, и тогда звенела наборная узда, звенела и кружилась у Юры голова. Нет, даже четыре новеньких автомашины, полученные колхозом в прошлом году, не затмили Шторма.

— Садитесь, ребятаки,— сказал Захар Никифорович, когда Шторм скрылся из виду, оглядел ребят, прошёлся между партами.— Это я попросил конюха проехать перед школой. Ребятаки, кто ещё видел такого коня, как Шторм?

Класс молчал. Никто не видел такого коня. Даже девочки, которых никак не заподозришь в любви к лошадям, молчали.

— Я видел,— сказал Юра.

— Где ты, Юра Бородин, видел? — спросил учитель, пристально посмотрел на Юру и начал листать журнал так медленно, что все решили: плохи Юрины дела.

— Чапай ездил на таком коне.

— Почему ты так решил? Откуда ты это знаешь?

— Я кино пять раз смотрел. Когда в атаку он мчался на коне, Захар Никифорович. У нас дома есть книжка про Чапаева, там нарисован такой жеребец. Ух, какой!

— Допустим, Юра, у Чапаева был такой жеребец. А теперь, ребятаки, все напишут небольшое самостоятельное сочинение. Достаньте тетради и напишите: «Что я знаю о лошадях».

— А о гусёнке можно? — спросила Соня Кенкова.— У нас дикий гусёнок живёт. Мне его папа привёз.

Все повернулись к Соне и внимательно слушали. Дикие гуси редко посещали Фросино, потому что не было вблизи села ни озера, ни речки, ничего, кроме котлована, который они, видимо, не жаловали. Если бы речь шла о куропатках, воробьятах, сорочатах и других птенцах, тогда другое дело, но о гусёнке — это было интересно. Один Юра безучастно глядел в окно, будто уже тысячу раз видел диких гусят.

Соня стала рассказывать, какой он, этот гусёнок, прекрасный. А Юра принялся громко зевать, показывая, что ему неинтересно, скучно от её рассказа, но всем было интересно. Тогда Юра вытащил из сумки большого фиолетового жука, пойманного на навозной куче, соорудил из ниток сбрую; жук еле-еле шевелился и не выказывал желания участвовать в гонках по парте.

— А я знаю, где совята живут,— громко сказал Юра, и все ребята повернулись к нему: не каждый день можно увидеть мальчика, который знает, где живут совята.

Соня, только что сиявшая и весело рассказывавшая о проделках гусёнка, притихла.

— Ну, а теперь, ребятки, пора писать,— сказал учитель.— Запишем себе в тетради план: 1. Зачем я хочу иметь лошадь. 2. Моя самая любимая лошадь в колхозе. 3. Что даёт лошадь человеку. Юра Бородин, убери с парты своего жука. Ребятки, вот здесь, после плана, напишите любое четверостишие о животных, а если не знаете о животных, тогда о птицах. Это будет как бы эпиграфом. Ну, а теперь за дело.

Учитель грустно окинул взглядом класс. Юра повернулся к Саньке:

— Фома, ты знаешь, мне б только начать, а конец — во какой будет!

Юра не знал, о чём писать. Он вспоминал истории, в которых участвовали кони, и все там кони были красивыми, всех Юра любил, и все походили на Шторма. Вот если б хоть разочек прокатиться на нём, но разве разрешит дядя Митя? Юра представил себе, как он вырастет, приедет в село генералом, а ему, старому воину, со шрамами на обеих щеках, с многочисленными ранами на руках и ногах, подведут Шторма, и он легко, этак стремительно вскочит на Шторма и проедет мимо Кенковых, а Соня уже будет нянчить своих детей, а дети спросят её: «Мама, кто этот красивый генерал на коне?» А Соня отвернётся и, возможно, заплачет: «Он, детки, учился со мной в одном классе. Когда я рас-

сказывала о гусёнке, он сказал, что знает, где живут совыта». И Юра написал: «Однажды по Фросино на красивом коне, которого звали Шторм, ехал после победы над коварными врагами всех мастей старый генерал, у него были шрамы на обеих щеках и ногах». Тут Юра вспомнил, что после плана нужно написать четверостишие, зачеркнул написанное. Какое написать стихотворение? Два года назад к ним в гости приезжал из Киева дядя Антон, в честь его приезда устроили вечер. Дядя на вечере пел много-много частушек, и одна очень понравилась Юре. Дядя плясал — ходуном ходили под ногами половицы, а мама качала головой и говорила: «Эх, Антон, Антон, ну и жеребец ты». Юра запомнил понравившуюся частушку:

Эх, тёща моя
Хуже лихорадки:
Щи варила, пролила
Прямо на запятки!

Юра записал частушку, начал было про генерала со шрамами на обеих щеках и двумя пистолетами на боках, который сидел на красивом жеребце Шторме и проезжал мимо Сониного дома, но прозвенел звонок. Юра так ясно вообразил себе этого генерала, что теперь готов был спорить, что генерал, о котором хотел написать, жил на самом деле.

Нужно сдавать тетрадь, а у него написано только начало сочинения и одна частушка, а частушек Юра знал множество. Вот только не подходили они к теме сочинения. И он торопливо дописал, вспомнив стихотворение, которое учила Надя: «Что ты ржёшь мой конь ретивый...» Рядом уже стоял Захар Никифорович и с виноватым видом попросил тетрадь.

В коридоре Юра отозвал в угол Саньку и сказал:
— Фома! У меня есть тайный замысел.

Санька испуганно оглянулся, чтобы удостовериться, что

за ними не наблюдают, насторожился, прямо-таки встре-
нулся весь:

— Какой? Точно говоришь? Скажи.

— Не скажу,— ответил безжалостно Юра.— Не скажу.
Надо проверить. Секретно.

— Что-о? — От одного упоминания о какой-либо тайне
Саньку бросало в дрожь, и он готов был любой ценой
разгадать её.

— Погодя скажу. Возьмём ножички с собой, потому что
дело пахнет опасностью. За котлованом знаешь лес
Медведевых?

— А то. А чего в нём? Только скажи мне, ладно? —
Санька покраснел от напряжения и потянул Юру за угол
в надежде выведать тайну.— Скажи!

— Не стой на моей тени,— толкнул Юра Саньку.

— Ты что?

— А то, свиное пыхто! Не знаешь примету: расти
не будешь, если кто будет стоять на твоей тени. Это уж
точно, Санька. Мне бабушка говорила.

— Верь старым больше. Они тебе и не то сказанут!

— Старые люди выдумали бога, чертей, домового, ведьму
с метлой. Вот отец мне читал историю одну, называется
«Ночь перед рождеством». Там один чёрт — так он летал.
«Между тем чёрт крался потихоньку к месяцу и уже про-
тянул было руку схватить его... Однако ж, несмотря на все
неудачи, хитрый чёрт не оставил своих проказ. Подбежавши,
вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя,
перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, до-
ставший голыми руками огонь для своей люльки; наконец
поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чём не бывало,
побежал далее. В Диканьке никто не слышал, как чёрт украл
месяц». Скажи, Фома, как чёрт мог украсть месяц, когда
чёрта нету, он — выдумка? А месяц — та же луна, только
неполностью освещённая солнцем, да и вон летали же на
луну, как же её украдёшь?

— А я откуда знаю. Мог украсть, раз пишут. Тайна,

понял, есть. Вот как живое дерево. Говорят, есть в каждой роше, а попробуй его найди.

— А я видел живое дерево...

— Врёшь! Его никто не увидит, как не увидят расцветший папоротник.

— А я видел во сне,— сказал Юра, глядя на покрасневшее лицо Саньки.— Оно звенело всеми листочками, светилось, и листочки — это как лицо человека.

— Так вот, Борода, мне сказывали, что ежели все листочки произнесут слова, то это ещё не всё, а вот когда все эти лица произнесут одно и то же слово, то это слово — великая тайна! Завладел тайной, и всё тебе в руки даётся.

— А что всё? — пожал плечами Юра.

— Как что? Всё!

— Ну что — всё? — не отставал Юра.— А вот мою тайну разгадаешь? Разгадать — не разгадаешь, а можешь разболтать. Лес Медведовых, а вот там если хорошо себя будем вести, то узнаем...

— Ну-у-у? — Санька прямо задохнулся, присвистнул и сплюнул так далеко, что Юра удивился.— Я готов! Хоть сейчас! А? Давай!

Юра с нетерпением ожидал конца уроков. Учитель то и дело делал ему замечания. Юра глядел в окно. Вон проехала машина, а позади неё, держась за борт, бежал Васька Куликов, который не был в школе, потому что болел.

Санька шептался с Артуром, предлагая обменять ножичек на железный автомат, сделанный Артуру в кузнице отцом.

После уроков Юра и Санька остановились у ворот и некоторое время глядели в небо. Юра разводил руками перед глазами и уверял, что как только отведёт руку в сторону, сразу же видит звезду, огромную, больше, чем луна. Никто, конечно, такой способностью глаз похвастаться не мог. Подошёл Артур Молендор, прищурился и сказал:

— Ты с нами пойдёшь?

— Фома уже проболтался! — воскликнул Юра.— Трепло! Чего ты, Фомочка, болтаешь?

— Так я, ну я это самое,— виновато захлопал глазами Санька.

Юра презрительно смерил Саньку взглядом и направился домой, а за ним на расстоянии шли ребята и о чём-то горячо спорили. Юра готовил план действий. Главное, незаметно ускользнуть на котлован, а потом он придумает такое...

Возле своего двора он насторожился, подошёл к плетню и стал наблюдать за домом. Ничто не говорило, что мать дома, только Шарик замахал хвостом, направляясь в его сторону. Юра стал на четвереньки и зарычал, пытаясь напугать дворняжку, но она будто только этого и ждала, радостно завизжала и кинулась к Юре.

— Юрик!

Юра повернулся и так же на четвереньках заспешил прочь, ругая Шарика, который с лаем бросился за ним, решив, что с ним играют.

— Юрик! Кому сказала! — Это, несомненно, была мать.

Юра приостановился, перевёл дыхание, сквозь щель в плетне увидел мать, растерянно оглянулся и всё понял: невдалеке, невольно его выдавая, стояли Санька и Артур и смотрели на него. «Может быть, мать решит, что ребята глядят на поросёнка?» — подумал Юра и захрюкал по-пороссячи. Но разве мать проведёшь? Опасность отсрочки предстоящего похода к котловану надвигалась неотвратимо. И всё-таки надо попытаться задобрить мать. В запасе у Юры был один безотказный способ: мать прощала ему всё, если он учил уроки или читал. Юра тут же прилёг под плетень и раскрыл «Родную речь».

— Я кому сказала! Ты глухой? Ты чего задумал?

— Вот уж и почитать нельзя. Когда Надя читает, так ей сколь угодно, а мне нельзя. Вот вам и учись на четвёрки и пятёрки.

— А ну встань! Я тебе! — В руках у матери был тонкий ивовый хлыстик, и Юра, принимая меры предосторожности, на всякий случай встал.— Кто читает под плетнём? В пыли! Дома мало!

— Мне Цыбулька мешать будет. Он мне всегда мешает.

— Марш обедать! Погонишь гусей на котлован.

У Юры от выпавшего неожиданно счастья сильно заколотилось сердце, но он ничем не выдал свою радость, боясь, что мать разгадает его замысел. И мать очень удивилась, не заметив радости.

— Мама, я обедать не буду, не хочется.

— Торопись искупаться?

— Вот ещё, мне вовсе не хочется на котлован, сиди, караул гусей,— схитрил Юрка.— Чего уж тут хорошего? А ничегошеньки.

Глава третья

НЕЗНАКОМЕЦ С ГУСЕМ

Юра приготовил отличный хлыст для гусей, достал с чердака наганчики и спичечный коробок с десятью спичками, новый автомат из осины, сделал несколько трубок из старого камыша, положил в карман ножичек и увеличительное стекло. После этого задумался: ничего не забыл?

Цыбулька мешал как только мог, повсюду волочился за ним, канючил, просясь в поход, и невольно узнавал Юрины тайники, в которых хранились самые необходимые для его жизни вещи — «Конструктор», автомат, спички, ножичек, две фотографии обратной стороны Луны, план похода к Иртышу, вырезки из журналов всех советских и американских космических кораблей, азбука Морзе.

— Юрик! — крикнула бабушка.— Чего Витенька плачет? Юрик! Чтоб тебя? Юри-ик!

— А я почём знаю? У него лишние слёзы, глаза вон на мокром месте, вот и плачет.

— Юрик, возьми Цыбулечку на котлован, но гляди, Юрик! Боже сохрани! Ты меня, Юрик, слышал али нет? Вода нынче ледяная, так и схватит судорога.

— Я один только разик — и всё, бабуса.

— Ах ты, аристократ такой! — выглянула бабушка из сеней. Это было её самое ругательное слово — «аристократ». — Я тебе сказала или стенке? Тебе что в лоб что по лбу! Смотри, Юрик, смотри! Витенька маленький. Мать тебя убьёт из-за него и три шкуры спустит. Она тебя из дома выгонит, как чужого, и помнить не будет, — страшила бабушка. — Она тебе, она тебе...

Цыбулька перестал хныкать, сел на прутик верхом и поскакал гнать гусей. Но только он приблизился к гусям, как гусак выгнул шею, и его словно с пращи спустили, так стремительно он кинулся к Цыбульке, который тут же дал стрекача и близко к гусям больше не подходил. За селом, у тока, Юру ждали Санька и Артур. Они стояли в разных концах тока и строчили из автоматов.

— Я тебя убил!

— Нет, я в тебя первый попал!

Ребята вооружились с ног до головы. Всё складывалось как нельзя лучше. Это надо же придумать такое: идти на котлован с гусями. До такой маскировки вряд ли кто мог додуматься. Они гонят гусей как ни в чём не бывало, а сами выслеживают, глядят по сторонам, всё замечают...

— Дай я погоню гусей? — попросил Санька.

— Гони, но не больно шибко, будто мы ничего такого, — великодушно разрешил Юра. — Понял? Маскировка отличная, понял? В кино, помнишь: едет телега с сеном, немцы ничего такого не подумали, а потом наши оттуда выскочили и только: тр-тр-р-р! Тр-тр-р-р! Понял?

— Законное дело, — согласился Санька и сразу весь преобразился, стал громко говорить об уроках, об учителе, изображая из себя матёрого разведчика, пытающегося ввести в заблуждение бдительного врага своими невиннейшими разговорами.

Гуси, завидев воду, загоготали и бросились плавать. Цыбулька снял штаны и забарахтался у берега в грязи.

— На тот берег нужно перебраться незаметно, — сказал

Юра, влез в холодную воду и показал, как надо дышать через камышинку, находясь под водой.

— Зачем? — удивился Артур. — Можно и так.

— Эх ты, ясно зачем. И дураку ясно. Будто мы купались только, отвлекли внимание, и вдруг нас нет. Всё дело в неожиданности. Нас нет — и вдруг мы на том берегу, а потом ползком в лес. Как настоящие разведчики.

— Законно, — подтвердил Санька, снял штаны и первым бросился в воду. Вскоре он вынырнул, закашлявшись. — Законно, только вода в трубку попадает.

— Надо вдоль берега, — сказал Юра, лёг в воду на спину и, отталкиваясь ногами от дна, двинулся вдоль берега, — видна была над водой одна трубка, которую он держал во рту.

Санька и Артур попробовали сделать то же самое, но у них не получалось. Они наглотались воды. А Юра выбрался из воды и уже на том берегу махнул ребятам рукой. Они прибежали к нему.

— В лес нужно ползком ползти, — сказал Юра. — Эх вы! Надо было мою одежду прихватить, будто вы ко мне бежали и несли одёжку, и никто б вас не заподозрил ни в чём!

Санька бросился за Юриной одеждой, а Артур зарядил спичками свой наганчик; Юра замахал руками, бегая по берегу, потому что никак не мог согреться.

Всё было готово, и они поползли в лес. Они смеялись, переговаривались, ползли наперегонки, но вскоре замолчали и сели отдыхать. До леса рукой подать. Они снова поползли, но лес от этого ближе не стал. Сделали привал. И направились к лесу.

Здесь, на опушке, под берёзами, тепло, пахло молодой листвой. В лесу громко куковала кукушка.

— Кукушка, кукушка, сколько мне осталось жить лет? — загадал Юра, и кукушка накуковала ему сто один год. Загадал Санька, ему осталось жить всего три года, а Артуру девятнадцать лет.

— Мне не везёт на этих кукушек, — пожаловался Сань-

ка.— Они мне дают жить — два года или три. И не более.

— Мне много жить. Я схожу в разведку,— сказал Юра, сделал из веток венка и надел на голову, заткнул за пояс ветки и заспешил вдоль опушки. Сердце у него застучало громко, стоило только отойти от ребят.

Отсюда, с опушки, как на ладони видны село с радио- и телеантеннами, конюшня и амбары, автомобили, пылившие по дороге в район, котлован с буграми и далёкие леса, округ смыкавшие горизонт.

Юра углубился в лес. Запахло сыростью. Листья на осинах затаённо трепетали, пугая своим осторожным шумом. Юра набрёл на тропинку, но, вспомнив, что идти нужно не по самой тропинке, а в стороне, свернул с неё. То и дело встречались высоченные пни, видать, лес валили зимой, когда снегу в лесу по пояс, из-под ног с шумом, задевая ветви, вылетели куропатки. Юра от неожиданности присел, здорово ёкнуло с испугу сердце.

У высокого старого берёзового пня Юра остановился и осмотрел пенёк со всех сторон. Пень оказался старый, трухлявый. С той стороны, где сильно выпирали корни и рос мох, нашлось круглое отверстие — вход в нору, заделанный кое-как травой. Юра осмотрелся. Слишком тихо, слишком затаённо шептались листья осин, чтобы не пугаться и не быть настороже. Ах ты, чёрт, если бы хоть кукушка или сорока подали свой голос. Ну до чего тихо. Кажется ему: из-за кустов на него глядят, из-под пней блестят чьи-то глаза, с берёзы за ним наблюдают. Но раздумывать некогда. Юра сунул непослушную руку в нору и сразу нащупал что-то холодное, скользкое, отдёргнул руку и удивился: никто не схватил за руку.

«Вот оно, начинается», — подумал он, отполз от пня и стал наблюдать, соображая: что там могло быть? Его мысли прыгали с одной догадки на другую и ни на чём не могли остановиться. Позвать ребят? Нет уж! А вдруг там ничего и нет? Ребята его на смех поднимут. Надо наблюдать, потому что стоит отойти, как всё может исчезнуть. Юра обычно

не мог долго заниматься чем-то одним, а тут его словно приковали к пню. Он не мог глаз от него отвести, ожидая, что сейчас окажется свидетелем тайны. Ну кто же вылезет из норы? А может, там прячется тот, кого видел Николай? Вот расскажет Саньке и Артуру, они от зависти лопнут. Юра долго сидел под кустом, его пригрело и стало клонить ко сну, хотя он и воображал, как вот сейчас, ну буквально через минуту станет свидетелем ужасной тайны.

«А если там клад?» — озарило Юру, и он уже встал, представляя, как бросит на траву перед изумлёнными ребятами красивый золотой ларец, полный драгоценностей. От одной догадки у него мурашки по спине побежали. Юра вскочил, собираясь сейчас же откапывать ларец, оглядываясь в надежде найти лопату или твёрдый сук, как услышал шаги. По тропинке кто-то медленно шёл, неторопливо что-то говорил то ли себе, то ли кому ещё. Юра, присев, отступил в кусты и замер. Он хотел бежать, чтобы отвлечь идущего от пня, под которым наверняка спрятан клад, и уже собирался вскочить, как увидел между деревьями идущего. Это был незнакомый человек. Незнакомец шёл навеселе, нёс что-то белое в левой руке и мотал этим белым. Юра пригляделся. У незнакомца в руках был убитый гусь. Страшное подозрение осенило Юру: как бы этот мужик не утопил Цыбульку. Юра вскочил, чтобы сейчас, как можно быстрее бежать к котловану, но незнакомец услышал шум и оглянулся. Юра быстренько присел. Мужик остановился. Теперь можно его хорошо разглядеть: небольшого роста, худощавый, с крохотными бегающими глазками. «Люди с такими глазами действуют не задумываясь, бывают жестокими и злыми, а сила в них возникает как бы от их жестокости и злости,— вспомнил Юра прочитанное,— они напористы, вёртки и потому не всегда уверены в своей силе, действуют молниеносно и всегда жестоко». Что поразило Юру, у незнакомца не хватало одного уха. Вместо уха торчали два коротких отростка. Мужик постоял, прислушиваясь, огляделся и, никого не увидев, медленно зашагал по тропинке, осматриваясь, всё

ещё опасаясь, что шум повторится. Так слушают звери.

Юра сразу, как только увидел чужака, решил выследить его, ждал когда тот отойдёт на почтительное расстояние, чтобы направиться за ним. Вот мужик отошёл далеко, можно идти. Юра осторожно двинулся следом, забыв про клад, жалея только, что нет с ним ребят и не видит Соня, к ногам которой хотел бросить самый лучший, самый большой драгоценный камень из платиновой шкатулки.

Мужик неторопливо шёл по тропинке, видать, не спешил, лениво махал гусем, задевая им ветви, что-то бубнил себе под нос — беспечный, никуда не торопящийся человек.

Юра крался за ним, хоронясь за деревьями и кустами, от страха душа уходила в пятки, когда вдруг под ногами трещал валежник. Прошло с полчаса. Лес становился гуще, деревья, поросшие густым мхом, выше и толще.

Они зашли так далеко, что Юру стали одолевать сомнения: как далеко пойдёт мужик и сумеет ли он, Юра, выбраться из чащи? Ему стало казаться, что он никогда не выберется теперь отсюда, не найдёт дорогу обратно, а дома будут волноваться и искать его и найдут через месяц одни лишь кости, и он почувствовал такую жалость к бабушке, отцу, матери и Цыбулке, которые станут плакать и рыдать над его останками, что прослезился.

Мужик свернул в сторону, постоял с минуту, наблюдая за тропинкой, и пошёл. Юра затаился за кустом и потерял из виду мужика. Только вот видел мужика: тот стоял под берёзой, наблюдая за тропинкой, и исчез, словно сквозь землю провалился. Где он? Юра свернул в сторону, куда пошёл чужак, озираясь и с трудом ступая непослушными, подгибающимися в коленках ногами, прокрался к той берёзе, под которой стоял чужак. Нет. Не мог же он испариться? Юра даже забыл про осторожность. До боли в глазах всматривался в кусты, оглядывался, пока не споткнулся и не упал. Ему показалось, будто его толкнули. «Всё,— промелькнуло у Юры,— не узнать, зачем сюда приходил мужик».

Юра закрыл глаза, готовясь принять смерть, но прошло минут пять, десять, никто его не душил, не пронзал ножом, не убивал. Он прислушался — никого. Встал, не разгибаясь, на полусогнутых ногах подошёл к кустарнику, осторожно раздвинул ветви и увидел поляну.

Посредине поляны стоял чужак и стягивал с себя рубашку, рядом лежал гусь. Мужик стянул рубашку, сапоги, штаны и, оставшись в одних трусах, сладко потянулся, ловко подхватил гуся и пошёл через поляну, туда, где под низкорослой, корявой берёзой стоял шалаш; рядом с шалашом торчали две рогатины с перекладиной, на которой висел на проволоке казанок; тут же на ветке берёзы сушились одеяло, пиджак, какие-то тряпки.

Мужик бросил гуся к кострищу, стянул с ветки одеяло и лёг, насвистывая мотив какой-то весёлой разбойничьей песенки. Когда ему надоело свистеть, полез на четвереньках в шалаш. Юра, желая разглядеть, что происходит в шалаше, совсем высунулся из кустов, потом отполз обратно, собираясь подойти к шалашу поближе, но в это время совсем недалеко от Юры, так недалеко, что Юра от страха упал, вышел на поляну ещё один мужик. Юра подумал, что это тоже незнакомец, но это оказался, когда он пригляделся, старик Шупарский. Старик остановился в двух шагах от Юры, даже слышно было, как он шумно, трудно дышал. Нет, Юре сегодня прямо везло на невероятные встречи. Он притаился, считая, что старик заметил его, но хитрит и почему-то пока не хочет показывать этого. Стбит старику повернуться, сделать шаг — и Юра в его руках.

«Чёт-чёт-перечёт, пусть тебя пронесёт,— зашептал Юра старое, верное заклинание, которое ребята произносили, когда не знали уроков.— Чёт-чёт-перечёт, пусть меня пронесёт».

Старик Шупарский был высокого роста, могучий в плечах, на огромной голове его лежал большой клубок совсем белых волос, на загорелом, морщинистом и широченном лице блуждала недобрая улыбка. Старика в селе побаивались за вспыльчивый и злой норов. Однажды, рассвирепев на

быка, на котором ездил в лес за дровами, Шупарский ударом кулака свалил его, и быка пришлось после этого прирезать. Никто не ходил в гости к Шупарскому, и ни к кому не хаживал он. Шупарский был в селе единственным хозяином, чей двор окружал плотный дощатый забор ~~б~~ единой щёлочки.

— Эгей, Ванька! — крикнул зычно старик. — Ты здесь, оглоед безухий?

Из шалаша вышел на четвереньках мужик и прилёг на одеяло.

— Чего, кочерыжка, балабонишь? Не видишь, что ли, меня? — отвечал сердито мужик, сонно потягиваясь и что-то жуя, явно не выказывая никакой боязни деду Шупарскому. — Вон гуся раздобыл на котловане, а выпить нечего. Небось, дорогой дяденька, опять не принёс? Скупость одолела? В горле сухо, как в Каракумах, даже песок хрустит на зубах.

— Малость притащил, — отвечал Шупарский, доставая из внутреннего кармана бутылку водки. — Бузить будешь? Али как? Вот кто тебя погубит — зелёный змий! Он всех губит, племяшек.

— Кончай травить, давай сюда!

Мужик выпил водку.

— За такого жеребца, дорогой дяденька, отвалят нам в казахском ауле не с гулькин нос. Возьми справку, что можно продавать, а то народ пошёл дошлый, поумнел. Грамотные стали! Не как в прошлый раз. Начнут дознаваться: чей, откуда?

— Я возьму в сельсовете справку, племяшка, что продаю бычка и подрисую так, что комар носа не подточит. Загадывать не будем, Ванька. Это на моей шее.

— Не обманут нас? — тревожно спросил чужак.

— Надёжное дельце, поверь мне. В таких областях я учён, — отвечал старик Шупарский.

— Ну смотри!

Дед Шупарский присел рядом и стал щипать гуся. Мужик

запалил костёр. Дым потянуло через поляну прямо к Юре. Юра зажал рот ладонями, чтобы не чихнуть и дослушать разговор до конца.

— В твои годы, Ванька, я табун отбил у казахов. Гнались за мной одиннадцать джигитов, а мы вдвоём с покойником-братком. Шестьдесят лошадей отбили. Мне б твоё время. Мне б твою молодость!

— Не бойсь, не похуже тебя,— сказал мужик. (Юра в это время кашлянул от дыма.) — Погоди-погоди. Слышь? Слышь? Что-ит мне не нравится сегодня шум. А? Что? Слышь?

— Показалось.

— А? Что? Нет. У меня слух на такое... А ну погоду. Не говорь! Ну!

— Коза,— сказал Шупарский.— Где у тебя тут вертело?

— Не говорь! — крикнул мужик зло, прислушиваясь, торопливо оглядывая поляну и отходя в кусты.

У Юры задрожали руки; он попятился прочь, вскочил и бросился бежать. Вот и берёза, а вот и тропинка. Скорей, скорей... Юра торопился изо всех сил, колотилось в груди сердце, казалось, оно переместилось из груди в горло и там застучало, забивая дыханье. Он боялся оглянуться. Будь что будет, лишь бы не оглянуться на бегущего за ним мужика. Юра ничего округ, кроме тропинки, не видел.

Ребята сидели всё под тем же кустом и ругались: никто из них не хотел быть фашистом в войне, которую они затевали.

Когда Юра прибежал и, задыхаясь, долго не мог вымолвить ни слова, ребята переглянулись.

— Скорей к котловану,— сказал Юра и побежал.

У самой воды, положив штанишки под голову, спал Цыбулька. Цыбулька проснулся и долго не мог понять, где находится. Юра присел рядом. У него дрожали руки, колени, он не мог отдышаться.

— Где гуси? — спросил Юра у брата.

— Гуси? А я не знаю. А где они? — отвечал Цыбулька,

надевая штаны.— Холодно. Бабушка ругаться будет. Ты ушёл, и гуси тоже ушли.

Только теперь Юра заметил, что наступил вечер. Задевая верхушки, над дальними лесами висело огромное красное солнце, а по лугам и балкам собирался в жиденькие клубки белёсый туман.

К котловану пригнали стадо на водопой. Санька ходил вокруг Юры и заглядывал ему в глаза.

— Борода, ну? Чего случилось? Волк, что ли?

— Страшнее!

— Скажи. Не скажешь? Вместе ходили, и не скажешь?

— Сказал: потом. Тут, Фома, тебе не шуточки. Узнаешь, так умрёшь на месте.

— Я умру? Ни за что я не умру! Когда я умирал со страха? Вот ты-то лучше скажи: на кладбище один пойдёшь? Ночью!

— Я куда хочешь пойду. Понял? Я один вон на чердаке спал, в колодец до самой воды лазил! А ты туда не полезешь. И на лёд ступал. Понял?

Санька разочарованно махнул рукой и закричал своей корове:

— Зо-орька! Зо-орька! Зо-орюшка!

«Му-у-у»,— ответила ему огромная бурая корова с противоположного берега котлована.

Юра без труда отыскал свою корову, бычка и погнал домой. Цыбулька сел верхом на прутик и поскакал, нахлёстывая «лошадь». Юра шёл и думал о том, что ребятам ни о чём рассказывать не надо, они мигом разнесут новость по селу, и об этом может узнать незнакомец, которого Юра видел в лесу.

Гусей своих Юра заприметил возле сельпо. Он их быстро сосчитал: так и есть — одного гуся не доставало.

Глава четвёртая

ОН СМЕЛО ВОШЕЛ И СКАЗАЛ

На чердак можно попасть только из сеней. Юра приставил лестницу к лазу, прихватил с собой две рваные фуфайки и забрался на чердак. Одну фуфайку постелил и лёг головой к дымоходу, а другой укрылся.

Темно. Жуткая глухая тишина висела на чердаке. Сердце громкими толчками отсчитывало время. Юра прислушался. Нет, всё же не так уж и тихо.

В углу раздался тонкий треск, спустя минуту завёл свою песню сверчок. Юра слушал, боясь шелохнуться. Ему почудилось, будто тот незнакомец лезет на чердак. Вот надвигается на него, и страшно Юре, хочется крикнуть, но стыдно кричать. Куда денешься потом от позора? Прошло довольно много времени, но Юра всё не засыпал. Вот опять в углу зашевелилось, заскребло, зашуршало в соломе и покатилося прямо к Юре. Юра укрылся с головой и опять подумал о чужаке. Мужик протянул к нему руки, чтобы схватить его, и вот уж горячо задышал в затылок. Юра попятился, и вдруг под ним провалился чердак, а он, всё ещё ничего не соображая, полетел вниз. Он никак не мог понять, что случилось. Куда потащил его, почти сонного, мужик? Схватился за лестницу, не удержался и с грохотом упал в стоящую под лестницей бочку.

— Кто там шастает? — спросила сонно мать и, выйдя в сени, чиркнула спичкой. — Юрик?

— Нет, — ответил Юра.

— Отец, а ну погляди! — испуганно сказала мать, не узнавая Юриногo голоса, доносившегося из пустой бочки, оглядела сени и ушла.

Юра выскочил из бочки, залез на чердак, ясно представив себе, как завтра Николай, Цыбулька и Надя будут дружно хохотать над ним.

А утром только и говорили о том, что кто-то заходил

в сени и что поэтому нужно на ночь дверь запирать на засов.

Юра с невинным видом уплетал кашу, изредка поддакивал, будто и он слышал сквозь сон какой-то подозрительный шум, но не придал этому значения, а сам читал в это время книжку, которую нашёл на чердаке. Ни начала, ни конца не имела книжка: «Если в аристократической гостиной особняка де ля Моль всё казалось необычным Жюльену, то и сам этот бледный молодой человек в чёрном костюме...» — читал Юра, его заинтересовал молодой человек, особняк и странная фамилия де ля Моль. «Моль — это же такие бабочки, которые портят всё шерстяное», — думал Юра. Он положил книгу в сумку и выбежал на улицу.

У ворот встретил его улыбающийся Санька.

— У нас пряники пекли, — радостно сообщил он и достал из кармана румяный красивый пряник, похожий на скворца. — Хочешь?

— А у нас конфеты шоколадные, я десять штук съел и пять взял в карман, — сказал Юра, понимая, зачем его прямо у ворот встретил Фома, засунул руку в карман, ища там несуществующие конфеты. — Никак, Цыбулька спёр, паразит. А были. Не хочу я пряника. Я не голодный. Мы же не бедные. Мама в воскресенье печёт хлеб, а пряник — тоже хлеб, только с сахаром. А вот на речке, Фома, ты ни разу не был.

— Будто ты был?

— Обещают. Отец возьмёт, раз сказал.

— Обещанного три года ждут. Законно! Какая она, река-то?

— Длинный котлован, только вода течёт.

— А как вытечет?

— Не вытечет. На сто лет хватит, у неё воды уйма.

Они шли, болтая о том и о сём, но о главном, ради чего Санька встретил Юру у ворот, он спросил у самой школы.

— Про вчерашнее забыл?

— Ничего не забыл. У меня есть план. Во какой! Генеральный!

— Какой, говоришь? План? Врёшь?

— Нужда была. Когда я врал, когда? Ну что-то ты не вспомнишь?

— Да об чём же план? — сгорал от любопытства Санька.

— Сейчас не могу. Кровавая тайна. Если скажу, кровь, наверное, прольётся. А план во! Здорово я придумал! У него только усов нет. Пошли в класс.

— У кого нет? — остановился Санька, но Юра не стал рассказывать.

Санька положил пряник в карман и поплёлся вслед за Юрой, не зная, чем бы таким задобрить его, чтобы вызнать тайну. Глядел Юре в затылок и мучительно пытался отгадать, ну что же это могло быть. А Юра со своей тайной был для него полной загадкой. Санька в конце концов решил, что Юра хочет так отличиться, чтобы о нём заговорила вся школа.

Юра сидел у окна. На удобном месте стояла его парта. Вон по улице на газике проехал председатель сельсовета. Юра глядел в окно и мечтал о прочитанном, о том, как хорошо быть заметным, великим человеком. Идёшь по улице, на тебе новые штаны с карманами спереди и сзади, новая рубашка с двумя карманами, идёшь чинно, торжественно, ласково улыбаешься, смотришь на всех и видишь каждого насквозь, а в голове у тебя множество интересных мыслей, ты даришь их людям, а в голове у тебя их всё больше и больше. А ты говоришь красиво, вежливо. Интересно, а этот Жюльен был лётчиком?

— Юра Бородин! — спросил учитель, но Юра, размечтавшись, не расслышал. — Юрий Бородин!

Юра медленно, нехотя встал, но всё ещё находился под впечатлением только что прочитанного:

— Я вас слушаю.

— Ты здесь? Мысленно ты находишься не в классе, Юра. Вернись в мир реальный, земной.

— Да. Разрешите сесть?

— Садись, Юра.

— Благодарю вас, глубокоуважаемый Захар Никифорович. Я весьма вам признателен, досточтимый Захар Никифорович.

— Что? — спросил учитель, положил ручку и удивлённо поглядел на Юру. — Что ты сказал? Где ты находишься, Юра? Юра Бородин! Скажи мне? Ты опять читаешь недозволенную детям литературу? Ты живёшь в воздушном замке, Юра. Кто тебе даёт такие книги?

По классу прокатился лёгкий шумок. Все глядели на Юру.

— Мы же, Юра Бородин, не в благородном собрании, а на уроке. У нас тяжёлая, но необходимая работа по познанию жизни, а ты отвлекаешься. Учиться — значит познавать жизнь. Правильно говорю, ребята?

— Правильно! — раздались голоса, а громче всех сказала Соня Кенкова.

— А тебя, Юра Бородин, после урока вызывает завуч, — сказал учитель, дочитал до конца список учащихся и вызвал к доске Мишу Марчукова.

Юра завидовал Марчукову, который был в Омске и видел там танки, электровозы, самолёты, легковые машины, говорит, ракету видел в метре от себя, только не стрелял, а главное, купался в реке Иртыш. Вот прежде всего чему завидовал Юра. Ему ни разу не приходилось видеть речку, разве только в кино.

Марчуков носил книжки и тетради в новеньком ранце. Марчуков носил рубашку, у которой вместо пуговиц — «молния». Недаром же Марчуков был сыном директора леспромхоза и приехал из Омска в прошлом году на «Волге». Вот только учился неважно, и это ему не прощалось, потому что он был из большого города.

Юра глядел в окно и жалел, что так быстро проходит урок и до встречи с завучем остались считанные минуты.

Марчуков никак не мог решить пример.

— Юра, какой будет ответ? — спросил учитель.

— 97, — ответил Юра, и в это время прозвенел звонок.

Юра постоял в классе и, считая себя самым несчастливym человеком в мире, побрёл к завучу.

— Можно? — спросил Юра, отворяя дверь в кабинет.

В кабинете завуча не было, а на стуле у окна сидела мать. Вот уж чего Юра не ожидал. Лучше бы его наказали как угодно, но только не вызывали мать в школу. Оттого что в кабинете сидела мать, Юре стало стыдно вдвойне, и он согласен был провалиться сквозь землю, если бы наступил такой счастливый момент.

«Нет,— думал Юра,— лучше умереть, чем испытывать такое унижение». Умирают же люди, проглатывая яд, или, читал он в одной книжке, разрезают себе на руке вену бритвой, забираются в ванну с водой и ждут, когда от них уйдёт жизнь. Только где найдёшь ванну? Нет её. Эх, как бы хорошо умереть сейчас же! Ведь ничего такого не сделал, а Соню ударил Санька. Ведь он ремень у Саньки отобрал, когда тот ударил, а Соня увидела ремень в его руках и наядбедничала. Он к ней так хорошо относился, а она на него наговорила. Нет, хорошо бы умереть. Лежишь себе преспокойненько в гробу и будто совсем мёртвый, а все жалеют тебя, плачут, говорят: «А всё-таки Юра Бородин хороший мальчик». А Фома пожалел бы о том, что не сознался в своём проступке. Единственное, пожалуй, что спасало Юру,— это то, что мать не плакала, а сурово глядела на него. Иначе он не смог бы пережить такое унижение.

— Как у тебя глаза от стыда не повылазят, идол! — сказала мать тихо, но твёрдо, и Юра понял: матери, наверно, было даже стыднее, чем ему, потому что она взрослая, но всё-таки хорошо, что мать пригрозила ему, значит, ничего такого не произойдёт.

— А чего я такое сделал?

— Знаю я чего! Ты мать живой в могилу вгонишь! Работашь, как окайнная, с утра до вечера, чтоб он учился, стаd человеком, и вот нá — какая благодарность! Свиней хочешь пасти? Будешь, от тебя такое добро никогда не уйдёт! Или быкам хвосты крутить? А я-то для вас стараюсь, ну не идол

ли! Наде с таким трудом всё даётся, а ему, почитай, и учить не надо, а только в книжку загляни, а он вон вытворяет!

В это время вошёл директор, поздоровался, торопливо взглянул на Юру.

— Так что же? — спросил он мать. — Ах да, мне завуч Марья Федосеевна напоминала. Так что, Юра Бородин, — обратился он к Юре, — будем извиняться? Так? Будем извиняться?

— Уж вы, Андрей Тихонович, — начала жаловаться мать, встала и, переминаясь с ноги на ногу, не знала, что и сказать, — меня простите. Некогда доглядеть. А за ним гляд да гляд нужен. Но вы ничего такого не подумайте, он у меня славненький, уж чего я только не подумала плохого, когда прочитала в дневнике. Простите меня, дуру, а он разве враг себе?

Вот уж чего Юра не ожидал услышать от матери. Ведь она только что ругала его. Ну что за мать? Юра даже вспотел от стыда.

— Кто вас вызывал, Бородина? — спросил директор.

— В дневнике указано: завуч.

— А напрасно. Она поторопилась. Очень даже напрасно. Мы вызываем в крайнюю нужду. А здесь? Кто будет извиняться за то, что ударил ремнём девочку, Юра? Кто? Может быть, мать пошлём? А стыдно не будет?

— Я, — продохнул Юра.

— Отлично. Я вас не держу, — обратился директор к матери. — Идите. Не волнуйтесь. — Только теперь Юра заметил: глаза у матери блестели от слёз. Мать торопливо, боясь расплакаться, выбежала. — Ну, Юра? Тебе известно, что если парень хорошо относится к девочке, он не может быть плохим человеком? Поверь мне. Тот, кто не оскорбит девочку, а девочки — это наши будущие матери, не способен оскорбить человека или сделать подлость. И всегда, Юра, оскорбляя девочку, мы всё-таки, заметь это, оскорбляем и мать. Но мать для нас — святыня! Разве можем мы святотатствовать? Не можем. Так или не так?

— Понял,— шмыгнул носом Юра, хотя ничего не понял из длинной речи директора.

— Вот так-то, нужно извиниться. Ничего не поделаешь. Я знаю, что для мальчиков — это хуже смерти, но ничего не поделаешь. За свои проступки будем отвечать сами. На уроке встанешь и скажешь: извини, мол, так и так. Будь как солдат в бою. Наберись смелости.

— Понял. Только не я ударил.

— А кто? Кто же? Не само же по себе это произошло, Юра?

— Не я.

— Допустим, но извиниться надо. Извинись, а учитель мне передаст. Иди, Юра. Я, Юрий, старый солдат и люблю дела, а не слова.

Юра осторожно прикрыл дверь, давая себе самое твёрдое слово с этого часа никогда никого не обижать, ни с кем не ссориться, стать тихим, послушным, таким, что все станут удивляться, помогать матери, бабушке, всем, кто нуждается в его помощи, любить их, а себе отказывать во всём.

Была большая перемена, по двору носились ребята, и на душе у Юры стало радостно: его не наказали, а он думал, что наказание будет ужасным, возможно, исключат из школы, и он вынужден будет уйти из дому, скрываться и жить в лесу. А вот Артур Молендор в кругу ребят борется с Марчуковым. Марчуков сделал подножку, и Артур хлопнулся об землю. Артур, весь красный от стыда и напряжения, делал отчаянную попытку высвободиться из-под Марчукова.

— Всё, есть! — кричали ребята.

Артур яростно извивался, но всем было ясно: он проиграл. Марчуков встал и победоносно оглядел ребят:

— Кто следующий?

— Цыц ты, кролик! — не удержался Юра, забыв обещание, данное только что себе: ни с кем не ссориться, никого не обижать, всем помогать, всех любить.— Молоко вон не просохло... Чья б корова мычала, а твоя молчала!

Марчуков схватил Юру за шею, норовя сделать поднож-

ку. Юра схватил его за грудь, покружился-покружился и упал, увлекая за собой Марчукова, а упав, ловко толкнул его коленками. Марчуков перелетел через него, а Юра в мгновение очутился сверху.

— Кто так борется? — захныкал Марчуков, отряхиваясь и облизывая пыльные губы. — Кто так играет? Против правил!

— Я не против правил!

— Так и дурак сможет, а ты попробуй честно!

— А я не честно? Давай без подножек, давай?!

Марчуков молча подошёл к Юре, стараясь ухватиться поудобнее, и они заходили по кругу, но Марчуков неожиданно пригнулся, схватил Юру за пояс и, упираясь что есть сил ногами, старался опрокинуть его. Юра наклонился влево и надавил подбородком на левое плечо, затем рванулся вниз, Марчуков выпустил его, и тут Юра снова упал, надеясь на свою увёртливость, и, побарахтавшись в пыли, оседлал противника.

Зазвенел звонок. Юра заторопился в класс и стал ждать. Захар Никифорович медленно, как всегда, вошёл в класс и тяжело вздохнул, некоторое время выжидая, предупреждённый директором, когда Юра извинится перед Соней, но не дождался.

— Продолжим решение наших примеров, — сказал учитель и увидел, что Юра поднял руку. — Что у тебя, Юра Бородин?

Все ребята посмотрели на него. Их глаза светились любопытством, и каждый спрашивал себя: «Что это ещё надумал Бородин?» Юра видел, все глядят на него, и знал, что особенно трудно заставить себя произнести первые слова, и он с трудом выдал из себя:

— Соня, извини меня за мой плохой поступок, но я тебя не ударил всё равно. Извини меня за того, кто тебя ударил.

Весь класс замер. Мишка Медведев, считая, что Юра окончательно позорит свою мальчишескую честь, извиняясь перед девчонкой при всех, уронил наганчик, а Санька Фомичёв от стыда покраснел; Соня молчала, опустив голову,

и её лицо медленно заливал румянец. Тут случилась ещё одна неожиданность. Мишка Медведев поднял наганчик, который уронил перед этим, загнул гвоздь, натянул резинку на загнутый конец трубки и гвоздя, оттянув при этом гвоздь, и случайно нажал на резинку. Раздался выстрел.

— Михаил Медведев, положи наганчик ко мне на стол,— сказал тихо учитель. Наганчик был положен на стол.— А теперь останься возле доски и постой, пусть на тебя полюбуются ребята. Зачем ты стреляешь в классе?

— Это не я.

— А кто же ещё?

— Я не нарочно.

— Но всё-таки ты?

— Нет, не я.

— Но ты сказал, что не нарочно, Михаил Медведев? Как некрасиво врать в глаза! Сумел сделать, сумей и ответить, как это сделал Юра Бородин. Это замечательно, он сказал правду. Честь ему и хвала: он смело встал и сказал.

Все поглядели на Юру. На этот раз с завистью. И каждому хотелось сейчас быть на его месте. А он сидел тихо и мысленно давал себе слово поступать так, чтобы потом не было стыдно, как вот сейчас.

Глава пятая

ГОСТИ И КОСТИ

Юра постоял возле селяпо, походил вокруг клуба и совсем случайно нашёл замечательное колесо от старой брички, которое можно катать сколько угодно. Ему сегодня везло. Вскоре он случайно в лебеде набрёл на медную трубку и здесь же, буквально через несколько шагов, совершенно неожиданно наткнулся на гнездо, в котором лежало пять куриных яиц. Если сдать эти яйца в селяпо, можно сходить в кино. Санька чуть не лопнул от зависти. А когда Юра под

крыльцом, неслыханное дело, нашёл пятнадцать копеек, Санька почувствовал себя прямо несчастным, а Юра — богатым королём. Затем ребята стали заглядывать в окна клуба, в котором сегодня должны показывать новый фильм. Санька на афише «Дети до 16 лет не допускаются» зачеркнул «не» и вышло: «Дети до 16 лет допускаются». Они весело болтали, бегали, смеялись.

Но самое интересное случилось у Юры сегодня дома. Бабушка в сарае ловила курицу, а за ней по пятам ходил Цыбулька и хныкал:

— Бабушка, а курочка ряба где?

— Вот поймаю сатану, сгори она синим огнём, увидишь.

— А ты её когда поймаешь?

Бабушка изловчилась и ухватила курицу за крылья. Курица отчаянно вырывалась, кричала так, что петух возмутился и закукарекал, заходил вокруг сарая, высоко поднимая ноги:

«Куд-куд-куд-дах! Куд-куд-ку-дах!»

— Дай мне? — попросил Цыбулька курицу.

— Упустишь её, проклятушую.

— Не упустию.

— Юрик, где ты пропадаешь, сорванец? Тебе дома не сидится? У тебя никаких дел нету? Вот на, пощупай, с яйцом ли? — Бабушка крепко держала курицу в вытянутых руках, а Юра должен определить, скоро ли курица снесётся или нет. Юра быстро нащупал яйцо. Яйцо уже затвердело, и курица должна была вот-вот снестись.

— Баба, она с яйцом, — сказал Юра.

— Я хочу пощупать, — захныкал Цыбулька, собираясь заплакать оттого, что ему не доверяют в таком исключительно важном и серьёзном деле.

Бабушка выпустила курицу и ухватила другую, белую, которая подняла невероятный гвалт, вырывалась из рук, продолжая отчаянно кричать, переполошила не только всех кур в сарае, но и у соседей.

— Это не курица, а чёрт рогатый! — возмутилась бабуш-

ка. Наконец она в падении схватила одну из них за ноги и протянула Юре: — Щупай.

Курица оказалась без яйца, и бабушка посадила её в бочку.

— А зачем? — удивился Юра, зная, что в бочку обычно сажают кур, пожелавших стать наседками, а эта курица никак не претендовала стать наседкой.

— Гости будут, — ответила бабушка. — Не будут гости глодать кости.

— Гости! — закричал Юра. — Дядя Антон? Ура-а! У нас гости!

— Откуда? — захныкал Цыбулька. Это дядя Антон оставил младшему брату прозвище Цыбулька.

— От верблюда.

Сегодня Юре действительно везло. Он смастерил из проволоки кат и разрешил Цыбульке покатать колесо по пыльной дороге, потом сделал из найденной трубки наганчик и отдал его тоже при условии, что они разыграют сейчас сражение. Юра положил себе на голову половую тряпку, украшенную пером белой курицы, надел вывернутый наизнанку полушубок, воткнул за пояс все свои деревянные кинжалы, взял в руки по ракете, а сам при этом громко кричал:

— По левому флангу — огонь! По правому — огонь! Ракета межконтинентальная антипиратская — взлёт на орбиту!

На поднятый шум не мог, разумеется, не прибежать Санька.

Цыбулька опустил на четвереньки и стал изображать танк, исторгая при этом звуки, которые скорее походили на куриное клохтанье, чем на рёв танков. Напротив на четвереньках замер Санька, надевший на голову дырявое ведро, — он изображал танковую колонну. Когда моторы боевых машин достигли своего яростного накала, а пехота противников, подбадривая себя боевым кличем, ринулась в атаку, Юра стал изображать то взрывы атомных снарядов, мечя при этом кульки с золой, которую он предусмотрительно выгреб из печи ещё утром, то гудение пикирующих самолётов.

Танковые колонны были уже недалеко друг от друга, готовясь к решительной схватке, когда во дворе неожиданно появилась мать.

Зная строгий нрав Юриной матери, Санька снял с головы ведро и, не мешкая, убежал.

Мать молча прошла в дом, а через некоторое время появилась во дворе.

Юра сбросил с себя одежду полководца и выжидательно поглядел на неё, оглядываясь и, как всегда в таких случаях, намечая пути к отступлению.

— Юрик! Сколько можно бездельничать? Марш по воду! Витенька, миленький, собери, сыночек, щепок для печи. Топить будем. Витенька — самый послушный мамин сыночек.

Цыбулька, кряхтя и пытаясь, принялся своим усердием доказывать, что он действительно самый послушный и самый замечательный сыночек.

Юра, чувствуя себя виноватым перед матерью за сегодняшний визит к директору, молча взял ведра и заторопился за водой. Во дворе находился тоже колодец, но вода в нём была солёная, и её использовали только для полива, а воду для питья брали из общего колодца. Юра принёс два ведра. Его заставили мыть полы, и он безропотно, молча, чувствуя, что ещё не искупил полностью вину, начал мыть полы. В печи на загнетке пылал огонь; бабушка скребла казанки и кастрюли, а Цыбулька, похныкивая, собирал щепки и хворост. Пришёл Николай. Вот что значит гости! Все торопятся домой и делают с удовольствием ту работу, от которой раньше отлынивали.

— Хочешь резинку для пращи? — спросил Николай Юру.

— На тебе, боже, что мне не гоже?

— А вот отгадай: отчего в Париже Сена не горит? — спросил Николай и засвистел.

— Колька, а ну в доме не свисти! Хочешь беду насвистеть? — прикрикнула мать. — Готовь баню!

— Ох и тёмные у нас люди, — сказал Николай. — Так не знаешь, мелюзга, отчего не горит Сена?

— Отчего у гуся ноги красные? — спросил Юра. — А утка от чего плавает? Не знаешь?

— Дура ты! — сказал Николай, рассердившись, дал Юре щелчка в лоб и ушёл.

Юра вымыл полы на совесть, протёр ножки столов и табуреток, намочил пол в сенях. Когда собирался в углу под кроватью, где сидела на яйцах наседка, тоже навести порядок, наседка рассердилась и так ущигнула его за руку, что Юра взвыл от боли.

А вечером Юра с Цыбулькой и матерью пошли в баню. Юра любил ходить с отцом в баню, но тот ещё не приехал. Цыбулька хныкал, вызывая на сочувствие и заранее считая себя обречённым на страдание от мыла, пара и цепких маминых рук, а Юра молчал, стараясь придумать какую-нибудь уловку, чтобы отвертеться от бани.

— У меня вот здесь болит, — сказал он наконец, приложив руку к груди и придавая лицу насколько можно страдальческий вид.

— А вот здесь не болит? — мать шлёпнула его и открыла дверь в предбанник, пропуская Цыбульку и Юру. — Я тебе! Ты у меня попляшешь! Ты мне всю душу вымотал! Я тебе, чертёнок, покажу! Мать от стыда хоть умирай! Ну, ладно, ну, погоди, срамник ты этакий! К директору мать вызывают!

После таких слов Юра мудро решил, что ему ничего не остаётся, как полностью покориться судьбе и попытаться счастья в роли самого послушного сына. Он разделся, аккуратно сложил одежду и невинно спросил:

— Хорошо, мама, я сложил одёжку?

В бане густой пар белым туманом висел от пола до потолка. Цыбулька сразу присел у двери, а Юра облился водой и залез на верхнюю полку:

— Мама, я здесь.

Мать тоже залезла на верхнюю полку, побила веником себя и Юру и начала мыть Цыбульку. Цыбулька орал вовсю, будто его резали. Но мать, сидя рядом с ним на корточках, не обращала на крик внимания, тёрла его мочалкой, мылила

и снова тёрла, пока он не был вымыт и не засиял белорозово. Цыбулька долго ещё хныкал в предбаннике и грозился убежать из дому в лес и там поселиться навечно.

Настала очередь Юры. Он долго сопел, кряхтел, представляя себя солдатом, который попал в плен и молча, терпеливо переносит пытки. Мать мочалила его усердно и долго; Юре стало казаться, что у него слезает с тела кожа.

— У меня вся кожа слезла,— сказал Юра, сдерживая слёзы.

— Какая кожа? — удивилась мать.

— Кровь сквозь неё капает.

— Кровь? — Мать отстранила его и, не обнаружив крови, окатила целой шайкой воды.— Марш одеваться! Посмотри на ноги! Какие цыпки завёл! стыдоба! Мужуку столько лет, а у него цыпки на ногах! Марш одеваться! И цыпки сметаной на ночь бабушка пусть смажет.

После бани Юра, отдыхая, посидел на завалинке. Николай мастерил клетку для принесённых из лесу ещё не оперившихся кобчиков и напевал:

Ты меня ждёшь,
И у детской кроватки не спишь...

Солнце только зашло, и на землю скользнула первая тень. Ещё вишнёво млел закат, и там, где только что было солнце, пронзительно вспыхнуло палевое облачко и на какой-то миг задрожали, свёртываясь, тени; но вот потухло облачко и легли на небо длинные зеленоватые тени, и сразу стало тихо, глухо и по-домашнему уютно в селе. Юра не знал почему, но он больше всего любил именно это время, когда только село солнце, глуше и тише стали голоса, мычали коровы, а внутри его что-то успокаивалось, дремотно и заворожённо сникало.

По улице, поднимая клубы пыли, призывно мыча, торопилось стадо.

— Кольк, когда дядя приедет?

— Ночью. Отец поехал на станцию. Скажи, Юрка, что такое круглый дурак?

— Это у кого круглая голова, как у тебя.

— Но-но! Смотри, получишь в лоб! Сопляк! Больно умный стал. Смотри, выбью дурь из головы!

Юра решил дожидаться приезда отца и дяди, но уснул, а когда утром проснулся... В доме светло, чисто, вкусно пахло пирогами, кислым тестом; на окнах висели новые шторы, на полах расстелены половики; на маме красовалась новая кофта и на бабушке тоже; отец глядел радостно и довольным, а Николай надел даже белую рубашку с галстуком, которую ему подарил дядя в прошлый приезд. Цыбулька уже давно не спал и по-своему использовал всеобщую радость, благодущие и доброе настроение, которое воцарялось с приездом родственников: просил у матери сахара, и она давала ему, требовал конфет, и она тоже не отказывала. Цыбулька наслаждался великолепной райской жизнью, в такие моменты становясь капризным, требовательным, и всё сходило ему с рук. Никто не замечал его капризов. Он использовал всеобщее благодущие в полную меру.

В горнице, на кровати, где обычно спали отец и мать, на чистейших простынях спал дядя Антон. Когда солнце лучамихватило дядины ноги, мать завесила окно шалью. Но вот дядя проснулся. Он лежал некоторое время молча, отходя ото сна, потом гекнул и опустил белые ноги на пол, посидел, не замечая, что к дверям сразу кинулся Юра. Дядя натянул галифе и вышел из горницы, сладко и радостно улыбнулся чему-то.

— Доброе утро.

Ну мать! Юра прямо не мог узнать её, настолько она изменилась, похорошела, так откровенно старалась угодить во всём дяде Антону, младшему брату отца. Сама налила только что принесённой из колодца воды в умывальник, протянула ему в мыльнице душистое розовое мыло. Дядя умывался, а она стояла рядом с полотенцем и ждала, когда он умоется.

В сенях уже вовсю попыхивал самовар, а на столе чего только не было: румяная сдоба, жареная курица, дымящаяся картошка и селёдка, грузди (поди поищи сейчас их в селе!), сметана и только вчера сбитое масло, шанежки, пироги...

Но вот дядя появился в дверях горницы, уже одетый, хорошо пахнувший одеколоном, и все, кроме отца, встали, ожидая, когда он сядет. Между Юрой и Цыбулькой возникла жестокая борьба за место возле дяди, но в борьбу вмешалась мать, и Юра уступил поле боя младшему. Все сидели и ждали, пока отец разливал водку в стаканы.

— С приездом, дорогой братушка,— сказал отец.— Спасибо: не забыл.

— Будем здоровы,— отвечал дядя и, оглядев всех, выпил и закусил груздем.

— Будем здоровы,— повторила бабушка, прослезившись, и обняла молчаливую Надю.

Когда выпили и закусили, дядя стал одаривать подарками.

Так и замелькали кофты, юбки— для мамы, бабушки, новый костюмчик для Нади, вельвет на костюмчики Юре и Цыбульке, джинсовые брюки и цветастая нейлоновая рубашка для Николая, чёрный красивый костюм отцу.

Было воскресенье. Отец ушёл на работу, а дядя, мать и бабушка собрались к родственникам. Дядя надел китель, на котором полыхнул огнём добрый десяток орденов и медалей. Юру не взяли с собой, но он сопровождал некоторое время дядю по улице. Дядя шёл по улице, а Юра издали любовался им. Вот он остановился возле сельпо, а стоявший тут же участковый милиционер Загорулько вытянулся и отдал честь. У Юры от восторга дыхание перехватило. Это его родному дяде участковый милиционер, гроза всех мальчишек, отдаёт честь при всём народе, потому что дядя — капитан. После случившегося ещё ослепительней блеснули ордена на крутой груди. А как мама выступала рядом!

Только у бабушки слезились глаза: она вспоминала своего младшего сына, погибшего на войне, а он был одногодок дяде Антону.

Но вот дядя, мать и бабушка скрылись в доме Стояновых. Юра тоскливо огляделся. До вечера ещё далеко, а дядя наверняка в гостях пробудет до позднего вечера: кто ж отпустит такого гостя рано?

Юра вернулся домой, накормил кобчиков, дал им попить, отвесил тумак Цыбульке, вздумавшему его напугать, и стал под хворостом искать куриные яйца. Но и это вскоре надоело.

Юра стал слоняться по двору, стараясь придумать для себя какое-нибудь интересное занятие. Цыбулька теперь держался на отдалении, хныкал, грозился рассказать о Юриных проделках дяде. Надя ходила по горнице, готовилась к экзаменам, но отложила книгу и стала примеривать костюм, привезённый дядей. Юра долго подсматривал за сестрой — как она одевалась, как раздевалась, пока Надя не заметила его:

— Ты чего подглядываешь?

— А я видел, а я видел, как ты целовалась с Шуваевым!

— Бесстыдник!

— А я видел, а я видел! — кричал Юра и прыгал у двери.

— Большой ты, Юрик, а ведёшь себя... Как тебе не стыдно!

Юра оставил Надю, залез на чердак, достал из потайного места старые часы и стал мастерить танк. Сбил из дощечек танк, поместил внутрь часовой механизм, завёл часовую пружину. Танк, касаясь шестерёнками земли, двигался, крутились колёсики, поворачивалась башня, всё как у настоящего танка. Юра приделал к башне свой наганчик из медной трубки, а когда надоело возиться с танком, спрятал его под солому в углу и слез с чердака.

Солнце стояло ещё высоко, до чего медленно тянулось время. Небо млело от жары, и только с севера напозлали мгlistые полосы, а в селе было тихо, глухо, одни петухи изредка нарушали воскресную тишину, да доносился с полей еле слышный перестук тракторов. Замерло всё живое, ожидая, когда спадёт жара. Что делать?

Цыбулька лежал в тени возле сарая и спал, а рядом, примостившись у его спины, дремал кот Пушок. Юра хотел

было пошутить над спящим Цыбулькой, но вот взгляд его упал на тополь, и он мигом влез на него. Из скворечника вылетел скворец и молча уселся на вершине дерева. На тополе было прохладно и просматривалась вся улица. Юра стал разглядывать улицу, но такое безобидное и бездеятельное занятие быстро наскучило.

Он слез, взял свою любимую книгу, где рассказывалось, как погиб Чапаев, и снова взобрался на тополь. Он никак не мог согласиться, что Чапаев так глупо погиб. Погиб в то время, когда до победы — рукой подать. Ах же ты, чёрт, вот прут, лавами несутся казаки, а Чапаев в одном белье, с винтовкой в правой руке и револьвером в левой... «Уж совсем поредели сумерки...»

— Юрик! — раздался голос матери.

Молчание. Юра был уверен; что уж на тополь взглянуть мать не догадается.

— Юрик! А ну-ка садись за жернова и намели крупы. А когда намелешь, капусту нужно полить. Ты меня, Юрик, слышал? Ты чего молчишь?

— Пусть Надя. Всё Юра да Юра? Чего я вам, лошадь?

— А ты маленький? Надя пусть уроки учит, ей вон экзамены сдавать, а тебя не убудет.

— Цыбулька вон спит,— искал выхода Юра, зная уже, что всё равно ему, а никому другому придётся делать то, что сказала мать. Но всё же он раскрыл книгу на своём самом любимом месте и представил себя полководцем. — «Вот он круто повернулся, мчит к командиру батареи: «Бить по мельницам!»»

— Юрик, я кому сказала?!

Ах, этот славный Сломихинский бой!

— «Бить по мельницам!» — громко отвечает Юра.

— Юрик, долго тебя ждать? Мне же некогда! Я вон пришла грибков только прихватить дяде Антону. Юрик?

— «Все пулемёты с мельниц скосить!»

— Я вот тебе, я тебе дам пулемёты!..

Юра неохотно спускается с тополя и идёт в дом, садится

за маленькую ручную мельницу и начинает крутить её. Хорошо, что пшеница крупная и сухая: молоть крупу одно удовольствие. Многие покупают крупу в сельпо, а вот мать считает, что своя крупа лучше, и права, наверное, потому что Юре сейчас неожиданно хорошо, и он крутит мельницу с удовольствием. Берёшь пригоршню пшеницы, засыпаешь в отверстие мельницы и крутишь. Рядом ходит Надя и твердит:

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле...

Юра крутит, мягко, монотонно гудит, шурша, мельница, сыплется тонкой горячей струйкой крупа в миску. Юра уже забыл, что его заставили работать, увлекается, с удовольствием гудит сам, подражая мельнице, и попробуйте сказать ему, чтобы перестал крутить, обидится, и не видит он, что Цыбулька стоит рядом и с завистью глядит на него.

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу ещё сказать?..

Это уже Юра декламирует письмо Татьяны к Онегину, и грустно от таких слов. Какая ж это была славная Татьяна, которая умела так грустно и стыдливо сказать. Юра уже запомнил то, что учила Надя. Надя учит который день и никак не может запомнить, а он уже знает наизусть. Он, кажется, и не слушал Надю, десятки раз повторяющую стихи. «Я к вам», — говорит Юра и делает пол-оборота мельницы, — «пишу», — ещё пол-оборота, — «чего же боле?» — полный оборот. Цыбулька с завистью глядит на Юру.

— Дай я? — канючит он.
— Не дам, Цыпа, ты не умеешь. «Что я могу ещё сказать?»
— Юрик, дай я?
— Не дам, не проси. Другой раз дал бы, не жалко, а на этот раз — не проси. Сам хочу. Что я, хуже тебя!

Всё дай и дай! Ишь чего захотел! Больше ничего не дать?

— Да-ай! Ме-не! Хо-чу!

— До конца?

— До ко-он-ца.

Юра соглашается, выходит в сени и тут сталкивается с матерью. Она чем-то обеспокоена, озабоченно хмурится и тут же спрашивает:

— Юрик, а почему восемь гусей? У нас же девять гусей!

— А я почём знаю? — в свою очередь спрашивает Юра.

Он мог всё рассказать матери, но она ведь сразу же побежит к Шупарскому, поднимет такой шум на всю округу, а гуся-то всё равно нет уж. Вот кто не боится старика Шупарского — это мама. Она пойдёт к нему и всё, что надо, выскажет, и ничего с ней не поделаешь: не побоятся она свирепого и злого старика. Не побоятся она никого, если знает, что права.

— Вчера был? Как я закрутилась и не посчитала? Нет бы мне посчитать. Чтоб мне вечером, Юрик, гусь был. Хоть из-под земли, а найди его.

Юра выглянул на улицу. Никого. Влез на сарай, уселся поудобнее на прошлогодней соломе. У него засвербило в носу, и он стал тереть нос пальцем. А вон и Санька стоит на саях и чистит ножом палку.

— Фома! — крикнул Юра. — Поди!

Санька не заставил себя долго ждать.

— К чему это у меня в носу чешется? — спросил Юра, когда Санька взобрался на сарай.

— К новостям, — серьёзно ответил Санька. — Или кто по носу даст.

Глава шестая

ДОВЕРЯЕТ ТАИНУ

Они, не сговариваясь, слезли с сарая и направились на котлован. По пути забрели на крытый ток, где лазали по перекладам, стремясь добраться до воробьиных гнёзд, но на этот раз им попадались всё больше пустые гнёзда. Затем Юра спустился в заброшенный колодец, добрался до льда и отколол кусочек, чтобы Санька мог лишний раз удостовериться в его храбрости. Набегавшись, сели отдохнуть в тени на молодой зелёной травке.

— Давай будем играть в настоящих разведчиков? — предложил Юра.

— А я разве против?

— Вон, видишь, собака бежит. Ты не читал, как около одного нашего военного завода, где делали секретные межконтинентальные ракеты, всё время бегала собака, а потом оказалось, что у неё вместо глаз были маленькие фотоаппараты?

— Как так?

— Очень даже просто, вместо глаз вставили фотоаппараты. Американская оказалась собака. Шпионская!

— И она фотографировала?

— Пока не поймали. Давай, Фомочка, и мы секретничать, шифровать наш разговор. Вот, например, ты сказал: я пошёл. А нужно говорить: я-хтарма пошёл-хтарма.

— Я-хтарма пошёл-хтарма на котлован-хтарма купаться-хтарма. Так?

— Пошли-хтарма, — Юра выглянул из-за угла мельницы и поднял руку. По дороге от села ковылял старик Шупарский. — Т-ш-ш, впереди враг-хтарма.

— Кто-хтарма? — спросил Санька и тоже осторожно выглянул.

— У нас как на настоящей войне! — восхищённо сказал Юра.

Старик Шупарский, засунув руки в карманы, медленно брёл в сторону котлована. По лугу, между мельницей и котлованом, стояло множество пней, здесь рос когда-то лес. Юра и Санька, прячась за пнями, поползли вслед за стариком, не выпуская его из виду. Санька вскоре выдохся и сел отдыхать.

— Фома,— серьёзно, строго, стараясь не моргать и глядеть Саньке в глаза, спросил Юра,— если я тебе открою тайну, ты никому не разболтаешь?

Санька побледнел и, широко открыв глаза, глядел на Юру, ожидая, что тот сейчас откроет ему тайну, которую так долго скрывал.

— Честное пионерское! — продохнул он.

— Скажи: умри мать моя и отец, если я нарушу эту святую тайну или проговорюсь. Дай сюда мизинец, согни его вот так и держись за мой, а теперь говори. Честное пионерское, клянусь отцом и матерью, братьями и сёстрами!

Санька повторил страшную клятву.

— А теперь стань на колени, опусти голову до земли, чтобы и земля слышала. Повтори.

Санька повторил.

— Дед Шупарский замышляет недоброе. В лесу прячется чужак. Они замышляют убийство. Нужно всё разузнать и выследить их.

— Честное слово?

— Честное слово!

— Ух ты! — проговорил Санька и пополз.

Возле котлована они снова отдохнули и поползли к лесу, в котором, пока Санька давал клятву, скрылся старик.

У высокой, одиноко стоящей берёзы остановились. Юра глядел на лес, потом уселся поудобнее и вдруг увидел рядом с собой длинную, изломанную тень человека. Тень качнулась и легла ему на ноги. Он оглянулся и замер. Рядом стоял старик Шупарский и, прищурившись, глядел на него.

— Хлопче, што тута потеряли? — глухим, хитрым голосом

спросил старик и присел рядом на корточки, пристально глядя Юре в лицо.

— Да мы ничего не потеряли,— отвечал Юра, стараясь не смотреть старику в глаза.

— А я вот гуся потерял. Куда ж, зараза, он мог подеваться? — добродушно спросил старик.

— И мы гуся потеряли. Мать наказала не приходить домой без гуся, а то убьёт.

— Да ну? Да зачем он вам?

— Как зачем? Наш гусь. Как зачем? Был, а теперь нету. Как зачем? Мы кормили его целую зиму, стерегли, поили, я чистил из-под них кизяк! Как зачем? А вам, дедушка, зачем?

— А чего ж это вы тут шукаете?

— А где? Мы везде ходили.

— А теперь правите в лес? — всё так же добродушно спросил старик.

— Кто ж гуся в лесу ищет, дедушка? Гуси в густой лес не ходят. Мы играем.

— Вот я и думаю,— сказал старик и направился в село.

Юра быстренько вернулся к котловану и искупался. Санька купаться не стал. Старик шёл неторопко, оглядывался, останавливаясь, садился на пень отдохнуть. Ребята обогнали старика и у тока увидели Соню Кенкову. Она пасла телёнка. Рядом ходил дикий гусёнок и щипал травку.

— Что вы ищите? — спросила Соня и покраснела.

— Он гуся потерял, а мать его теперь убьёт,— ответил Санька.— Так, Юра?

— Ничего не убьёт,— не согласился Юра.

— Возьми гусёнка, хочешь? — сказала неожиданно Соня.— А потом, когда подрастёт, мы его отпустим, пусть летит к своим.

Юра был растроган великодушием Сони и тут же стал предлагать ей взамен всё своё богатство — наганчики, пятнадцать копеек, две шестерёнки от часов. Он готов был отдать Соне всё, что имел, не потому, что она подарила ему гусёнка, а за её поступок, потому что так поступить мог

только настоящий товарищ. Юра порылся в карманах и достал зуб от сенокосилки, которым можно из камня высе-
кать огонь.

— На,— протянул он щедрый подарок.

Соня засмушалась, но взяла его, а наганчики вернула. Юра положил гусёнка за пазуху, и они с Санькой пошли.

По дороге Фома завернул к конюшне. Дверь заперта, окна крепко схвачены железными прутьями. Шторма ребята увидели сквозь решётчатое окно. Вначале Юра стал Саньке на плечи и долго любовался красавцем, а затем Санька.

— Как ты думаешь, обгонит он машину, если на прямую дорогу вывести? — спросил Санька.

— А то как же? Шторм, он кого хочешь обставит. Он шпарит по прямой, как межконтинентальная ракета.

— А танк противоатомный обгонит?

— Не знаю. Танк больно сильно мчит, только пыль столбом! Вот так! — Юра громко зажужжал, пробежал метров сто, поддерживая одной рукой за пазухой гусёнка.

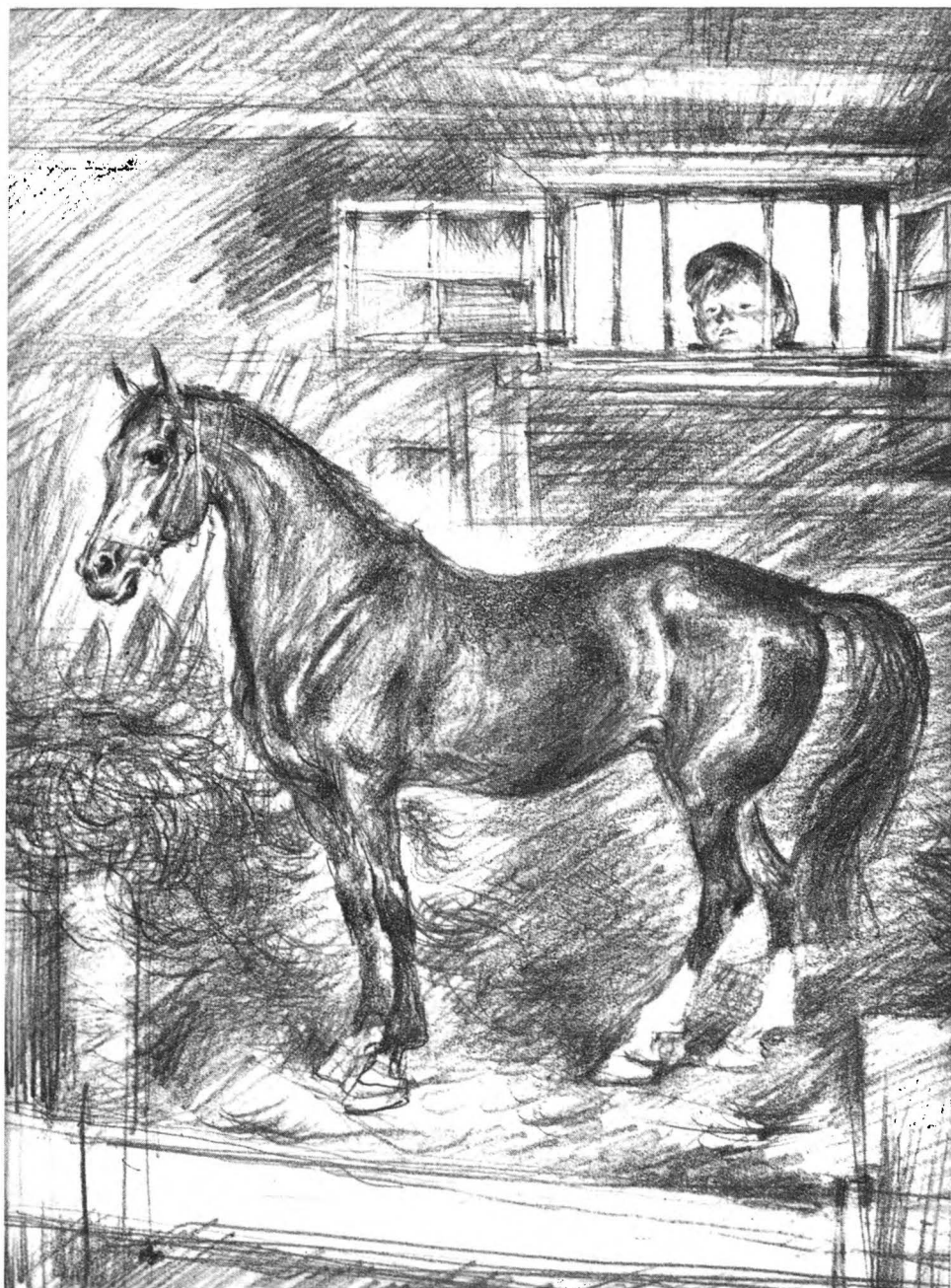
Они шли домой и весело болтали, забыв о том, что собирались в лесу понаблюдать за чужаком.

Тёплая пыль на дороге приятно щекотала между пальцами ног, идти было легко, весело. Они пылили, сколько могли, и никто не мешал, не запрещал пылить. Мимо них на большой скорости промчалась машина; они погнались было за ней и быстро отстали, но каждый старался показать, что если бы захотел, всё равно догнал бы машину и это не составило б для него большого труда. С дороги свернули в переулок, и тут Санька толкнул Юру:

— Гляди!

Навстречу им шёл старик Шупарский, низко опустив голову и будто никого не замечая. Ребята, не дыша, готовые в любую минуту дать стрекача, прошли мимо и вздохнули.

— Фома, тебе не кажется, что он следит за нами? Пошли ночью к шалашу, где скрывается чужак, а? Пошли? Всё выведаем, узнаем. А? Что-то он ходит часто туда-сюда. Пошли ночью? Ты не бойшься?

— Кто? Я? Да ни в жизнь! Как это ты подумал? Ты что, меня не знаешь? Вот только мать...

— А мы потихонечку. Никто и не узнает.

— Ты думаешь, Борода, так лучше? Задаст она мне такого перцу, сладко не будет. Вот кому разведчиком работать — матери. Я только задумаю что сделать, а она уже всё знает. Откуда? Я ещё никому не говорил, а она всё знает.

— У меня тоже. Мы к утру вернёмся, будто ни в чём не виноваты. Но помни: мой секрет — на сто лет. Я подойду ночью к тебе и три раза свистну. Один раз длинно, а два — коротко. Понял?

— Не беспокойся. Буду ждать.

Гуси лежали возле ворот и чистили перья — к дождю. Под плетнём в тени спал на боку Шарик. Юра опустил гусёнка на землю, и вдруг гуси разом загоготали, вытянули шеи, а гусак, поводя длинной шеей из стороны в сторону и будто советуясь с гусями, то и дело поворачивал к ним свою маленькую головку, а затем, прогнув шею к земле, сделал к гусёнку угрожающую пробежку. Гусёнок запищал и бросился наутёк. Гусак повернулся к гусям, и гуси загоготали, засовещались. Юра положил гусёнка за пазуху и понёс его в дом.

Дядя Антон, отец, мать, бабушка, Николай и Цыбулька сидели за столом. Только Надя ходила по горнице и шептала:

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.

Мать то и дело подаёт на стол хлеб, картошку, потом вдруг срывается с места и бежит в погреб за грибами и сметаной. Дядя доволен. Он без кителя, сидит рядом с отцом и говорит:

— Егор, добра у тебя жёнка. У меня — я всё подай, а у тебя — прямо золото. Повезло тебе.

Отец хочет показать, что это на самом деле так и говорит:

— Мать! Не хочу этого, а вон дай того!

— Чего того?

— Мать! Ну да ладно, давай, что есть.

— А ну-ка, Юрий, какое хочешь яблоко? — спрашивает дядя.

— Мне вон то! — попросил Цыбулька именно то яблоко, на которое рассчитывал Юра, стесняясь показать на самое большое и, конечно, самое румяное яблоко. Он на него поглядывал, как только сел за стол, и вот Цыбулька словно угадал Юрины мысли.

— Мам, откуда тут у нас гусёнок? Он мне мешает учить! — сказала из горницы Надя.

— Какой гусёнок? Что за гусёнок? Откуда? — всполошилась мать и взяла у Нади из рук гусёнка.

— Дали, — ответил односложно Юра.

— Кто дал? Где взял? Отвечай! — сердито спросила мать. — Отнеси сейчас же, где взял.

— Нигде не брал. Дали.

— Если ты сейчас же не отнесёшь, чтоб духу твоего больше дома не было! Я кому сказала! Ещё этого нам не хватало! Где взял, говори? Чего молчишь? Где взял?

— Соня Кенкова дала.

Мать выбежала вместе с гусёнком из дому. Юре обидно стало, что ему не поверили именно сейчас, когда за столом сидит дядя Антон. Цыбулька был доволен, что на Юру накричали, взял со стола второе яблоко и положил его в карман.

— У меня два, — сказал он ехидно.

— А мне гусёнка насовсем дали. Это дикий гусь. Когда подрастёт, то будет летать, а я к нему подвешу плетёную корзину, и он меня будет поднимать к самым облакам. Я пересяду на облако и буду на нём кататься и оттуда следить за спутниками, а он будет сидеть рядом со мной и согревать меня крыльями, потому что вверху мороз до 40°.

— А меня? — заканючил Цыбулька.

«Вот бы улететь,— думал Юра,— улететь под облака, туда, где летают самолёты, а потом бросить оттуда записку: «Дорогая мама, ты не верила мне, и я тебя покидаю. Очень сожалею, но иначе совесть мне не велит. Улетаю к Ледовитому океану, буду жить среди льдов, охотиться на белых медведей».

Юра замечтался и не заметил, как опустились на двор сумерки и как выкрасились в мягкую синеву окна. Где-то стороной глухо проорчал гром; первые сполохи рассеяли сумерки. Но как только отгорели сполохи, сразу стало темно. Испуганно загомонили гуси. Николай вышел привязывать корову, а в это время пришла мать. Зажгла свет.

— На, сыночек, твоего гусёнка,— виновато сказала она.— Я уж подумала, мой бедненький, бог знает что. Ну, думаю, не хватало ещё, чтоб дети докатились до такого хулиганства, до воровства, когда от стыда глаза девать некуда. Ради вас же живём. Не дай бог кто опозорит мать, отца, семью... Последнее дело.

Юра молчал и шумно сопел. Мать чувствовала себя виноватой и не знала, как искупить вину, погладила его по голове.

— На́ яблоко,— сказала она, выбрала самое крупное и протянула Юре. Он положил яблоко на стол. Тогда мать дала ему ещё одно яблоко и стала уговаривать дядю Антона выпить, покушать огурчиков, груздей. Ей было неловко и перед дядей Антоном.

— Всё,— сказал дядя Антон.— Я когда выпью, у меня сон пропадает.

Юра попросился спать на чердаке, зная, что теперь, после конфуза с гусёнком, мать не откажет.

Он лежал на чердаке и ждал, когда все в доме успокоятся. Вскоре слышно стало, как зачастили струйки молока по ведру — мать доила корову. Подоила корову, накричала на гусей и ушла в дом. Вот громко хлопнула дверь — Николай отправился в клуб на танцы. В горнице шёл разговор. О чём, понять было нельзя. Юра вспомнил, как читал в одной

книге: разведчик через дымоходную трубу подслушивал разговор. Он тоже припал к трубе, но только слышно было, как в трубе завывает ветер.

Но вот в доме совсем уgomонились, легли спать. Дремотно заурчала тишина, будто переливаясь из одного конца чердака в другой. Запел сверчок. На соломе что-то зашуршало, и по Юриной руке кто-то пробежал. Юра вскочил. До чего черно и страшно на чердаке. Юра заторопился к лазу, быстренько слез по лестнице вниз, отворил осторожно дверь и очутился во дворе.

Санька спал всегда в сенях на старых санях и очень гордился этим, хвастаясь, что только на санях он видит сны, какие не каждую ночь увидишь. Юра подошёл к сеням, потихоньку свистнул, как условились, подождал минут пять, но Санька не появлялся. Тогда Юра снова свистнул, толкнул дверь, но она оказалась запертой. В любую минуту мог кто-нибудь выйти. Юра обошёл сени. Со стороны палисадника к ним была приставлена лестница, по которой он и залез в сени. Прислушался и снова свистнул. Тишина. Свистнул посильнее.

— Кто там свистит? — раздался совсем рядом девичий голос.

Юра от неожиданности присел и попятился к лестнице, налетел на кастрюли; кастрюли со страшным грохотом полетели вниз.

— Мама! — испуганно закричал голос.

Раздумывать некогда. Юра прыгнул из сеней, угодил ногами в горшок с цветами, которые вынесли перед дождём, ушиб ногу и побежал на улицу.

У Фомичёвых засветились окна, забежали по двору. Нечего было и думать, что Санька после такого шума пойдёт с ним в лес. Разве мог Юра знать, что Санькина сестра Рая будет в это время спать в сенях.

— Держи вора! — закричали на всякий случай у Фомичёвых.

ОСТРЫЙ УГОЛ

С тояли последние дни тёплого мая, скоро каникулы, и в школу Юре, как никогда, хотелось ходить, потому что он в последнее время неожиданно для себя обнаружил, что учиться интересно, а учение в школе — это целая жизнь, слушать учителя, оказывается, тоже интересно, на перемене играть, бегать — что может быть замечательнее; отвечать, когда знаешь уроки, ни с чем не сравнимое удовольствие, только надо выучить уроки — и всё.

Юра прихватил с собою танк и побежал в школу. По дороге встретил Саньку, пошёл медленнее, ожидая, что же Санька скажет в своё оправдание. Санька униженно молчал, плёлся позади.

— Нужно мне с тобой, Фомочка, связываться, с сонной тетерей! — не стерпел Юра. — Как дохлая курица! Какой из тебя космонавт? Никогда ты, Фомочка, Гагариным не станешь.

— У меня глаза слипаются, спят — и всё. Я встал, Борода, а глаза не открываются. Как же я с закрытыми глазами буду ходить, сам посуди.

Униженный тон Саньки подействовал на Юру, и он смягчился, возле турника взял с Саньки самое последнее и самое твёрдое слово, что уж этой ночью они обязательно сходят в лес, и Санька тут же поклялся отцом, матерью, братьями и сёстрами, что никогда в жизни больше не подведёт Юру.

Осталось учиться всего три дня. Ребята старались не пропускать занятия, перестали почему-то болеть и стали посещать даже неинтересные уроки. Ученики старших классов, разбившись на небольшие группки, ходили молча, загадочно смотрели вдаль, где им мерещилась новая, раскрепощённая от школьных пут, жизнь, светлая печаль лежала на их лицах, печаль расставания. Но среди учеников младших классов шла прежняя кутерьма.

Не успел Юра вытащить из-за пазухи свой самодельный танк, как набежали ребята. Одни восторгались танком; другие, которым в данный момент нечем было козырнуть, завистливо молчали; третьи, увлечённые всеобщей суматохой, вытаскивали из потаённых недр своих карманов ракеты, спутники, самолёты, голубей самых последних конструкций, а четвёртые равнодушно глядели на всё и жевали пироги, хлеб. Но не равнодушные ребята интересовали Юру. Он ждал Мишку Марчукова, который по понедельникам удивлял ребят какой-нибудь новой игрушкой, привезённой ему отцом из Омска на собственной машине.

А вот появился и Марчуков, молча вытащил из ранца железный танк, совсем новый, со звёздами на башне, с настоящими гусеницами. Юра считал себя уже посрамлённым, когда увидел, что Марчуков сам катит свой танк и урчит: «Ур-р! Ур-др-др-дрр-р!» Марчуков ни на кого не смотрел, зная, что ни у кого нет такого танка, как у него, а это уже само по себе не мало.

Ребята, только что с интересом смотревшие на Юрин танк, стали отходить к Марчукову.

И тут Юра пустил свой танк. Танк двигался сам, хотя и не был покрашен и звёзды на нём не так алели, как на танке Марчукова. Танк двигался медленно, потом остановился (Юра в это время наступил на нитку, тянущуюся к резинке) и оглушительно выстрелил, а потом как ни в чём не бывало поехал дальше. Вот так на! Выстрел произвёл впечатление! Ребята, даже те, которые спокойно смаковали пироги, бросились к Юре. Они чуть не раздавили танк, сгрудившись вокруг водителя боевой машины, спокойно восседающего на корточках перед танком, спрашивали, кричали и никак не могли прийти в себя, каждому хотелось иметь именно такой танк, каждый желал поддержать его в руках или хотя бы дотронуться. Марчукова забыли. Он сердито урчал всё громче, потом и его разобрало любопытство.

Никто не заметил, как подошёл Захар Никифорович.

— Юра Бородин, что у тебя там? — спросил учитель, и

тут Юра ни слова не говоря зарядил свой танк и пустил его. Снова наступил ногой на нитку, танк дёрнулся, и раздался выстрел. Учитель грустно покачал головой и вздохнул.— Всё война. А ведь столько лет прошло. Да, Юра Бородин способный мальчик. Я это всегда говорил и буду говорить. Хотя как же...— Учитель повернулся и побрёл к школе. У него на фронте погиб единственный сын. Это все знали. Учителю было очень тяжело, когда он вспоминал о войне.

Сегодня устраивалась пионерская линейка, и, хотя перед школой стояли лужи, всё равно выстроили линейку. Юра запихнул свой танк за пазуху и побежал строиться. На линейке стояла вся школа. И старшие классы тоже. Юра любил линейку, любил, когда играл горн. Тогда он стоял не шелохнувшись. Знамя вынесли ребята из восьмого класса.

Звонко дробил тишину барабанщик Толя Ситников.

Санька стоял позади Юры. Он дотронулся до Юриного плеча, но Юра даже не оглянулся.

— Председателям советов отрядов сдать рапорт!

Выходили одни девочки. Им одним доверяли в школе наиболее ответственные поручения.

Юра взглянул на небо. По нему сторонкой бежали торопливые мелкие облака, а по земле скользили чешуйчатые тени, от которых рябило в глазах. Ярко пылали белым огнём вишни в школьном саду; запах мокрой зелени густо плыл с полей и лугов, и далеко над всем миром распростёрлось небо из синего вылинявшего ситца, цветом похожее на кофту, которую мама надевала каждый день, когда собиралась на работу.

Вон, распластав крылья, пронёсся коршун, и Юре кажется, что он тоже парит в воздухе, смотрит с вышины на землю и видит под собою зелёное море лесов — это тайга, и среди лесов раскинувшиеся по земле дома — это их село, а возле дома, на завалинке, сидит отец и качает головой и говорит, как это только он умеет, неторопливо, спокойно, наслаждаясь не словами, а приятным — зеленью, птицами, сидящим рядом Юрой: «Эх, Юрик, хороший ты парень, да вот малень-

кий, а потому и думаешь не о том, о чём надо думать ученику — об отметках. Если жизнь, говорят, это круг, что оно и правильно, то маленькая жизнь маленького человечка — это острый угол, которому до круга очень далеко».

Юра смотрит на отца и думает, конечно, о своём.

Зазвенел звонок; все бросились по классам занимать свои места, и только Юра стоит, не замечая, что на линейке остался он один.

Глава восьмая

КУДА ИСЧЕЗ ШТОРМ? МЕЛКИЕ ПОДРОБНОСТИ

После уроков Юра весело заторопился домой. Предусмотрительно снял ботинки и припустился босиком по лужам. В переулке повстречался с колхозным бугаем. Юра хотел обойти его стороной, но бугай остановился и, набычив красные тяжёлые глаза, опустил угрожающе голову. С таким страшилищем лучше не связываться, в прошлом году бугай кобыле Звёздочке пропорол бок, и её пришлось срочно прирезать.

Юра попятился, сторожко следя за бугаем. Бугай медленно двинулся за ним, внутри у него что-то булькало, он останавливался и сильно бил передней ногой землю.

Юра не выдержал и побежал. Бугай подумал и мелко затрусил вслед. Юра бросил сумку, перепрыгнул через плетень к Кенковым и присел за плетнём. Бугай остановился возле плетня, шумно потянул воздух, и в это время Юра выстрелил из своего танка. Бугай мотнул головой и испуганно повернул прочь.

Дома между бабушкой и курами шла ожесточённая война. Бабушке снова понадобилось зарезать курицу, но они, бесстыжие, с криком носились по двору, а бабушка, сопровождаемая Шариком, бегала за ними. Она устала, присела на колоду отдышаться.

— Юрик, помоги мне, будь они неладны, поймать курку,— сказала бабушка, сплюнула и вытерла фартуком вспотевшее лицо.— Все убегли. Одна я тут толкусь.

— Куда убежали?

— Как куда? Однако ты, лешак, плутовишь? Даже Цыбулечка побёг туда. А ты? Ишь ты! Кому-кому, а тебе известно.

— Чего известно? — сгорал от любопытства Юра.

— Да чтоб тебе! — ударила бабушка Шарика.— Приподняло да бросило! Не перевелись, однако, конокрады. Баяли, что токо раньше они были, а нынче вон тебе, жеребца...

— Чего?

— Да Шторма украли.

— Что? Когда? Брехня!..

— Вот тебе и брехня. Все только и бают об том, а вора найти разве смогут? Грозы-то были нынче, вот и время конокрадов самое — грозы и темень.

Юру словно ветром сдуло со двора. Он бросил сумку и побежал. Бежал изо всех сил. Даже не остановился, когда его окликнул Артур Молендор, который постоял, подумал и тоже бросился вслед за Юрой, потом к ним присоединились Мишка Медведев, Колька Горбунов, Никитка Макалец, Васька Рыжих, Валька Косая, и вот уже бежало вслед за Юрой человек десять, бежали молча, сами не зная куда.

Возле конюшни толпились мужики и бабы. У входа на скамейке сидел председатель Трофим Игнатьевич, рядом по стойке смирно стоял участковый Загорулько с блокнотом в руке и внимательно слушал председателя.

Юра протиснулся в конюшню. Здесь стоял Цыбулька и лупал глазёнками на дядю Митю.

Дядя Митя плакал. Глядел на раскрытые стойла и не скрывал своих слёз. Юру прежде всего поразило то, что старик плакал. Видеть плачущего старика ему довелось впервые.

Раньше в конюшню никого не пускали, а теперь всюду толклись люди, ходили, глазели на лошадей, качали голо-

вами и удивлялись. Украли только одного Шторма. В яслях лежала ещё недоеденная жеребцом свежая трава и овёс.

Юра подошёл к дяде Мите. Было жаль старика, а ещё больше — жаль Шторма.

— Такого жеребца в Москве на ВДНХ нету, — сказал председатель, и участковый тут же что-то пометил в блокноте. — Ты мне, Митрий, ответишь по всей строгости закона! Ты должен был следить за ним, как за маленьким дитём. Он же ко-онь! Понимать надо! Может, один такой в нашей стране. Понимать надо! Под суд отдам за него. Помянешь мои слова. Скоро следователь прибудет из района, всё выясним, всё найдём.

— Мне себя ничуть не жаль, — отвечал тихо дядя Митя.

— Дядь Митя, можно мне поговорить с председателем? — тихо спросил Юра. — Я ему скажу...

— Иди, не путайся тут под ногами.

В другой раз Юра обиделся бы на такие слова, но сейчас снова повторил свою просьбу. Председатель подошёл к Юре и удивлённо посмотрел кругом. Юра зашёл в стойло, а за ним и председатель. Юра рассказал о том, что видел и слышал в лесу. Председатель нахмурился, позвал милиционера. Мужики потянулись к председателю, догадавшись, что пахло новостью, но участковый прогнал всех из конюшни.

Председатель велел Юре сесть в машину, рядом с ним сел участковый. Вокруг машины сразу забегали ребята, но никому из них не разрешили сесть хотя бы в кузов: дело было слишком серьёзное. Юра попросил за Артура. И только тогда председатель разрешил Артуру сесть в машину. Из конюшни на Вихре выехал дядя Митя с ружьём и галопом поскакал к Шупарскому.

За котлованом, на опушке леса, машина остановилась. Юру охватило такое сильное нетерпение, что он потерял способность соображать. Его прямо в дрожь кидало оттого, что на него смотрят с надеждой председатель, участковый и Артур. Ведь все так сосредоточены и серьёзны. Юра стал

бегать по опушке, отыскивая тропинку, по которой в тот день увязался за чужаком, но никак не мог найти.

— Вот тут мы играли с Санькой, — сказал Артур, который тоже ходил вдоль опушки, показывая всячески свою причастность к происходящему. — Борода пошёл вон в ту сторону, к той сухой берёзе и свернул в лес.

И Юра сразу вспомнил, кинулся к тем кустам раkitника, за которыми на берёзе чернело старое сорочье гнездо. Ему стало стыдно, что смог забыть в спешке так хорошо заметное со стороны огромное гнездо. Всё от волнения. Но прошло столько дней, крона берёз и осин разрослась, и тропинку сразу не заметишь. А вот и тропинка, именно та, нужная.

Они углубились в лес. Незнакомец с гусем тогда шёл по ней, а вот здесь Юра, спрятавшись, увидел его и стал выслеживать, а вот здесь о старую валежину ободрал ногу.

Впереди всех бежал Юра, за ним осторожно семенил краснолицый, с длинным, тонким, свёрнутым в сторону носом участковый, а потом уже широко шагал куривший папироску председатель, и за ним, оглядываясь, засунув руки в карманы, то и дело отставая, спешил Артур.

Еле заметная тропинка петляла между деревьев, теряясь среди высокой, худосочной лесной травы, зарослей костяники, а Юра, как назло, спотыкался о корни, пни. Один раз тропинку перебежала чёрная кошка. Ну, это уж точно плохая примета. Юра собрался даже постоять на месте, плюнуть трижды через левое плечо, как учила бабушка, но было неловко проделывать всё это при председателе, и он, не оборачиваясь, прошептал старое заклинание: «Чёт-чёт-перечёт, пусть тебя пронесёт». Конечно, в другой раз он не обратил бы внимания на кошку, мало ли их летом шастает по лесу, но в таком серьёзном деле, как это, необходимо насторожиться и ко всем мелочам отнестись со вниманием.

— Ах, чёрт! — воскликнул председатель, заметив кошку. — Откуда эти кошки здесь? Не выношу одного их вида. Сдохла бы ты, окаянная!

— Ну, поди,— неопределённо ответил участковый и остановился.

Совсем рядом на берёзе куковала кукушка. В кустах, куда спряталась кошка, зашуршало.

— Стой! — крикнул участковый и присел.

Сразу присели все, кроме председателя, и стало ясно, все чего-то боятся и всех пугает происходящее. Хоронясь за стволами берёз, участковый медленно прокрался к кустам, оттуда метнулась кошка с мёртвой горлинкой в зубах.

— Ну, злодейка! — выругался председатель и швырнул в неё сушняком. — Задавила птицу!

Через полчаса Юра остановился подле сухой, расщеплённой надвое осины, огляделся и свернул влево, к кустарникам, плотной стенкой обрамлявших поляну.

Юра присел прислушиваясь. К нему подошёл Загорулько, махнул рукой, чтобы председатель и Артур оставались на месте. Юра огляделся. В лесу, если присядешь на корточки и глядишь на уровне голых стволов деревьев, можно увидеть далеко. Что-то уж очень тревожно билось сердце и очень стало боязно. Было тихо. Недалеко на берёзе тренькала тоненько пеночка и вскидывала хвостиком. Мирно так пела. Она, видать, заметила людей, потому что попоёт, поглядит на Юру и замолчит, попоёт и замолчит.

— Чего? — спросил участковый и вытер вспотевший лоб.

— Вон та поляна.

— Где?

— Вон за кустами,— проговорил севшим голосом Юра, не понимая, зачем участковый его спрашивает, когда и так всё видно. Он приподнялся и, стараясь ступать осторожно, подошёл к кустарникам, просунул между ветками... Шалаш находился там же, возле чернело кострище. Юра оглянулся на участкового. Тот снял сапоги, пригнулся, как будто собирался взлететь, и подошёл к Юре.

— Чего? — спросил милиционер хрипло.

— Ничего, вон шалаш. Чужак в шалаш заходил в тот раз. Сам наблюдал.

Участковый посмотрел на шалаш, оглядел поляну и вынул пистолет, подул в дуло и потёр им свой длинный нос. Помолчал, подумал и попятился из кустов.

Юра наблюдал за шалашом. Пусто на поляне. Лишь часто рос конский щавель, да под кустами цвела белым цветом костяника, да тихо пошевеливалось неизвестно почему лесное разнотравье. Юра ощущал столь очевидно, как кто-то за ними наблюдает, что с минуты на минуту ожидал выстрела из ружья.

Возле шалаша хрустнула валежина, и невидимый Юрой участковый громко приказал:

— А ну! Выходи! Учтём чистосердечное раскаяние!

Голос у милиционера такой громкий и повелительный, что Юра вздрогнул, стал озираясь, почему-то ожидая, что вот-вот из шалаша появится с ружьём мужик, ради которого пришли. У Юры даже мурашки забегали по спине, и он стал пятиться. Подошёл председатель, тоже присел на корточки и оглядел поляну.

Никто из шалаша не появлялся. Участковый приказал ещё раз, пригрозив пистолетом, но по-прежнему никто не нарушал тишины, молчаливо и загадочно стоял шалаш, да вдруг закуковала вдалеке кукушка. За шалашом вздрогнули ветки, зашевелились. Юра оцепенел от страха. К шалашу метнулся участковый, упал, протянув куда-то в сторону свою фуражку, держа её в левой руке, а пистолет в правой. Юра даже привскочил, ожидая выстрела. Уж не произошло ли что с участковым? Уж не бесшумным ли пистолетом владеет чужак? Ведь Юра читал о таких пистолетах! Но когда участковый медленно приподнялся, Юра по достоинству оценил хитрый манёвр: если бы у чужака было оружие и он решил обороняться, то сразу бы выстрелил в фуражку милиционера, выстрелил не задумываясь и, конечно, промахнулся бы и раскрыл себя полностью. Вот так участковый! Теперь ясно: шалаш пустой.

Юра подбежал к участковому. Тот внимательно осмотрел шалаш, потыкал палкой в его ветхие из высохших веток

стены, потолок, выгреб сухую траву, осмотрел нож, найденный под травой, потыкал им землю, что-то поднял и показал подошедшему председателю. Это оказалась гильза от пистолета. Юра никогда не видел гильзы, но сразу догадался, что это гильза от пистолета.

— От ТТ,— сказал участковый.

— Ну да? — не поверил председатель, взял гильзу, подул в неё, поплевал, вытер о полу пиджака и снова осмотрел.— Это как же так? Это выходит?..

— Пацанок не соврал,— покачал головой Загорулько, ковыряясь в золе кострища.

— Как тебя звать-то? — спросил председатель Юру, чему-то удивляясь и как бы ещё не веря своей догадке.

— Юра... Бородин...

— Ну, так. А почему ж ты, Юра, нам сразу не доложил? А теперь свищи ветра в поле.

— Я сам хотел...

— Сам! Смотрите-ка на него — сам! Ах ты, каналья, мальчик с пальчик, и он, вишь как, сам! Туда же! Самостоятельность ему нужна! Тоже мне мужик! Горе луковое, от горшка два вершка, а вишь как, самостоятельно. Вот в чём наш грех...

Председатель вздохнул и стал вспоминать.

— А вот на фронте пошли мы как-то раз в разведку за языком. Язык перед наступлением нам нужен вот так. Вышли на поляну, сидим, в тылу у фрицев сидим. Глядим — немец. Гринька Лыков, красивый такой парень, удалой, кровь с молоком, перемешанная с чёртом, говорит: «Возьму языка». Я ему: «Давай вместе». А он: «Нет, я сам». Мой, говорит, язык. Да что? Проколол ему немец живот и ушёл. Умер Гринька у меня на руках. Всё сам хотел. Жалко его, не пожил ещё, а красивый был парень.

— Не знаю,— сказал тихо Юра.

Загорулько облазил всю поляну, внимательно изучая следы. На ветке возле шалаша висел старый пиджачишко и новая военная фуфайка зелёного цвета. В кармане пид-

жака нашли полный коробок спичек, моток медной гибкой проволоки и кусочек старой газеты, а на обратной стороне лацкана воткнуты две толстые стальные иглы с чёрными нитками, в карманах фуфайки лишь хлебные крошки и два окурка.

Участковый кинул пиджак и фуфайку в шалаш, затем постоял в раздумье и начал собирать разбросанные вокруг пустые бутылки и тоже побросал их в шалаш. Артур ходил по поляне с загадочным видом, заглядывал под кусты. Только председатель спокойно сидел на пенёчке подле шалаша, и ничто, казалось, его не интересовало.

— Всё, теперь поехали, следовательно, может, прибыл,— сказал он минут через пять.— Пусть следовательно ищет. Чёрт поberi! Вот что значит — сам! Надо же такое придумать! Гильза тут, и это у нас под боком, возле самого Фросино.

— Есть,— весело и довольно отвечал Загорулько, направляясь за председателем.— Айда, пацаны, по хатам! Ничего не трогать, пусть всё, как есть. Айда!

После обеда к Юре домой приехал на машине участковый, привёз следователя и Шупарского. Участковый проводил следователя в дом, а сам вернулся охранять Шупарского.

Следователь, человек лет двадцати пяти, с усиками и большими ленивыми глазами уселся за стол, разложил папку, достал шариковую ручку «Паркер», новый блокнот, оценивающе посмотрел на Юру. Следователь не видел Цыбульку, спрятавшегося под лавкой. Когда он туда забрался? Юра и там заметил брата только что. Не знал Юра человека хитрее своего младшего брата. Цыбулька совсем недавно крутился возле машины и на тебе — спрятался и подслушивает.

— Юра Бородин? Так? Скажите нам, Бородин Юра...

В это время из горницы вышел дядя. Он был при орденах и медалях. Как Юра жалел, что никто из ребят не видел, как изумился следователь при виде дяди, как встал...

— Работайте,— проговорил снисходительно дядя,— работайте.

Юра рассказал всё по порядку, а когда упомянул про пень, следователь попросил поехать и показать тот пень.

Юре явно везло. Возле машины уже бегали Санька, Артур, Мишка Медведев. Но никому из них не разрешили ехать с Юрой.

На опушке леса, напротив сорочиного гнезда, машина остановилась. Юра быстро отыскал пень. Следователь обошёл пень, запустил руку в отверстие и вынул оттуда масляную тряпку, потом Юра сбегал к машине за топором и лопатой, а следователь обкопал пень, срубил его топором, но ничего больше под пнём не обнаружил.

Масляную тряпку следователь завернул в газету и положил в портфель. Когда Юра и следователь подошли к машине, здесь уже было ребят человек пятнадцать. Дед Шупарский встал и громко сказал, чтобы слышали все:

— Я не виноватый!

— Вы были с тем человеком. Улики против вас,— ответил спокойно следователь.— Подумайте о последствиях.

— Ни с каким человеком я не являлся. Никого не знаю! А на нет и суда нет!

— Вас видели. Вы сказали, что искали пропавшего гуся, но вы, как выяснилось, никогда гусей не держали. Где же логика? Чистосердечное признание смягчит вашу вину.

— Я извиняюсь.

— Перед кем?

— Я гуська украл. Но не жеребца! Вы его мне не приписывайте, товарищ работник ответственных органов. Я, если сказать правду, лучше буду за гуся отвечать, чем за жеребца, к которому я ни с какой стороны не имею отношения и которого вы ищете в данный момент.

— Кто же тогда украл?

— Не причастен. Понятия не имею. Не причастен к такому неслыханному безобразию никоим образом. Вот вам крест святой!

— У кого вы тогда гуся украли, гражданин Шупарский?

— Вон у кого,— старик показал на Юру.— В тот день

было дюже жарко. Они шукали его, а я их встретил, и они подтвердят. Гусёк был у меня тогда, а потом, чего греха таить, сбежал. А я его искал и встретил хлопцев. Вон под той берёзой. Они сидели на земле. Они подтвердят. Сидели вдвоём.

Юра слушал старика, и всё, что тот говорил, казалось правдой, только он помнил одно: гусь-то пропал ещё до того, как они с Санькой встретили Шупарского. Он присматривался к старику, прислушивался и понял: старик выкручивался, не подозревая, что Юра уже поймал его на лжи.

— Врёт он, гражданин Шупарский,— проговорил Юра и всё рассказал, как было, добавив, что в тот день они с Санькой направлялись в лес, чтобы проследить за шалашом, где скрывался незнакомец, но встретили старика, спутавшего их планы.

— Так, Саня? — спросил Юра.

— А я почём знаю,— сказал Санька, напуганный допросом.

— А куда мы правили, Сань?

— Законно, к шалашу.

— Ага, выходит, то не ваш гусь! — воскликнул старик.

Следователь сел в кабину, и машина тронулась, увозя с собой Шупарского, участкового, пиджак, фуфайку и масляную тряпку.

Глава девятая

ГРАЖДАНИН ПЕТУХ И УВАЖАЕМЫЕ КУРЫ

Первым делом нужно было искупаться. Вся шумная компания дружно плюхнулась в котлован, взбаламутила воду и, изрядно побарахтавшись, стала одеваться, так как небо обложило тучами, а на востоке погромыхивало и потемнело. Быть дождю.

Юра не торопился домой. Дул ветер, но Юра не надел

даже майку, стремясь показать, что он не боится ни дождя, ни ветра. Ему сегодня было вдвойне весело. Ребята галдели, просили, чтобы он сводил их к шалашу, где они вдоволь поиграют и, возможно, обнаружат какие-нибудь разоблачающие следы. Какие именно следы, никого это не интересовало. Юра обещал сводить, но советовал подождать. Каждый из ребят старался идти рядом с ним, его всё время спрашивали, перед ним прямо заискивали, Цыбулька даже попросил понести Юрину мокрую майку. Довольный, нёс её. Санька? Так тот прямо мешал Юре идти. Артур предложил обменять два крупных блестящих шарика от шарикоподшипника на поломанную ракету. Мена явно невыгодна для Артура, так как раньше он не желал даже один шарик обменять на ракету. Но сейчас, когда Юрина слава достигла своей вершины, всё для него оказалось возможным.

Мишка Медведев обещал научить играть в шахматы так сильно, что предсказывал Юре победу на чемпионате мира по шахматам.

Юру проводили прямо домой. Радостно было и Цыбульке, которому тоже досталось внимание ребят.

Юра поел щи, кашу, выбежал во двор и стал кидать шарики в колоду. Цыбулька не отставал от него ни на шаг, собирал шарики, приносил Юре и готов был служить брату в какой угодно игре. Если раньше он требовал за работу что-то взамен, то теперь делал всё даром и с радостью. Юра разрешил ему покатать шарики, а сам зашёл в сарай. Ему было так хорошо, и он не знал, чем ему заняться. В сарае ходили куры, прямо у входа стоял петух и с достоинством косился на Юру. Юра кашлянул, и все куры сразу подняли головы и то одним, то другим глазом смотрели на него. Он кашлянул ещё раз. Ему вдруг захотелось говорить. Как жаль, он не смог произнести разоблачающую речь против старика Шупарского. Это была бы чудесная речь. Юра кашлянул снова и сказал так, как хотелось бы ему сказать в своей речи:

— Уважаемые куры! Гражданин петух! С каких это пор

вы играете на руку нашим врагам? Ваша злая деятельность — вот на ладони. Каждый из вас должен заниматься одним делом — учиться! — Юра выпятил грудь, надулся насколько возможно, закинул одну руку за спину, как это делал прокурор в кино, и продолжал: — Ги! Это разве дело? Некоторые из вас, стоящие здесь, очутились на уровне невозного червяка или ещё ниже, и это в наше время (тут он сделал паузу, соображая, что сказать дальше), в наше время, когда на Марсе, а может, где ещё, есть жизнь, на Луну высадился человек... Вы не читали про инженера Гарина? Грош вам цена в таком случае. Вы живёте в шалаше и крадёте лошадей, но мы вас поймаем. Я слово даю! — Юра выглянул из сарая. — Вот перед вами стою я, а вы спросите у меня о чём-нибудь, я вам на всё отвечу. — Куры, казалось, внимательно слушали. Только петух, высоко задирая ноги, важно ходил по сараю, косился на Юру своим оранжевым глазом, досадуя на речь и своей встревоженностью беспокоя кур. — Дед Шупарский — это вам не фунт лиха, а самый важный преступник, и наша задача состоит в том, чтобы добиться истины. Вот что я вам скажу, уважаемые куры и гражданин петух.

— Юрик! — крикнула бабушка. — Чтоб тебе! Подняло да бросило! Чего ты тут вытворяешь, чудо ты гороховое? Чего кричишь на весь двор? Люди вон заглядывают.

— Я? — удивился Юра. — Я ничего. С чего ты, бабусь, взяла?

Из-за бабушки с любопытством выглядывал Цыбулька. Это он позвал бабушку. Юра сразу обо всём догадался.

— А ну-ка отдай шарик! — грозно сказал он.

— На. — Цыбулька протянул один шарик, а другой накрепко зажал во рту.

Юра знал, никакой силой не заставишь теперь Цыбульку отдать второй шарик, только если хитростью.

— Я в район поеду, — сказал он. — Конфет куплю — во! Мешок! На самолёте покатаюсь — во!

— А я? — захныкал Цыбулька.

— А ты с шариками играй. Я тебе их отдам насовсем.

— Не нужен мне шарик.— Цыбулька приготовился заплакать и вытащил шарик изо рта. Но достаточно Юре было сделать неосторожное движение рукой, как Цыбулька всё понял. Нет, хитрее и коварнее Цыбульки не знал Юра человека.— Не надо мне. Бабушка, на тебе шарик, а Юрику не отдавай. Ладно, бабуся?

— Ладненько, мой касатик.

В другой бы раз Юра искал новые возможности забрать у Цыбульки шарик, но только не сегодня. Он готов отдать и второй. Юра стал подпрыгивать, стараясь достать до нижней ветки тополя, и уронил шарик.

— Цыбулька! Бери второй шарик! Мне нисколько не жаль. Я не маленький шариками заниматься!

Цыбулька забрал шарик у бабушки и подошёл к Юре. Заметив на земле Юрин шарик, положил свой рядом. Вот как нужно у Цыбульки забирать шарики.

На другой день в школе Юра вёл себя примерно, не играл, не бегал вокруг школы, а спокойно сидел в классе и дочитывал «Красное и чёрное». Захар Никифорович не сделал Юре замечание, когда начался урок, но Юра сам перестал читать и сунул книгу в парту. Он умел ценить расположение учителя.

На перемене заговорили о Шторме. Учитель сказал:

— Тот человек, ребята, преступник, и он — племянник Григория Шупарского.

— А если он выследит? — шепнул Санька, заранее собираясь испугаться.

— Кто? Кто? — спросил Юра, испытывая, однако, неприятное ощущение страха от слов учителя.

— Ты бандюги не бойсь, у тебя дядька вон какой! — подбодрил его Санька.— Он его мигом скрутит в бараний рог. Ты только дай мне знать, если чего. Найдём управу.

Глава десятая

СЛЕПНИ НАВОДЯТ УЖАС

Учеников распустили на каникулы. Дядя уехал. На улице пусто. Изредка пропылит автомобиль или протарахтит могучий трактор К-700, роняя приятный для ребят запах солярки, и снова воцаряется знойная тишина. Неумолимо припекает солнце, а время медленно плетётся по Фросино, превратив минуты в часы, а часы в сутки. Как заманчиво в такую погоду мечтать о речке, вздыхать о море, тосковать о том, что жизнь не торопится, и так ещё далеко до того времени, когда можно будет самостоятельно поехать на Иртыш, а сейчас вот приходится довольствоваться обмелевшим котлованом с мутной водой. Единственное удовольствие у Юры — наблюдать за необыкновенно повзрослевшей сестрой Надей. Она закончила школу. И теперь каждый вечер ходила в клуб на танцы. Мать то и дело привозила ей из района капроновые чулки, кофточки, туфли.

Надя подолгу примеряла чулки перед зеркалом, то с одной стороны посмотрит на себя, то с другой, то наденет новое платье, то без платья молча стоит и смотрит на себя в зеркало. Не мог узнать Юра свою сестру, так она изменилась после окончания школы.

Юра оглядел улицу в оба конца и бесцельно побрёл по ней, а в ушах у него звенело от воображаемого плеска воды. Он смотрел на конец улицы и явственно видел речку — широкая, серебристая под солнцем река несла свои быстрые воды к морю. А вон и Санька, тоже безо всякой цели вышедший на улицу. Они, не сговариваясь, сели в тени под плетень и тяжело вздохнули.

— Юрик! — донёсся в тот же миг бабушкин голос. — Юри-ик!

Юра молчит, лень отвечать.

— Вон, бабушка, вон Юрик! — закричал Цыбулька, забравшись на плетень.

Юра нехотя встал и направился домой. Вечно бабушке нужно что-то делать, сама не сидит и внуку не даёт покоя. Она с утра до позднего вечера носится по двору, варит, стирает. Юре ни разу ещё не удавалось увидеть её спящей. Ни утром, ни днём. Вот и сейчас бабушка стоит возле телеги и смотрит, как Николай пытается впрячь в телегу бычка, а рядом на земле стоит транзисторный приёмник, из него вырывается оглушающая музыка.

— Юрик! — кричит бабушка, не подозревая, что внук стоит рядом.

— Что-о! — во весь голос отвечает теперь Юра.

Бабушка пугается и часто-часто крестится.

— Что б тебя, нечистая! Окстись!

— Юрик-мазурик, на орехи хочешь заработать? — спрашивает Николай. Он весь в поту. Бычок никак не желает стать в упряжку, перешагивает оглобли, косит по сторонам, одним словом, показывает, что затея с поездкой в лес за дровами для бани ему не нравится.

— Юрик, сидеть будешь сзади, — показывает бабушка, где именно будет сидеть Юра, садится сама на то место, пытаясь убедиться в прочности предлагаемого места. — Колька, не давай ему топор, зашибёт себе ноги.

— Не учи, бабусь, сам с усам! — смеётся Николай. — Бычок самая верная лошадь. Лучше автомобиля.

Но вот бычка впрягли и поехали. Юра сидит сзади и болтает ногами, доставая ими до дорожной пыли. Бабушка в белом платке, а Цыбулька в одной майке и без трусиков стоят у ворот и смотрят вслед.

За селом Николай садится в телегу, натягивает верёвочные вожжи и успокоительно говорит:

— Цобе! Цоп-цоп! Цобе, чёртик!

Бычок как будто доволен, что его запрягли в телегу, весело махал хвостом, смотрел только на пыльный просёлок и быстро-быстро переступал ногами. Весь он выражал одно желание — поскорее добраться до леса и вдоволь наесться

лесной травы. Юра не сомневался, что именно такие мысли руководили бычком.

За селом потянулись небольшие околки, перелески, серебристые поля, волновавшиеся от малейшего ветерка. Потянуло с полей распаренной под солнцем зеленью; ленивый, насытившийся запахами ветер вяло качал верхушки берёз, играл осиновыми листьями, слабо шевелил на бычке короткую бурую шерсть, нахаживал над пшеницей, отливающей мягкой молочностью серебра, выдувал на просёлок сухие, сонные голоса перепелов: «Чего тебе? Чего тебе?»

Просёлок вился между полями. Бычок остановился, отчаянно покрутил хвостом, затем, вздрагивая и убыстряя движение, зашпешил и всё поворачивал голову к Николаю, словно собирался на что-то пожаловаться.

— Не дури, мазурик! — прикрикнул Николай и соскочил с телеги, поднял с дороги пыльную ветку, обмахал ею бычка. Бычок успокоился. Но минут через пять его снова судорогой передёрнуло. Он отчаянно замахал хвостом, высоко поднимая задние ноги, то и дело наступая на оглобли, затем, мелко взбрыкивая, затрусил по просёлку.

— Стой! — закричал Николай, вскакивая в телегу и изо всех сил натягивая вожжи.

Крик Николая на бычка произвёл обратное действие. Он перестал слушать брата, задрал хвост и, всем своим существом выражая страх перед слепнями, устремившимися в атаку на беззащитного бычка, ринулся к лесу. Всё быстрее и быстрее. Николай натянул так верёвочные вожжи, что они не выдержали и оборвались. Телега прыгала на ухабинах; казалось, ещё немного и разлетится на мелкие части. Её бросало из стороны в сторону; она стонала, дребезжала при каждом ударе в очередной колдобине.

Юра прыгал вместе с телегой, держась за перекладину. Николай отчаянно кричал на бычка, отлично понимая, что кричать бесполезно. Никогда Юра не думал, что бычок умеет так быстро бегать. Его словно жгли раскалённым железом, так он торопился к лесу. Лес был недалеко; Николай спрыг-

нул с телеги и упал. Бычок бросился в спасительные кусты, ломаясь сквозь них, срывая гнилые пни, подминая мелкую лесную поросль. Юру хлестали ветки, а он, прижавшись к перекладине, никуда не смотрел.

Телега цепляется колёсами за осину, бычок, всё ещё вздрагивая и ошалело махая хвостом, взмыленный и непреклонный в своей решимости продолжать бег, дико водит налитыми кровью глазами, тяжело дышит, дёргает несколько раз телегу и смиряется.

— Юрка! — кричит Николай, но Юра молчит; Николай подходит к бычку и гладит по его влажной спине. — Юрка! Где ты, паразит, Юрка?!

— А-а.

— Ты почему молчишь? — гневно спрашивает Николай.

— Я не молчу.

— Гляди у меня, мелюзга ты этакая! Дави на дорогу за верёвкой, а то кто ещё подберёт. Жми!

— А сам чего не подобрал? — Юра стороной обходит старшего брата. — Только и можешь разоряться!

— Кто? А ну! Какой шустрый! Смотри на него, господин какой! Вот я тебе куропаткино гнездо покажу! — показывает кукиш. — Не захотел этого? Не захотел? Вот!

— Дождёшься от тебя. В этом лесу, мой Колечка, ни одинёшенького гнезда нет.

Николай ошалело глядит на Юру, и выражение его глаз такое, как у бычка, спасавшегося от слепней. Он, оглядевшись и убедившись, что это именно тот лес, осторожно вынимает из ярма занозу и протягивает Юре. Но Юра не торопится брать, а отходит на несколько шагов дальше. Он знаком с этим приёмом своего брата: протянет что-нибудь, а потом схватит за руку.

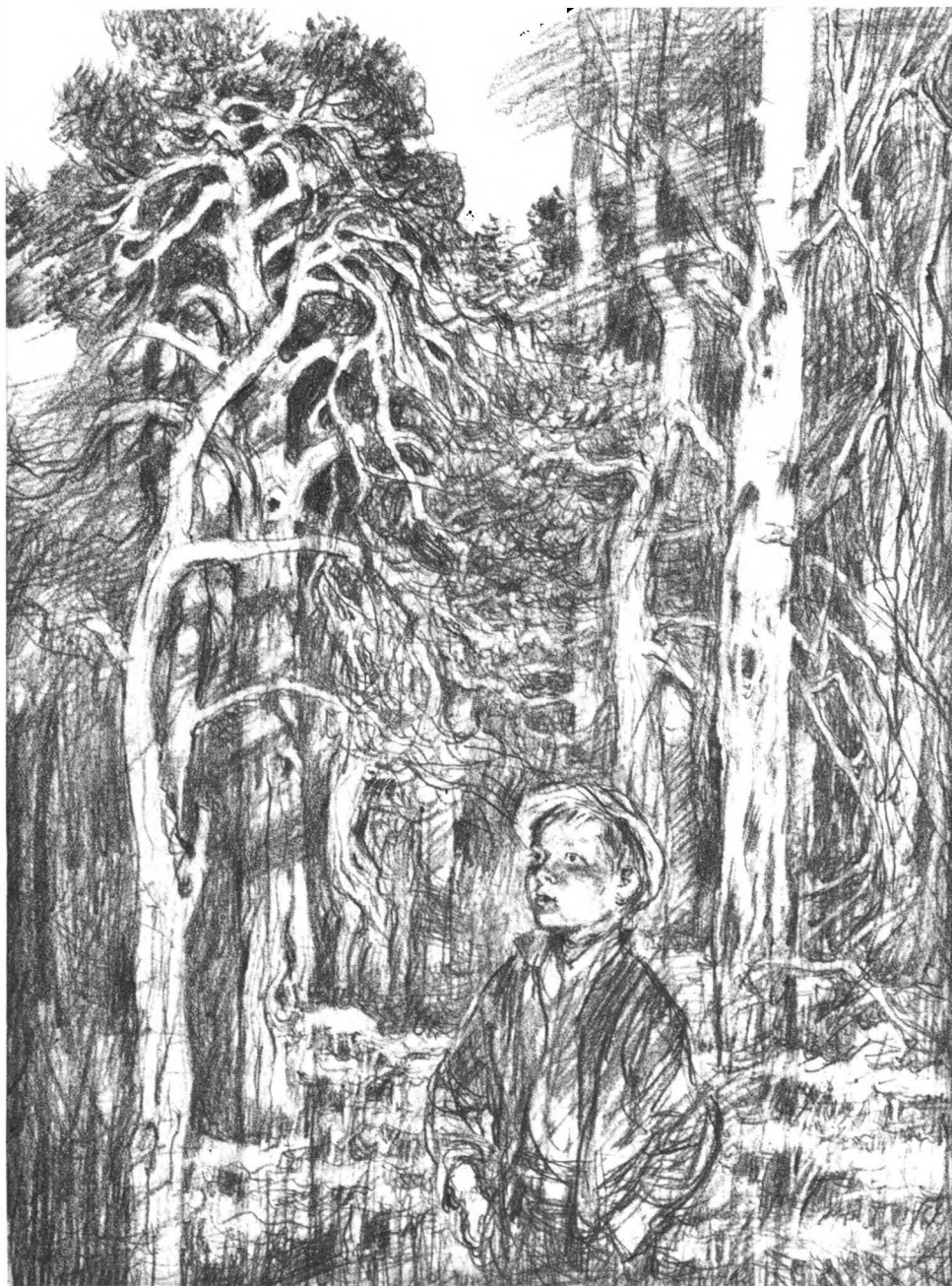
— Не бойся, — говорит брат.

— А я и не боюсь. И не таких не боялись.

— Меня не боишься?

— Тебя.

— Ах ты! — Николай срывается с места, но и Юру никто

не держит за руку.— Ну, сопляк! Ну, погоди! Я тебе устрою козью рожу! Гнезда нет, он меня не боится, ну постой, славная матрёна! Гнезда нет! Пойдём, я тебе гнездо покажу, Фома неверующий! Идём!

Юра останавливается и идёт на расстоянии за Николаем. В лесу не так жарко, но всё же сухо, и пора давно пролиться дождю. На тальнике сидит пеночка и просит: пи-ить! Пи-ить! Ей отвечает другая пеночка — пеночка-трещотка: тр-р-рр-рс! Тр-р-рр-рс! Юра глядит на тропинку, глядит по сторонам, на старые трухлявые пни, на кустарник и не слышит, не чувствует себя, будто превратился весь он во что-то такое, что не говорит, а только глядит. Он идёт неслышно, чуть касаясь земли. Из-под самых ног с хрустом и непонятным булькающим хрипом поднимается тетерев, и у Юры от неожиданности ёкнуло сладкой болью сердце и перехватило дыхание.

— Тетерев, кто ты? — спрашивает он и жадно ловит звук улетающей птицы.

Николай остановился и показал на огромную валежину возле двух корявых берёз. Юра подошёл к берёзам, пристально поглядел на валежину и под неё, но гнезда не обнаружил. Он уж было подумал, что его разыгрывает Николай и подул по обычной своей привычке, как прямо из-под самых ног, задевая невольно вскинувшиеся руки крыльями, обдавая спёртым воздухом, шарахается серым комком в сторону куропатка.

— Ну? — засмеялся Николай и показал под валежину, где в маленькой, плохо вымощенной травой, пухом ямке притаилось семь крапчатых яиц.

— Я одно возьму? Положу под квохточку?

— Дура ты, кто гнездо разоряет? Через десять дней будет семь маленьких куропатёнков, и мы их возьмём домой.

— А я их буду кормить?

— А кто ещё? Мне недосуг, а Цыбульке доверь такое дело, так он загубит их. Правильно говорю? Пошли рубить пеньки. Эту валежинку брать не надо, она куропатку от дождя застит.

Вернулись к телеге. Николай стал сбивать топором пеньки. Юра сбежал за верёвкой и принялся помогать ему. Вскоре пеньков набралось целая телега. Николай нашёл старую, высохшую на корню берёзу и решил срубить её, но она была настолько сухой, что он притомился и сел отдохнуть.

— Полезай на вершину и качай её! — Николай поплевал на руки и подсадил Юру до первых веток. Юра взобрался на самую вершину.

Николай подрубил ещё, нажал плечом на ствол, и берёза затрещала и начала валиться. У Юры перехватило дыхание. От самых ног что-то поднялось к горлу, голове... зашевелились волосы и встали дыбом. Но вот берёза, ломая ветви и сучья на соседних деревьях, хрястнула оземь, и так сильно, что Юра слетел с сука, на котором сидел.

— Испугался? — спросил Николай.

— Ничего не испугался.

— Не мели, Емеля. Испугался. Не корчь из себя героя. Старика Шупарского выпустили. Он тебе покажет, где Макар телят не пас.

— Что-о? — удивился Юра, оглядываясь, как будто ожидая увидеть за своей спиной Шупарского.

— Было тепло, да стало горячо, мой Санчо. Шупарского отпустили из-за недостатка улик.

— Он же вон что сделал? И не боюсь я его. С чего ты взял? Сам сдрейфил, а вот про меня болтаешь.

Николай положил сухую берёзу поверх пеньков, запряг бычка и повёл его за рога из лесу.

Юра плёлся сзади. Его стали угнетать навязчивые мысли. Вдруг на самом деле, если брат не врёт, отпустили старика Шупарского? Он подкараулит Юру в тёмном месте и убьёт, глазом не моргнув, с него станется. Юра рисовал в своём воображении одну картину опаснее другой. Казалось, под каждым кустом сидит Шупарский или его племянник и ждут удобного случая, чтобы схватить Юру. У Юры даже мурашки забегали по спине. Быстрее, быстрее из леса. Когда выехали из леса и остановились на просёлке, Юра облегчённо вздохнул.

Бычок брыкался и норовил вырваться из упряжки. Николай крутил ему голову, пугал карами, которые падают на бычка, если он не будет вести себя подобающим образом.

— Стой, зараза! Оборву уши и отдам волкам на съедение. Изуродую, как бог черепаху! Разгильдяй! Бандит с большой дороги! Стой! Кому сказал, несчастная тварь!

Но несчастная тварь не слушала своего грозного укротителя, а продолжала мотать головой и отчаянно крутить хвостом. Бычок переступил оглобли, и Николай решил пере-запрячь его, но не успел отвязать оглобли, как бычок взбрыкнул и побежал, а схватившийся за верёвку брат упал, юзом пронёсся по дорожной пыли метров десять и отпустил верёвку. Бычок унёсся в лес.

Николай закурил и минут через десять, заставив Юру толкать сзади, потянул телегу в село. Нужно было проехать мимо кладбища, мимо одинокой старинной могилы. Юра толкал телегу, потом, желая отомстить брату за то, что он решил его попугать, сел сзади на телегу и размышлял. Когда телега останавливалась, Юра вставал и начинал толкать. Он мечтал о том, как устроит слежку за стариком: соорудит на чердаке подзорную трубу, будет день и ночь вести наблюдение за его домом и всё выследит. Ничто от него не ускользнёт, пусть они маскируются со своим племянником как хотят. Юра так живо вообразил себя за подзорной трубой — как он сидит день и ночь напролёт, наблюдает, и вот однажды, в самую глухую ночь, когда льёт жуткий дождь, он заметит, как, крадучись, со стороны леса подъедет на лошади человек. А потом Юра позовёт на помощь Саньку Фомичёва и Артура Молендора. Они разоружат преступника и приведут в милицию. А на другой день об этом в газете напишут!

Юра так размышлял, что и не заметил Николая, который стоял с обрывком верёвки рядом и, ничего не понимая, смотрел на Юру. Глаза у младшего брата широко раскрыты, зрачки расширены, но он ничего не видит вокруг; губы шевелятся, еле слышно произносят слова, и весь он охвачен

какими-то интересными мыслями, и всё это — словно наяву; в его воображении всё — будто в жизни; он явственно видит себя ночью на чердаке, свою подзорную трубу, дождь, обрушившийся на село, тень, мелькнувшую в полночь...

Николай хотел было огреть Юру верёвкой, но, вспомнив наставления дяди Антона, что дети — особый народ и завоевать любовь их можно только любовью, решил подождать и тихо кашлянул.

Заприметив рядом Николая, Юра слетел с телеги и бросился наутёк.

Глава одиннадцатая

ЧЕРТОВО ВАРЕНЬЕ

Юра не торопился домой, искупался и побегал вокруг котлована, воображая себя китом, прилёг под кустом и ясно представил кита — как плавает, заглатывает рыбу, медленно ворочается в тёплой воде в Индийском океане, а вокруг шныряют кашалоты. Он лежал под кустом, поворачиваясь с боку на бок, словно хищные рыбыны задевали его. Кит уже наелся, но ему ещё нужно проглотить одну хищную акулу, которая постоянно нападает на мелкую рыбу и обижает её. Как замечательно быть китом! Плывёшь, а тебя все боятся, и ты то одну акулу проглотишь, то другую.

Юра направился к селу. Проскакал по улице, играя сам с собой. Обычно за ним сразу увязывались ребята, но на этот раз никто не появился на улице: из-за жары, конечно. Он забежал к Артуру, тот нянчил своего маленького братика. Его бабушка, старая немка, что-то сказала на своём немецком языке, и собравшийся было погулять вместе с Юрой Артур снова принялся качать в зыбке своего брата. Мишка Медведев отправился в лес искать целебные корни.

«Это только предлог — искать целебные корни», — подумал Юра, завидуя Мишке Медведеву, который может найти дерево со светящимися ночью листочками.

Николай говорил, что такое дерево растёт в каждой берёзовой роще. И его можно найти, стоит только хорошенько присматриваться к берёзкам, а идти по лесу нужно так (давая себе зарок делать это всегда), чтобы ни одной веточке, ни одной травиночке не причинить боль. И тогда откроется тайна берёзовой рощи, деревья полюбят того человека, травы восплают к нему любовью, и тогда они сами укажут путь к живому дереву. И это дерево с превеликой охотой обовьёт тебя своими живыми веточками и прошепчет в лицо каждым своим листочком тайну. Одно единственное слово, и это слово откроет тебе главное в жизни. А как только тебе откроется великая тайна, то сразу на одном из листочков, который до того момента не светился, заиграют прожилки всеми цветами радуги, и увидишь ты в листочке знакомое лицо. И скажет оно: ты владеешь тайной! И овладеешь ею.

Юре стало тоскливо, и ему захотелось сейчас же идти и искать живое дерево.

Санька с матерью пололи в огороде. Юра проголодался и завернул домой. На огороде вдоль картофельных рядов с тяпками в руках медленно двигались мать и бабушка. Полот даже Цыбулька — всегда успевает отличиться. Во дворе стояла телега с пеньками. Дверь в дом заперта. Юра походил вокруг печки во дворе, на которой варили обед, но ничего, кроме пустого казанка, не обнаружил. Тогда влез в небольшое окошко в сенах, поел щей и каши, прихватил с собой яблоко и полез обратно. Только коснулся ногами земли, как перед ним выросла мать.

— Положи, где взял! — суровым тоном, не предвещающим ничего приятного, сказала она и нагнулась за прутом.

Разве мог Юра убежать? Мать тогда подумала бы, что он украл яблоко. А он ведь не крал. Юра почувствовал себя уничтоженным окончательно. Позору, казалось, не было конца. А вот уже и Цыбулька прибежал и ехидно засмеялся. Ну зачем ему это яблоко? Пришлось лезть тем же путём обратно в окно и со стыдом, царапаясь о гвозди, выбираться обратно.

— Марш полоть! Какая белоручка нашлась! Аристократ несчастный!

— Да я что, отказываюсь?

— Слушай, чего тебе говорит мать! Не стыдно, когда бабушка и меньшей братишка полют, а ты, срамник, лезешь за яблоком? Для кого я их держу, яблоки-то? Скажи мне сейчас же! Для кого?!

Юра не знал, что и сказать. Он же не думал воровать яблоки, а просто увидел, взял себе одно, и всё, не подумав, хорошо это или плохо. Просто взял, ведь яблоко вкусное.

Он нашёл свою тяпку и принялся полоть. Полот Юра быстро, за ним не успевали ни мать, ни бабка, а о Цыбульке и говорить не приходилось. Тяпка так и мелькала, так и мелькала. Слегка касалась земли, срезала с лёгким хрустом верхний слой вместе с корневищами трав, снова поднималась, и Юра опускал её с вытяжкой, стараясь захватить как можно больше травы.

Большие огороды в Сибири, и пока дойдёшь до конца, много времени уйдёт. Юра снял рубашку и майку. Он успел уже пройти туда и обратно, захватывая одновременно по два ряда, а мать с бабушкой дошли только до задов огорода. Забыты обида на Николая, яблоки и позор. Было приятно, что он так ладно и хорошо, так споро работает. Юра знал, видел, что на него смотрят и удивляются, и уж старался. Санька, который лениво махал тяпкой у себя на огороде, глядя на Юру, тоже зачастил, и ему захотелось отличиться.

Мать пришла посмотреть, а не оставляет ли Юра траву, но ни единой травинки, не подрубленной Юриной тяпкой, не обнаружила. Юра любил работать. Особенно когда тебя похвалят, когда удивляются твоей сноровке, завидуют тебе, когда похвала, словно прохладный ветерок в жару, ласкает тебя. Хочется тогда полоть ещё лучше, ещё быстрее.

Не было у Юры соперников на огороде. Жаль только, земля успела совсем высохнуть, и поэтому вокруг пропольщика, мешая работать, забивая рот и нос, облаком повисла пыль.

Чудесно полоть, когда родная земля подсохнет немного сверху, образуя ноздреватую корочку, а под верхним слоем оказывается чёрная, слегка влажная земля, тогда и тяпка ложится вернее, и пыли особенной нет, а главное — всегда радостно чувствовать под ногами в такую жарынь живительную прохладу влажной земли.

Солнце клонилось к вечеру. Мать и бабушка оставили тяпки в междурядье и пошли с огорода.

У Юры сразу пропала охота работать. Он опустился в картошку и ползком заспешил к Цыбульке, не заметившему ухода матери и бабушки, только картофельная ботва колыхалась там, где он проползал. В огороде можно скрыться, как в лесу. Сколько раз Юра прятался от Николая в огороде. Поди поищи там. Николай может кричать, звать сколько угодно, а Юра сидит себе, нагнув подсолнух, вылушивает семечки или читает книгу. Юра подползает к Цыбульке, хватает его за ноги. Цыбулька с испугу падает, вскрикивает и, забросив тяпку, бежит вслед за матерью. Юра тоже оставляет тяпку и торопится во двор.

Николай уже стоит у колодца и таскает из него воду ведром, а мать и Надя носят воду в палисадник; бабушка у них принимает вёдра и поливает капусту.

Солнце уже закатилось. На улицу опустился молочно-синий вечер. На краю села протяжно и томно мычит сытая корова; на улицу вступает усталое, отяжелевшее от молока, соскучившееся по двору и хозяйке стадо.

Быстрее, быстрее! Нужно успеть полить капусту. Юра торопится, обливает штаны. Так быстро носит воду, что Николай не успевает наполнять его ведро. Ещё немного, ещё чуть... но уже поздно, не успели к приходу коровы. Вон она, крупная, однорогая, с жалостливыми огромными глазами, остановилась напротив ворот, расставила широко ноги и, подняв голову, глядит, моргая, совсем по-человечьи во двор и обмахивает себя хвостом. Молчит, молчит, выжидает, ищет глазами мать, а потом громко заявляет о себе: «Му-у-у-у! Мууу-уу-у!»

Мать впускает корову во двор, хлопает её по бокам, отгоняя мух, и торопится доить. Вот уж обмыто тёплой водой вымя, протёрто утиральником. Подоив корову, мать спешит на скотный двор, там её ждут колхозные коровы.

Юра опрокидывает ведро сушить на кол и усаживается отдыхать на завалинке.

Сумерки густеют и медленно опускаются на землю. Багрянистые полосы на небе тускнеют, от них остаются вскоре волнистые лесенки пепельных облаков. С огорода повеяло прохладой и тяжёлым запахом картофельной ботвы.

Отец, приехавший с полей, садится рядом, и Юра чувствует, как отец источает ещё дневное тепло, как горячи его руки. Отец молчит, молчит и Юра. Так вот Юра может просидеть до утра рядом с отцом, молчать и смотреть на небо, и главное, чувствовать рядом отца.

— День нынче жаркий, — сказал отец и погладил Юру по голове.

— Пап, скажи, а до тебя ещё, далеко-далеко от нашего времени, что люди делали? — спросил Юра.

— Работали.

— Работали — и всё? А ведь жизнь, папочка, не только из работы складывается. Так же скучно будет. Вот же люди воюют, на медведей ходят. Мало ли чего ещё делают? А вот скажи, если бы тебе предложили воевать, пиратствовать в морях, плавать в океанах подо льдом на атомных подводных лодках, что бы ты выбрал? Только, папочка, честно говори. Может, на Марс полетел бы или ещё дальше?

— Совсем честно? Если совсем честно, то скажу.

— Конечно, полететь на Марс или Луну каждому хочется.

— Нет, сыночек. Если бы мне разрешили заниматься моим любимым делом, чтоб ни войны не было, ни других напастей, я бы ходил по полям с утра до вечера, хлеб выращивал — самое доброе дело. А если ещё по вечерам сидеть вот так и гладить своих сыновей по головкам — добрее жизни не бывает, сыночек, на свете.

— А, папа, не то говоришь, — не поверил Юра, сонно зевая.

...С утра Юра на огороде. И так день за днём, день за днём. Неумолимо припекает солнце. Цыбулька не успевает Юре подносить воду. Пожухла картофельная ботва, тянет с полей сухостью, и знойный воздух кажется пресным в такое время.

Но вот на горизонте появились облака, к обеду выросли в тучи, зашевелилось в них что-то, засветилось внутренним огнём, и вдруг ударил гром. Ополосовали тучи небо и зашлись дождём. Юра и бабушка, пока добежали домой, вымокли. Заторопились в сарай куры, недовольно ворчала в сенях клушка с цыплятами, заволновались кобчики в сенях. Дождь!

Юра стоял в сенях у раскрытых дверей и радовался: сегодня уж не нужно поливать капусту и теперь можно будет что-то придумать интересное.

— Хочешь чёртика увидеть? — спросил Юра Цыбульку.

— А он маленький?

— Меньше тебя. С рожками, хвостиком и копытцами. Он может на Луну скатать тебя, я уже летал. Оттуда хорошо наблюдать за стариком Шупарским.

— А он не укусит?

— Нет. Он маленьких любит. Он им даёт хлеб с вареньем.

— Хочу. Не обмани только.

Юра подводит Цыбульку к зеркалу, висящему на стене, накрывает его отцовским полушубком так, чтобы брат через рукав смотрел в зеркало, незаметно набирает кружку воды и говорит:

— Зыркай в зеркало, он сейчас оттуда выйдет и даст тебе хлеба с вареньем и впридачу шоколадку. Я всегда так наедаюсь от пуза вареньем и шоколадкой. Ты никогда чёртиковое варенье не ел?

Цыбулька, замирая от страха, открыл глаза, а Юра вылил в рукав воду. Сначала слышалось только фыркание, но потом... потом раздался громкий плач. Цыбулька барахтался, пытаясь сбросить с себя полушубок. На плач прибежала бабушка.

— Юрик! — закричала она. — Бесов сын! Юрик, ты чего делаешь? Ну не басурман ли!

Бабушка освобождает Цыбульку из полушубка и прижимает его, мокрого и рыдающего, к себе.

Глава двенадцатая

ПОЛУНОЧНЫЕ СТРАХИ ДРУЗЕЙ

Ночь для маленького человека всегда наполнена тайной, которую понять или разгадать невозможно. По этой причине ему всегда кажется, что самые невероятные вещи происходят именно ночью, то есть в это недоступное человеческому глазу время. Ночью даже дома в его родном селе, простые дома, на которые днём не хочется смотреть, кажутся наполненными тайной. На чердаке и вокруг дома, в каждом углу видятся таинственные силы в образе загадочных существ, которых никто никогда не встречал, но которые, как говорят, настолько всесильны, что у каждого мальчика при одном упоминании о них душа замирает. Лишь стоит ему увидеть ночью тень возле дома, необыкновенные очертания каких-то фигур, как воображение живо дорисует в памяти всё остальное — пылающие огнём злые глаза, страшные, наводящие ужас усы.

Юра всегда считал, что ночью-то как раз и происходят самые страшные, а потому и заманчивые истории. Днём люди готовятся для дел скрытных, а все скрытные дела происходят ночью.

Давно он задумал последить за стариком Шупарским. С невинным видом ходил днём возле высокого забора Шупарских и высматривал щели, через которые можно будет пробраться во двор ночью, бегал с Санькой вокруг огорода и наметил на всякий случай пути проникновения к дому Шупарского со стороны огорода.

В ту ночь светила полная красноватая луна, рассеиваю-

шая на село, леса, поля и всё вокруг сумеречный свет.

Тихо было. Только у Соловьёвых сердито ворчала собака. Под плетнями лежали тёмные длинные тени, шумно вздыхали во дворах, жуя жвачку, коровы. Юра осторожно выбрался из дома, постоял, прислушиваясь, и направился к Саньке. Свистнул три раза, подождал. Неслышно появился Санька.

Они прокрались задами к огороду Шупарского и притаились. Сзади, почти у самого леса, чернело и пугало молчаливое кладбище, и, видимо, на кладбище одиноко и тоскливо кричал перепел.

Юра первым просунулся через небольшой лаз в плетне в огород и лёг в картошку. Прислушался.

Санька хоронился за плетнём и дрожал, не решаясь последовать за Юрой. Но вот решился. Они поползли по междурядью по холодной земле. Возле дома стало теплей. Два окна светились. Юра припал к одному, а за углом хоронился Санька, готовый в любую минуту подать сигнал об опасности.

В прихожей за столом, придвинутом к окну, сидел старик и читал толстую старинную книгу — Библию. Рядом с книгой дремал кот, спрятав мордочку под себя, здесь же на столе стояла миска с семечками и кружка с молоком, а на кровати, закутав голову в шерстяной платок, спала старушка. Дверь в горницу отворена, но свет в горнице не горел.

Подполз Санька:

— Ну как?

— Т-ш-ш! Он книжку читает. Может, это не книжка, а что-то такое, тайное. Может, это шифровка? А?

— Чего? — не понял Санька.

— Т-ш-ш-ш!

Старик протянул руку к окну, взял на подоконнике чернильницу, ручку, надел очки и стал писать. Иногда он останавливал взгляд на окне, прищурив при этом глаза, думал, а потом снова писал, тщательно выводя буквы. Юра смотрел на старика, пытаясь отгадать, о чем тот писал. Он читал в одной книжке, что можно угадывать мысли на расстоянии.

Но сколько ни всматривался в старика, не смог отгадать, о чём тот писал. Письмо было написано. Старик запечатал его в конверт и надписал адрес.

— Что там в письме? — спросил Санька.

— Ясно что. Откуда я знаю, но знаю одно — не нам послание. Надо во что бы то ни стало разведать. Можно разбить окно, схватить письмо и убежать. Нас не догнать.

Санька нашёл кирпич и сунул Юре:

— На, кидай в окно, а я побегу посмотреть, а ты правь с письмом туда, где услышишь свист.

— Не дело бить стёкла. Настоящие разведчики так не поступают. Бить стекло — хулиганство. Лучше вынуть шипку, видишь вон внизу разбито. Замазку отколупнуть и вынуть кусок, протянуть руку — и всё.

Вскоре свет в доме погас. На крыльце появился старик, постоял, покуривая папироску, покашлял и направился к сараю.

— Иди, — сказал Санька. — Пока отколупнём, он вернётся. Схвати письмо со стола и дави ко мне на свист. Я беру у тебя его и мотоциклетю ко мне. Мы всё узнаем. Струсил, что ли?

— Кто? Я? — Юра поплевал на руки, прошептал «чёт-чёт-перечёт» и пополз.

Юра прошмыгнул в коридор, но в это время Шупарский вернулся к крыльцу. Юра так волновался, что не услышал Санькин сигнал, и старика увидел уже на крыльце. Замерев возле каких-то рундуков и мешков в коридоре, он был ни жив ни мёртв. Каждая жилка в нём дрожала от страха. Он стоял на четвереньках, не решаясь подняться, и не знал, что делать.

Какую глупость совершил! Зачем было идти за письмом? Сейчас старик Шупарский поймает его в тёмных сенях, закроет дверь — и пиши пропало. Задушит, как гусёнка, а мёртвого выбросит в лес, или закопает, или бросит в уборную, как это он читал в одной книжке.

Старик покурил на крыльце, побряхтел и неторопливо вошёл в сени.

У Юры от страха сердце заколотилось с такой силой, что он стал плохо соображать. Он метал взгляды то в одну сторону, то в другую, кругом было темно, хоть глаз выколи. Вот-вот старик закроет дверь на крючок, включит свет и увидит возле бочки с зерном для кур Юру. И тут Юре в голову пришла спасительная мысль. Он вспомнил: старик единственно чего боится — собак. Раздумывать было некогда. Юра громко залаял, точно собака, — как ему пригодились постоянные упражнения в подражании собакам, кошкам, птицам! — и бросился к двери.

Услышав в коридоре лай, старик испуганно метнулся из сеней, схватил подвернувшуюся у крыльца метлу, чтобы обороняться от собаки. Но Юра ничего не видел и не слышал, кинулся к картошке, упал и пополз, работая из последних сил локтями и коленками. Вот и плетень. Перемахнул через него. Здесь у плетня ждал Санька. Они вместе бросились бежать со всех ног.

— Чего в письме? — спрашивал на бегу Санька.

— Не успел взять...

У дома на завалинке сидела мать, ждала его.

— Ты где шляешься, полуночник?

— Да чего я такое сделал? Вот уже и с Фомой погулять нельзя. Скоро в школу, надо нагуляться.

— Вечно у тебя в голове одни гулянья. Всё замышляешь чего-то. Да когда ж моё мучение кончится, горе ты моё луковое! Вырос бы побыстрее. Дома лучше сиди, бойся пересудов. Вон старухи только и чешут языки: мол, Бородин Юрка оговорил старика Шупарского. Им-то только языки чесать. Старик Шупарский, знамо дело, жулик, а только не докажешь.

— А я-то при чём здесь?

— Ну вот, ну и возьми его за рубль двадцать!

Юра раздевался, собираясь подумать о письме, но заснул, едва только голова коснулась подушки. Во сне видел тёмную

ночь и Шупарского, гнавшегося за ним. Старик должен вот-вот схватить его, и в этот момент он просыпался.

Утром Юра встал поздно. Дул ветер; по небу бежали белые холодные облака; над дальними лесами сизо мутнело небо. Дремали у ворот гуси, засунув головы под крылья. Юра постоял на крыльце, глядя на смерчи, проносившиеся по улице.

Но куда же делись бабушка и Цыбулька? Он обежал вокруг дома. Бабушка, устроившись на завалинке на солнечной стороне дома, колотила в маслобойке масло, рядом сидел Цыбулька и дремал.

— За ягодами пойдём? — спросил Юра.

— Завтра, ежели дождика не будет. Нá — побей сметанку.

Юра стал колотить масло, стараясь изо всех сил показать, какой он сильный и ловкий. Он старался, сметана вылетала из маслобойки.

— Стареньких, Витенька, нужно важить, — говорила бабушка, продолжая начатое. — Вот идёт по улице старичок, а ты возьми и дай ему хлебушка. Самую малость, а дай. Упаси царица небесная насмеяться над ним, потому как это большой грех. Бог всё видит: обижают ли стареньких, помогают ли внуки им? Кто без царя в голове, тот обидит. Обидит, и не видать тому счастья.

— Бога нету, — сказал Юра, продолжая усиленно колотить и одновременно умудряясь щёлкнуть Цыбульку по голове.

— Юрик, побойся! За такие слова...

— Да ты, бабусь, по-старому рассуждаешь. На Луну слетали уж и никого не нашли там американцы. На Луне одни камни и ничего больше нет. Клянусь тебе! Рассуждаешь ты, как ребёнок, бабусенька.

Юра заметил Саньку, выглядывавшего из-за угла дома, оставил маслобойку и побежал к нему.

Глава тринадцатая

ПОЖАР В САРАЕ

Договорившись наблюдать за Шупарским, ребята выбрали удобное место — в переулке возле его дома, где росли огромные лопухи. Они забрались в лопухи, вспоминали там разные истории, в которых отличились. Изредка кто-нибудь из них убегал в соседний огород за морковкой. Время уж клонилось за полдень, а старик из дома не выходил.

— Надо сходить к Захару Никифоровичу, посоветоваться,— предложил Юра.— Он всё знает. Недаром старик так поздно спать не ложится. Как думаешь?

— Мы сами всё сделаем. Старик пойдёт на почту с письмом, мы налетим, выхватим письмо — и будь здоров. Я побегу вперёд, он на меня посмотрит, а ты подкрадёшься сзади — и хвать письмо! Ноги в руки — и в лес. В письме всё написано.

Всё-таки Юра убедил Саньку, что нужно посоветоваться с учителем. Сначала они прошагали мимо дома учителя, не решаясь зайти, потом уже обратно опять прошли мимо. Так возвращались туда и обратно раз десять. Никто первым не осмеливался зайти. Было решено бросить жребий. Выпало Саньке. Но он тут же заявил, что один раз — это не честно, а нужно по крайней мере бросать жребий три раза. Остальные два раза выпало Юре.

Санька убежал. Юра постоял возле ворот, никак не решаясь войти. Ни разу ему не приходилось бывать у учителя дома. Учитель жил один в домике, который за маленькие размеры и ветхость Юрин отец называл избой. Учительский двор был чист и ровно по нему росла трава-мурава. Небольшой сарай находился рядом с домиком, возле него аккуратно сложена поленница колотых дров.

Чувствуя своё запрыгавшее в груди от волнения сердце, Юра прошёл в сени и постучал. Тихо. Постучал ещё и, не дождавшись ответа, привстав на цыпочки, заглянул

внутри, сразу догадавшись, что в домике никого нет. Его потянуло посмотреть, как живёт учитель. Напротив двери тикали старенькие ходики, у окна стоял стол, на нём аккуратно разложены тетради и книги; в простенке висел портрет парня в кубанке, а рядом портрет Пушкина, а ниже на оленьих рогах висело ружьё и большой охотничий нож; чистая домотканая дорожка вела от двери к столу и кровати.

Юра пошёл обратно. Какой нож висел на оленьих рогах! Огромный и в ножнах! Если бы у него был такой нож! Юра постоял в сенях и вернулся ещё посмотреть на нож. Полюбовался, вздохнул и направился к калитке. Нигде не обнаружил Захара Никифоровича — ни в палисаднике, ни в огороде. Юра стоял у калитки и глядел на огород. Чем-то пахло. Чем? Юра огляделся. Какой приятный запах. Откуда такой запах? Юра пошарил глазами над трубами, но нигде вблизи не курились трубы. Дверь в сарайчик приотворена, из-под неё сочился изнутри дым. Как Юра сразу не заметил? Конечно, Захар Никифорович в такую погоду сидел в сарайчике и топил печку. Он постучал в дверь, но никто не отозвался, потянул дверь на себя.

В сарае было полно дыма. Вывалившись из печки, тлели на полу угли, медленно разгорались лежащие здесь же поленья.

Надо уходить, а то подумают, что это он, Юра, напроказничал. За последнее время столько неприятностей свалилось на голову матери, и всё из-за него. Юра притворил дверь и побежал на улицу. С Санькой вдвоём было бы проще потушить начинающийся пожар, но где он, Санька?

Какая-то смутная тревога засела у Юры в груди. В сарайчике у учителя настоящий пожар, а он, ученик, убежал. Нет, пусть говорят что угодно, а вернуться надо.

Юра открыл дверь и позвал:

— Захар Никифорович?!

Испугавшись, он крикнул посильнее, опять никто не ответил. А потом, совсем не думая ни о чём, бросился в дым. Возле печи свалено несколько охапок дров, выпавшие голо-

вешки из печи подожгли их, и дрова, разгораясь, разбрасывая по сараю искры, треща, занимались всё ярче и ярче.

— Захар Никифорович! — закричал Юра, понимая, что вот-вот загорится сарай. Ещё немного подождать — и будет поздно. — Захар Никифорович, вы здесь?!

Юра пробежал из угла в угол, всматриваясь в дым, схватил стоявшее на лавке ведро с водой и плеснул на дрова. Едкий дым на минуту закрыл всё, жёлто-сизыми клубами заходил по сараю. Дышать невозможно, но и медлить нельзя. Вот-вот займётся пламенем сарай, а потом изба, а потом будет такой пожар! На улице ветер дует.

Юра выбежал из сарая, обежал дом. Нет учителя. Но ведь кто-то же затопил печь? Что делать? Юра бросился в сени, увидел бачок с водой, налил ведро и побежал в сарай. Плеснул в огонь, потом ещё. Нужно теперь разворошить угли, полить их водой, они погаснут, и пожара не будет.

Юра забежал по сараю в поисках кочерги. Он разворошит ею поленья, зальёт водой, а потом уйдёт, как будто и не заходил сюда. Главное — потушить пожар. Где кочерга? Юра ощупал один угол, другой и вдруг задел за что-то рукой. Он поднял глаза и остолбенел — перед глазами висели человеческие ноги в ботинках, в которых всегда ходил учитель. Первое, что пришло Юре в голову, — бежать!

Неведомая сила вынесла его из сарая, он припустился по улице. Санька! Где Санька? Вдруг Юру словно кто остановил и направил обратно. Что его несло туда, он не мог сообразить. На него навалился испуг при виде человеческих ног, и Юра знал наверняка, что ноги принадлежат учителю. Только не мог понять, как они туда попали. Во всём этом невозможно разобраться.

Дым в сарае медленно рассеивался, и он увидел — прямо из крыши сарая свисало туловище учителя.

«Похоже на шутку, — подумал Юра. — Но кто с пожаром шутит?»

Юрин взгляд упал на стол, и он пододвинул стол под

ноги, взобрался на него, затормошил учителя. Захар Никифорович не ответил. Тогда Юра выскочил во двор и взобрался на сарай.

Учитель провалился сквозь крышу сарая и повис между перекладинами. Он звал на помощь, но грудь так сдавило, что и крикнуть как следует не смог, руки и ноги, голова и шея от напряжения затекли. Он уже не мог звать на помощь, чувствуя, как медленно уходит из него жизнь, и понимая безысходность своего положения.

— Захар Никифорович! — закричал Юра. — Захар Никифорович!

Учитель чуть приоткрыл глаза, но ничего не увидел, кроме мутного пятна перед глазами, — то был Юра.

— Захар Никифорович! — заплакал Юра и оглянулся, но никого не увидел на улице. — Захар Никифорович, я вам стол поставил!

Юра сразу сообразил, как всё тут произошло, соскочил с крыши и, взобравшись на стол, попытался приподнять учителя, чтобы освободить его от перекладин, сдавивших ему грудь и мешавших опустить руки. Ничего не получалось. Тогда Юра начал срывать и сбрасывать с крыши дёрн, и после этого ему удалось раздвинуть перекладки. Учитель грузно осел на стол.

Юра несколько раз выбегал из сарая, надеясь увидеть Саньку, но Санька как в воду канул. Юра побежал домой.

— Бабушка, бабушка, Захар Никифорович! — закричал Юра, а бабушка, как увидела плачущего, перемазанного сажей внука, слова не могла вымолвить, понимая, что случилась беда, и заторопилась за внуком.

Они с трудом привели учителя в избу и положили на кровать. Бабушка напоила учителя каким-то отваром. Захар Никифорович медленно открыл посиневшие веки. Только теперь Юра заметил, какой худой, нескладный и старенький учитель, какие у него худые и сухие руки, и совсем белые-белые волосы, и мутные, голубоватые глаза.

— В чём только душа держится? — заплакала бабушка. — Худющий. А какой был раньше.

— Спасибо вам за всё, — сказал учитель и закрыл глаза, откинув голову на тонкой кадыкастой шее. — Полез подправлять трубу, дымило. И провалился. Уж думал: всё. Нет, жив ещё курилка! Один я, вот как одному жить. Только в тягость людям. Ох-ох! Как тяжело дышать! И в груди ломит. Как мне вас отблагодарить?

— Да я вам сварю кушать, — ответила на это бабушка и отвернулась, боясь показать своё заплаканное лицо учителю.

Бабушка укрыла учителя потеплее и подошла к Юре.

— Господи, как бы не умер. Он ведь никому зла не сделал. Жалко его.

— Я буду сидеть у него ночью, — сказал Юра.

— Да уж что там! Да с тебя толку! Уж я сама как-нибудь покараулю его. У него еле-еле душа в теле, на ниточке тонюсенькой держится.

Юра помогал бабушке, но одна мысль не давала ему покоя:

— Бабушка, а Захар Никифорович может умереть?

— Не дай бог, Юрик.

— Разве от пустяка умирают, бабушка? На фронте — там другое дело, за Родину свою, за маму и папу, братьев и сестёр. А это что? Провалиться на крыше и умереть? Бабушка? Я вон тоже проваливался, и ничего. Даже не ушибся. Бабушка? Разве человеку так просто умереть, бабушка?

— Самая тонкая и хрупкая жизнь, Юрик, у человека, потому его надо беречь. Чуть — и она оборвалась.

— Вот скажешь ты, бабушка!

Глава четырнадцатая

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ

Вскоре учитель выздоровел — это было за три недели до начала занятий. И сразу зачастили дожди. В короткие промежутки между дождями Юра мог убежать в сад, посидеть на яблоне, отдохнуть там душой, наблюдая за садом.

— Бабушка, а ведь выходит: был человек, а потом остаются одни кости и больше ничего? — спросил как-то Юра, размышляя о судьбе человеческой.

— Всяко бывает. Вот случай,— озабоченно сказала бабушка.— К нам, помню, в девятнадцатом году ещё, приехало три красноармейца. Не скажу, что большие начальники, нет, оне солдатыками были. Просили пригреть одного, больного. Молоденький такой, ну, Колькины годы — не более, даже пушок под носом чтоб рос, не видать такого. В худеньких шинелях, а осень, крепкие заморозки ударили, холодно в поле-то. Волки тогда завелись, батюшки ты мои! Кругом беляки рыскают на лошадях, народ страшают, бабы прячут мужиков своих, потому как забирают силой супротив красных воевать. Ладно, говорю, а дедушка твой, Пётр, болел. Я как глянула на мальчонка: тиф! Такой молоденький, еле держится на ногах. Ну, жалко человека, пропадёт же. Давай, говорю, отгородим угол в мазанке, там у нас тепло, пусть живёт, будем за ним смотреть, кормить, жалко человека. Только договорились, как вбегают тот, что на карауле стоял и кричит: «Белые!» Схватились они, на коней повскакали, ружья с плечей срывают и по огородам, по полям. Больной тоже с ими, но всё отстаёт, всё отстаёт, видать, ему немоготу ехать, а я за им побежала, кричу: «Узелок забыли! Узелок забыли!» А по красным уже стреляют из пулемёта: та-та! Те двое шибко по просёлку вдарились, только ошмётки грязи вихрят за ними, а этот, молоденький, завернул в лес. Наверно, погиб. А узелок его долго у нас был, думали, что вернётся с красными, а он не вернулся. А в узелке бельишко,

платочек вышитый, и на нём написано было — «Митя». И ещё окурки, много окурков. Всё мы хранили, всё думали вернётся и отдадим ему узелок. Уж не вернуться ему. Вот и осталось только — от всего человека.

— Бабушка, он отстреливался?

— А как же! За ём на лошадях, а он обернётся, выстрелит и скачет. Да лошадь под ним не шибко-то скакала, всё как-то боком шла, всё боком, как бы её не ранили беляки.

Бабушка вздохнула, покачала головой и ушла в сарай. И потом, сколько Юра ни спрашивал, бабушка повторяла старое и ничего не могла добавить.

Так буднично, полные томительной скуки проходили день за днём. Моросил беспощадный, мелкий холодный дождичек. Словно осенью, низко над селом торопились тучи. Только и радость, когда на дороге застрянет машина. Но и это случалось не часто, так как машины обычно проезжали по тракту, проходящему рядом с селом, в сторону недавно открытого месторождения нефти.

За неделю до первого сентября бабушка вынула из сундука большой свёрток с вельветом, который привёз дядя Антон, приладила на глаза нитками старенькие очки и принялась снимать мерки с Юры и Цыбульки.

Долго возилась с машинкой «Зингер», собираясь шить новые штаны и рубашки. Напрасно говорили, что Юре всё равно как одеваться. Ему было не всё равно. Он знал, что Марчуков обязательно придёт первого сентября в новой школьной форме с погончиками, в фуражке и новых ботинках и будет важничать. Юра не отходил от бабушки ни на шаг, выпрашивая у неё лишний карман на будущих штанах.

— Бабушка, милая,— просил Юра, стараясь задобрить старушку ласковыми словами и слезами.— Вот здесь, сзади, небольшой карманчик пришей. Ну чего тебе стоит? Ну вот такой маленький. А? Бабушечка, ладно?

— Не мешай, басурман, лиходеи, не будет тебе карманчиков. Пугальчики таскать, с прачёй стрелять, штаны рвать! Не будет, не проси, окно разобьёшь ещё.

— Ну, хочешь, бабуса, я пол вымою? Ну, хочешь? Я очень хорошо вымою, бабушечка, все углы вычищу и окна помою, чтобы мамке не мыть после работы. Хочешь, милая, дорогая бабушечка?

Бабушка была неумолима и крепилась, стараясь казаться строгой и не обращать внимания на слезливые просьбы. Она не понимала истинного Юриного желания, а он хотел ну хотя бы на один карман иметь больше, чем у Марчукова.

— А хочешь, я всегда во всём буду тебя слушаться? Всегда буду пол мыть, рано вставать. Я всегда буду тебя слушаться, хочешь?

Бабушка не могла устоять против таких обещаний, тяжело вздыхала, всё ещё не соглашаясь, всё ещё оставаясь строгой, хотя по доброте с ней вряд ли кто мог сравниться в селе.

— Я вон картошек с Цыбулькой накопаю и начищу сам,— не унимался Юра, его обещания не имели предела.

Бабушка сдавалась, но всё же не хотела так вдруг отступать.

— Чего, у Вити нет имени? Не смей его так называть! Он вон какой мужик!

— Ладно, бабусенька.

— Мне разве вот этого лоскутика жалко, Юрик? Не лоскутика жалко, а то, что ты, малиновый, будешь энти чёртовы пугальчики таскать, как лиходея какой. А учитель ругать станет.

— Не буду, бабуса.

— Ан врёшь! Будешь. Я знаю. Да не жаль мне, Юрик. Пришью лишний лоскутик к нужному месту. Может, на старости лет пожалеешь бабушку, позаботишься о ней. Это ж на одних штанишках — четыре кармана! Ну, пришью, пришью... бог с тобой.

— А мне? — вдруг заплакал молчаливый до этого Цыбулька.— Я в школу не пойду! А то всё Юрику и Юрику, а мне!

— И тебе, Витенька, Цыбулечка моя хорошенькая, и тебе,— соглашалась бабушка.

Но зато Цыбулька теперь не соглашался быть на равных с Юрой. Он знал, слезами у бабушки можно выпросить всё. Он требовал большего, сам не понимая, что ему нужно.

— А мне больше карманов,— усиливал нажим плачем Цыбулька, и бабушка тут же соглашалась, хотя, вроде, по её самым щедрым подсчётам, больше карманов не должно быть по той простой причине, что их некуда пришивать, если только на коленки.

Цыбулька замолкал, поражённый бабушкиной добротой, соображая, какие бы ещё выторговать преимущества. Но Юра уже ходил по горнице, пританцовывая, смеясь, радуясь тому, что у него на штанах будет четыре кармана и на рубашке два. Это наверняка больше, чем у Марчукова.

Юра накопал картошки, растопил печь, почистил картошку и поставил варить, потом засел читать «Трёх мушкетёров». Цыбулька всё крутился возле бабушки, а потом, увидев, что Юра не проявляет к нему никакого интереса, закричал:

— Вот! А тебе — нет!

— Чего нет? — спросил Юра.

— Вот! В школу пойду!

А дождь лил, не переставая, так долго, что Юра потерял счёт дням. Казалось, не стояло на улице лето, не было жары, а всё время висела за окном вот такая холодная, промозглая мокрядь. Даже куры в дождь просыпались поздно, петух кукарекал глухо и редко, а кошка спала на печи, засунув мордочку под себя,— верный признак плохой погоды на ближайшее время.

Первого сентября мать встала ещё затемно: готовила завтрак.

Юра тоже проснулся рано. Отец уже сидел за столом и тихо говорил матери:

— Ну, мать, сызнова уборка у нас в этакий день. Первое сентября, а дождь как начался месяц назад, так продолжается.

Мать стучала сковородкой, по прихожей от блинов полз пряный сизый дым.

— Отбился совсем от рук,— сказала мать, думая о своём.

— Кто? — удивился отец.

— Дак Юрик. Кто ещё? Манька Фомичёва попрекает: мол, Юрик ваш Саньку с дороги своротил.

— Да ну, мать, это ж от малодумства, это ж дети. Маленький человек, как скрытый знак, не знамо, как проявится ещё.

— Раз дети, так всё им дозволено?

— Я был похлеще его. Нынче никто не жалуется на меня, никто меня не попрекнёт. Ты погляди, какой он ласковый, наш Юрик. Витя — тот злой, а этот ласковый. Помер дикий гусёнок, так он как плакал, как плакал. Хотел вырастить его, а гуска, видать, заклевала, потому как не свой. А уж Юрик ревел-то, меня слеза прошибла. В мою жалость пошёл. Одним словом, маленький знак.

Юра слушал разговор, и стало радостно от слов отца, весело, хотя ему до сих пор было жалко того дикого гусёнка, подаренного Соней. Тут же Юра дал себе твёрдое слово быть совсем хорошим, начать новую жизнь, делать только положенное и только с разрешения взрослых.

Мать суежилась у печи, а на столе уж высилась гора блинов, в тарелке желтела сметана, а в сахарнице горкой вздымался сахарный песок, рядом с сахарницей стоял кувшин с молоком, самовар, а на табуретке в густом, сытом блинной сизостью воздухе, сидел отец, весь какой-то радостный, трепетно возбуждённый. Он улыбался и глядел на Юру.

Потом Юра надел новые штанишки, рубашку и тихий, ощущая в себе какую-то неумолимую радость, которая приходит, когда ожидаешь больших прекрасных перемен, сел за стол. Сегодня он нравился сам себе. На нём новая шуршащая одежда, до которой приятно дотрагиваться, он коротко острижен. Вчера его и Цыбульку вымыли в бане щёлоком и мылом, выскребли, а сегодня он чувствовал в себе такую чистоту, будто заново родился. Сегодня их день!

Их праздник! Им старались угодить во всём, упредить их желания; Юра чувствовал в себе нечто необыкновенное, торжественное.

— Гляди,— говорил отец, провожая Юру, Цыбульку и Надю, которая теперь будет работать в школе старшей пионервожатой.— Ты теперь отвечаешь и за Витю. Ведь он впервой идёт учиться. Гляди, ты старший.

Юра взял Цыбульку за руку, и тут Цыбулька заупряился:

— Не пойду в школу!

— Кто? Ты? То есть как не пойдешь? — страшно удивился отец.

— Юрке вон давали в прошлом разе фуражку, а мне не дают! Не пойду в школу,— заплакал Цыбулька горестно.— Не пойду!

Пришлось отцу доставать из сундука свою старую фронтую фуражку, простреленную в двух местах, которую, как он говорил, не променял бы на генеральскую. Цыбулька надел фуражку и направился в школу. Отец так жалобно посмотрел на ребят, что в Юриной груди что-то тоскливое задержалось на минуту.

В школе царил радостный, возбуждённый шум. Разбившись на пары, по коридору медленно ходили девчонки; кучками стояли ребята, размахивая руками, показывая что-то друг другу, и вот они уже бегали, толкались, затевая игры.

Юра отвёл Цыбульку в первый класс и бросился искать Саньку, обещавшего в первый день занятий сдержать своё слово и извиниться перед Соней.

Прозвенел звонок. Все ринулись в класс. Вон и Санька. В новом костюмчике его не узнать. А вон Артур в белой рубашке, а вон Мишка Медведев у окна с новыми шахматами.

Вошёл учитель, а в классе всё ещё шла жестокая молчаливая борьба за места у окна.

— Здравствуйте, ребятки! — сказал Захар Никифорович.— Мы с вами не расстались, и я очень рад.

— Здравствуй-те! — нестройно ответили ребята.

Когда все сели, оглядываясь, мостясь на новых местах,

и шум ещё не утих, встал Санька Фомичёв и покраснел так, что его нельзя было узнать. Он встал и сказал, как мог сказать только Юра:

— Соня, извини меня великодушно, не Юра Борода тебя взгрел ремнём, а я.

Это произвело впечатление пушечного выстрела среди полнейшей тишины. Кто мог ожидать от Саньки таких слов, такого фантастического поступка? Никто. Ребята, разинув рты от изумления, молчали. Они осуждали Саньку, но девочки... Соня тут же сказала Алёнке Рябинкиной, что Санька всегда слыл настоящим товарищем и недаром дружит с Юрой.

Учитель смущённо потёр руки и несколько минут молчал. Он не мог объяснить случившееся словами.

Глава пятнадцатая

ОХОТА НА КРУПНОГО ЗВЕРЯ

Сколько бы верёвочке ни виться, а конец придёт, так и дождю наступит конец, сколько бы он ни лил. Распогодилось только в конце сентября, когда выкопали картошку и мокрую, так основательно и не просушив в сенах и сараях, снесли в погреба.

Снег выпал внезапно, утром в воскресенье. Юра в этот день проснулся от острого предчувствия новизны, у него зачесались ладони. Глянул в окно — кругом белым-бело. А не сон ли видит? Вчера под дождём бежал из школы, оскальзывался и падал, а тут — снег. А не сон ли? Нет. Вон от сеней к сараю ведёт проторённая в пушистом снегу дорожка, а вон в полушубке, отгребая близ сарая снег, кормит гусей бабушка. А снег всё падает! Он ложится на землю медленно, тихо, как и подобает первому снегу. Юра не мог до конца поверить в случившееся, как был в одних трусах, так и выскочил во двор на снег, пробежал босиком к сараю, чтобы в полную меру ощутить свою радость.

Бабушка замахала на него руками:

— Ах ты, чертёнок! Я тебе!

На улице лежал снег, не во сне видит Юра, а наяву. Значит, как обещал Николай, через неделю начнётся самое интересное — охота. Юра быстренько оделся, достал с чердака санки, старые лыжи. Ему не терпелось сейчас же опробовать их.

— Юрик! — крикнула бабушка, как только внук вышел во двор одетый. — Вон убери кизяк из-под коровы, а то, вишь, Николка чуть свет подался в лес.

— Куда? На охоту?

— Бес его знает! Не спрашивала. Оделся, и только видала его.

— Знать, петли ставить. — Юра выгреб из-под коровы и бычка, снёс навоз на кучу и выбежал на улицу. Ну, теперь его никто не проведёт. На снегу видно всё. Вот следы Николая — зашагал в лес, обут он в свои резиновые сапоги. Но не успел Юра выйти за село, как увидел брата.

— Куда, охотник? На, понеси ружьё, а то ты без него, как не пришей кобыле хвост. Поставил пятнадцать петель. Авось поймает штук пять куропаток?

— Поймаем, — согласился Юра. — А на охоту меня возьмёшь?

— Если заслужишь, отчего же не взять. В учёбе чтоб порядок, как в танковых войсках, двоек ни-ни — это раз; из-под коровы выгребать каждый день и без напоминаний — два; картошку из погреба доставать, хворосту нарубить — это мелочи. Забери всё это в голову и чтоб без напоминаний. Вот и весь чик-чирик.

— Гу. А Наденька чего будет делать?

— Она пионервожатая. А потом хворающая. А ты уже мужик. Я вот скоро уеду на строительство нефтепровода. Останешься старший, привыкай, Юрка, к ответственности.

— А стрелять научишь? Вон Санькин брат давал Фоме пальнуть.

— Давал или обещал? Только честно?

— Ну, обещал. Так обещал же?

— Обещанного три года ждут с гаком. Не знаю, что лучше, то ли три года ждать, то ли неделю. А пока каждый сверчок знай свой шесток.

Юра не стал больше спрашивать, дадут ли ему выстрелить из ружья, отнёс ружьё в дом и выбежал во двор лепить снежную бабу. Скатал бабу, а играть не с кем. Тогда стал ходить по двору и воображать себя на охоте. Вот он пробирается в лесу по глубокому снегу, а крупные звери так и стремятся напасть на него, а он не боится, у него ружьё.

Всю неделю Юра с нетерпением ожидал заветного дня. Он стал рассеянным, молчаливым, переживая предстоящие события. Санька кивал ребятам на Юру: Юра, мол, знает такое — в дрожь бросает! Он хотел придать Юриному молчанию нечто загадочное. Но Юра мечтал только об охоте. Когда он зажигался какой-нибудь мыслью, то просто не мог от неё освободиться, страдал ею, в его воображении вставляли картины предстоящей охоты, и он так волновался, точно находился на настоящей охоте.

В среду Юра сообщил ребятам: брат Николай берёт его на охоту! Ребята не удивились этому, так как многие из них тоже собирались на охоту. Санька выручил Юру, сказав, что они идут с Юрой на охоту вдвоём, и это будет не просто охота, а охота на крупного зверя, и они задумали убить нескольких метёрых волков и даже, пожалуй, одного медведя.

Но вот наконец долгожданное воскресенье. Не успел Николай ещё проснуться как следует, а Юра уже был на ногах, надел пимы, полушубок, шапку и вышел на улицу. Цыбулька, с вечера собиравшийся на охоту, даже не проснулся.

Морозно. Сумеречный свет красноватой луны рассеивался поверху, и над домами видны лишь прямые серые столбы дыма — вестник хорошей погоды. Снег скрипуче звенел под ногами, а тишина стояла такая, что жутко становилось.

Николай велел Юре съесть кусок сала с хлебом, выпить горячего чая и прихватить с собой старое ведро.

Юра молчал. Он был на всё согласен, лишь бы поскорее очутиться в лесу. И вот они пошли...

В лесу к ним присоединились ещё трое охотников. А с ними — Санька, Артур, Тимур Хайрулин из шестого класса.

Юра даже огорчился, увидев, что чуть ли не половина их класса собралась на охоту.

Когда забрезжил рассвет, вся группа, вытянувшись гуськом, направилась к Паламарчуковому лесу, самому большому и дальнему. Юра радовался: придётся идти далеко, долго. По дороге всё можно будет высмотреть, изучить, увидеть следы, по которым очень просто узнать: какой зверь и куда пошёл?

Старый охотник Шундик нёс охапку флажков: охота предстояла серьёзная. Юра шагал широко — след в след, как учил Николай.

На опушке Паламарчукова леса остановились. Семён Шундик с помощью Николая расставил флажки вдоль опушки, посовещался с другими охотниками, показал, носясь вдоль леса, где нужно устроить засаду, а ребят повёл за собою. С противоположной стороны леса расставил их так, чтобы они видели друг друга. Ребята, услышав свист — условный сигнал, — должны бить в вёдра, тазы, прихваченные с собою, кричать, свистеть, одним словом, производить побольше шума.

Ребята замерли на своих местах, и, хотя морозец проникал до костей, никто не жаловался — ждали захватывающей минуты.

Юра прислонился к толстой шероховатой берёзе, напрягшись и стараясь не пропустить сигнала. Тихо. Лишь изредка трещало от мороза дерево. Но ему чудилось: вокруг кто-то ходит, шепчется, совсем недалеко мелькнула чья-то тень. Может быть, это волк. Юра съёжился, ожидая чего-то страшного. Но всё яснее становилось вокруг. То, что недавно пугало, оказалось небольшой кучей хвороста, а вон дальше,

на небольшой полянке, что-то напоминавшее недавно бегущего волка превратилось в высокий пенёк.

Лес смывал сумрак ночи, светало. И в тот же момент раздался протяжный, могучий посвист. Разом сорвались с мест продрогшие ребята, ударили в тазы и вёдра, закричали, заулюлюкали, засвистели. Юра вложил в рот четыре пальца и засвистал с переливами.

И понеслось по лесу, перекатываясь, разудалое, настойчивое... Загикали ребята. И жутко им стало от своего отчаянного крика: «Ого-го-го-го-го-о! И-ги-ги-ги-ги-иии! О-ля-ля-ля! Чего-чего-чего! Но-оо-о-о! Фить-фить! О! О-о-о! Кра-кра-кра-кра! Держи-держи! У-у-у-у-у!»

Юра увидел лису. Припав мордочкой в снегу, она, оглядываясь и опустив хвост, торопливо терзала рябчика. Заметив Юру, лиса схватила рябчика и шмыгнула в кусты. Юра закричал и побежал за ней. Лиса выметнулась на полянку и исчезла, будто провалилась, а Юра, оглядывая поляну и не понимая, куда она делась, увидел сторожку лесника. Сложенная из толстых брёвен, приземистая, сторожка стояла на поляне, утопая по самое окно в снегу. Возле двери вытоптан снег, валялась охапка хвороста. Дверь заперта на вертушку. Юра повернул вертушку, дверь открылась с морозным скрипом. Внутри никого. По закопчённым стенам и потолку Юра определил, что сторожка отапливалась по-чёрному. У стены стояли длинные нары из неотёсанных досок, на них лежали две волчьи шкуры, какое-то тряпье. В углу на колоде приткнулась коптилка, возле неё коробок спичек, а рядом под доской спрятан большой острый топор. Возле двери стояло ведро со льдом и две кастрюли; в одной из них полно замёрзшего мяса.

«Значит, кто-то здесь жил», — мелькнуло у Юры и вдруг он отчётливо услышал скрип шагов по снегу. Шаги торопливо приближались. Юра со страху разинул рот и присел за колоду, посидел несколько секунд и бросился под нары.

В сторожку вошёл мужик, крикая и шумно дыша, походил подле нар, шаря по ним, откидывая волчьи шкуры. Вот

тяжело́ протопал к колоде, загремел спичками, прикурил. Юра мог биться об заклад, что это старик Шупарский. Но что старику здесь делать?

«Чёт-чёт-перечёт, пусть тебя пронесёт», — зашептал Юра, дрожа от страха. И надоумило же войти в эту проклятую сторожку? Никогда Юра не представлял себе так явно, что погибнет, как сейчас. Конечно, ему и в голову не приходило, что он умрёт, исчезнет вдруг со света белого.

Ну хотя бы кто из ребят подошёл к сторожке! Юра закрыл глаза, с ненавистью думая о старике Шупарском, который ходил, гремел кастрюлями, рвал зубами мёрзлое мясо. А ему, Юре, ничего не оставалось, как молча и покорно умереть. Но ведь это ужасно умереть в то время, когда недалеко ходит брат с ружьём, кричат, гонят зверя ребята. Юра перевернулся на живот, сдвинулся чуть в сторону и выглянул из-под нар, собираясь незаметно выскочить из сторожки. Как же он удивился, обшарив сторожку глазами и никого не обнаружив в ней! Неужели он так себя напугал, что теперь везде ему чудится старик?

Юра вылез из-под нар, хлопнул дверью и побежал, то и дело оглядываясь, и ему всё казалось, что вот-вот кто-то его схватит за шиворот и скажет: «Что ты тут шукаешь, хлопче?» Нет, недаром в сторожке он заметил вещи, явно показывающие, что в ней кто-то жил. Неужто чужак?! Юра даже подпрыгнул от своей догадки, его потом прошибло, и он остановился, сделал несколько пометин на деревьях, намечая путь к сторожке, а в голове у него уже зарождался дерзкий ночной поход к обледенелой сторожке, поимки бандита, и он отчётливо представил себе отчаянную, неожиданно смелую вылазку в ночной лес. Весь поглощённый мыслями о предстоящих делах, Юра очень удивился, возвращаясь к настоящей жизни, удивился, что находится в лесу, слышит, как ребята гонят зверя.

И вдруг... увидел лису. Только увидел её, как тут же забыл о сторожке, ударил в пустое ведро, засвистел и погнал. Лиса выбежала на поляну, кинулась к спасительным кустам.

И в тот же миг из-за тальника выстрелили. Дробь чиркнула по снегу, оставив неровные бороздки. Хлопнул ещё выстрел — дробь ударила по лисьему хвосту. Лиса скрылась в кустах.

— Ах ты, вот не повезло! — Из-за тальника появился Николай: — Чего прёшь под выстрел? Ведь помешал!

— А я не знал, я думал...

— Индюк думал... Ищи теперь подранок! — Николай зарядил ружьё, устремляясь по следу.

В березняке, куда привёл след, прямо из-под ног взметнулась стайка куропаток. Николай вскинул ружьё и с небольшим интервалом пальнул из обоих стволов. Одна куропатка перекувырнулась в воздухе и упала сразу, а другая летела долго, медленно снижаясь, и упала на краю березняка. Брат хорошо стрелял влёт.

Юра подобрал куропаток, а сам думал: сказать брату или нет о сторожке?

Лес кончился. На опушке кучкой стояли охотники и делились новостями.

Шундик убил лису. Юра с завистью посмотрел на богатый трофей, втайне считая, что это именно та лиса, которую ранил Николай. Возможно, она отбежала и умерла, а Шундик подобрал её мёртвой? Мало ли что случается на охоте. Кроме Николая и Шундика, никто ничего не подстрелил.

Шундик предложил идти в Белоусовский лес.

Для Юры интерес к охоте по крайней мере наполовину был утерян. Не давала покоя мысль о сторожке, о том, что в ней, видимо, жил тот чужак, которого он выследил в лесу за котлованом ещё летом, а он, Юра, ничего сейчас не сможет предпринять, чтобы сразу всё выяснить. В том, что чужак жил именно в этой сторожке, Юра уже не сомневался. Он сумел себя убедить в этом. К Юре обращались ребята, но он их не слушал. Он думал. Санька тут же решил, что Юре в голову пришла ещё одна замечательная мысль, и на всякий случай предложил понести Юрино ведро. Куро-

патов понести он не просил, понимая: такие трофеи несут сами.

После обеда Шундик подстрелил ещё одну лису. Везло ему на лис. Из леса погнали было волка, но хитрый волк ушёл стороной, найдя проход во флажковой обороне. К вечеру охотники изрядно устали. Юра нёс двух куропаток и зайца.

Возле кладбища ребятам разрешили выстрелить из ружья.

— Дура, щекою чуть прижми,— сказал Николай Юре.— Не дыши, когда жмёшь на спуск, не дыши!

Юра выстрелил. Николай определил, что в ведро, в которое целил Юра, он не попал. Юра попросил ещё пальнуть, но было обещано в следующий раз.

Когда стали расходиться по домам, Юра подозвал Саньку и Артура и, оглянувшись, зашептал:

— Дело есть. Такое увидал! Выследил одного человека в лесу. Сторожку нашёл. Там спички, топор, коптилка! Можно жить месяц! Мяса — две кастрюли!

— Тихо,— приложил к губам палец Артур.— За нами следят.

— Не знаю точно: он ли — тот бандит? А кому быть? Некому. Согласны со мной? А в поход согласны пойти со мною и обезвредить бандита?

— Куда? Куда? Да мать меня убьёт,— сказал жалобно Санька.— Я волка видел! Вблизи! В двух метрах! Во! Клянусь! Рядом!

— Юрик! — позвала мать.— Юрик, где ты запропастился?

— Мы ружьё возьмём и нашего Шарика, чтоб по следу шёл и вынюхивал след. Костёр такой там распалим, чтоб его напугать. Возьмём его тёпленьким, отберём пистолет. Я вам говорю! А свои следы будем солью или табаком засыпать, и нас никто не сможет найти.

— Зачем? — удивился Артур.— Кто кого будет выслеживать?

— Нешто не понимаешь? Чтоб нас не выследили.

— Так мы будем выслеживать или не мы?

— Мы. Но бандит нас тоже может выслеживать. Пом-

нишь кино. Они их, а они их. Помнишь? Мало ты, Артурик, кино смотришь и книг читаешь. Там такое есть, ахнешь! Никогда сам такое не придумает. В девять часов, когда все начнут укладываться спать, я вам крикну по-совиному. Согласны? Высший класс! Мы его обвяжем верёвками, с ружьями наперевес приведём в село, отберём у него пистолет ТТ, будем идти с факелами. Это будет такое, настоящее! Согласны? Клянитесь тогда.

— Юрик! Тебе мало времени было на охоте? Мать пусть надрыгается криком! А ну домой! Пойдёшь в сельпо за мылом. Ведь закроют скоро.

Ребята понимающе пожали руки в знак согласия и разошлись.

Глава шестнадцатая

ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ В ЖИЗНИ ПЛЕМЯННИКА ШУПАРСКОГО

— Юрка, почистишь ружьё, шомпол нашаришь на полке,— сказал Николай, готовясь в клуб на танцы.

Надя, уже одетая в сапожки и пальто, вертелась перед зеркалом — тоже на танцы.

— Ты чего, Юрик, молчишь? — спросила осторожно мать, стремясь выведать, уж не задумал ли что её сын.

— Ничего. Дали б мне ружьё, я лису точно убил,— сказал Юра, догадываясь, к чему клонит мать.

— Санька, наверное, хвастал, что волка убили и забыли взять, а он ночью пойдёт и принесёт его? — выпытывала мать. — Он тоже собирался в сельпо?

— Откуда я знаю? Не докладывают мне, мам.

— А чего он суетился так, будто забрал чего в голову?

— Ничего не суетился. Он хочет поскорее добраться до печки и поспать. Устал же.

Юра поел и вышел на улицу. Темнело. Желтели окна

в домах. На окраине села, у Шундика, отчаянно заливалась собака. Мглистое небо быстро затягивалось облаками. По укатанной дороге потянулась волнистая, неуверенная позёмка, а в воздухе носилась колючая пыльца.

Юра, оглядываясь и представляя себя в лесу, зашагал в сельпо. Возле сельпо стояла с невыключенным мотором машина. У привязи, укрытая тулупом, хрумкала овёс впряжённая в сани лошадь. Морда и хвост у неё обросли инеем. Юру сразу осенило. Нужно ехать в лес на лошади. Он свяжет того мужика и, перекинув через седло, привезёт в село, и все будут удивляться этому, а он, этак небрежно поддерживая раненную разбойником руку, спрыгнет с лошади и скажет: «Ну, предположим, бывали раньше перестрелки почище этой».

Юра приоткрыл в сельпо дверь. Возле прилавка толклись пятеро мужиков и две старушки.

— Мне, милая, белоголовочку,— говорила одна из старушек.— А можно, Феня, две. К паре. Оно так лучше. Всё одно наведываться завтра. Так лучше седня, милушка.

Продавщица Феня Канышкина, одетая в белый мужнин полушубок, потому что в сельпо было не теплее, чем на улице, сноровисто выхватила из-под прилавка две бутылки водки и поставила перед старушкой.

Юра подождал, пока старушка вышла, и незаметно юркнул вслед за ней. Ведь покупала водку жена Шупарского, а она купила целых две бутылки. Неспроста же. Никто в селе не покупал сразу две бутылки, если не готовился к свадьбе. Это Юра хорошо знал. Его даже в дрожь бросило от правдоподобности своей догадки. Но ему сейчас не хотелось, чтобы тот чужак пришёл в село, ведь его с Санькой в лесу ждали подвиги: костры, настоящая облава на бандита, выстрелы, раны, въезд с факелами в село на красавце Шторме. Он присел за санями, не выпуская из виду старушку.

— Эй, чего там потерял? — крикнул чей-то голос с машины, и Юра вынужден был выйти из укрытия. Как сразу заскрипел под ногами снег! Скрип выдавал его. Но можно

идти по улице, не прячась, потому что никто не знает, о чём он, Юра, догадался и какие цели преследует, ходили же разведчики мимо настоящей, смертельной опасности как ни в чём не бывало.

Никто не видел, как Юра прокрался задами огоронов, утопая по пояс в снегу к дому Шупарского. Какое счастье, что Шупарский не любил собак: Юра мог свободно ходить вокруг дома. Будь собака, она давно уже захлебнулась бы лаем и ему пришлось бы недели за две до этого прикармливать собаку, чтобы она к нему привыкла, о таком читал он в книгах.

Юра затаился у дома и ждал, а когда ничего подозрительного, указывающего на то, что за ним следят, не обнаружил, просунулсч к одному из светящихся окон и прилёг на соломе, поясом утепляющей дом. Юра так вдавился в солому, что пройди кто рядом, не заметит. Что делать? Окно занавешено, и ничего в доме невозможно увидеть. Конечно, сразу же ему пришла спасительная мысль постучать в окно, как он не раз делал с Санькой, а когда приоткроется занавеска, зарычать или залаять по-собачьи и броситься со всех ног убежать. Но сейчас подобное не подходило.

В маленькую щёлочку виделся только потолок — и всё. Юра так и эдак пытался заглянуть под занавеску, но ничего, кроме потолка, не мог увидеть. Он совсем уж было отчаялся, как неожиданно счастье улыбнулось ему: приоткрылась чёрная занавеска и на подоконник поставили те две бутылки водки, которые жена Шупарского принесла из магазина. Старушка выручила. Вот теперь образовалась щёлка, в которую просматривалось всё внутри дома.

За столом в белом полушубке и чёрных высоких чёсанках сидел старик Шупарский, угрюмо глядел в угол, где висела икона, и что-то говорил. Юра прислушался. Не слышно. Только какие-то бубнящие звуки долетали до него. Ничего подозрительного в прихожей, куда выходило окно, не замечалось. Старик замолчал, приподнялся, крикнув, подошёл к окну и, вдруг резко повернувшись, как будто решившись

на что-то отчаянно-смелое, заковылял в горницу, припадая на левую ногу. Юра так и прильнул к окну. Что же Шупарский делал в горнице? Что? Юра обежал дом и припал к окну в горнице, но разве увидишь чего-нибудь в чёрном занавешенном окне, к тому же в горнице свет не горел. Пришлось возвращаться к щёлке.

Старуха поставила на стол миску с огурцами, положив рядом с ней две большие очищенные луковицы, хлеб, поставила большую банку с солью.

Юру стал понимать мороз. Не слушались руки, а рукавицы не взял, предусмотрительно положил их сушить, чтобы в лес на облаву идти с сухими рукавицами. Не думал он, что придётся лежать под окном и мёрзнуть. Терпи теперь, казак, атаманом будешь. А мороз полз за шиворот, вот уже плечам холодно, да и пальцы на ногах пощипывало. Юра захватил руками снега и стал тереть ладошки.

Ну, скорее бы, что ли, всё узнать! Скорей! А то не побороть ему мороза, сидя в неподвижности на ледяной соломе. Лёгкий, но острый ветерок дул в лицо. А такой ветерок хуже сильного. Юра не отрывался от окна, стал елозить на соломе, стараясь двигать руками, ногами.

Из горницы минут через десять появился старик, отщипнул от буханки на столе кусочек хлеба, зажевал и направился в коридор. Прежде чем Юра сообразил, что нужно бежать, раздался скрип шагов.

Старик, кашляя, отдуваясь и сопя носом, медленно протащился мимо. Юра приготовился бежать (ведь старику его не догнать), но что-то удерживало. Протяни руку — и вот он, Юра, лежит, замерев и не дыша, сжавшись в комочек, у самого окна. Только сердце у него глухо и торопливо стучало в груди. Умереть ему, чтобы он ещё раз пришёл сюда, под это проклятое окно. Пронеси, пронеси старика! «Чёт-чёт-перечёт...» Старик остановился в шаге от него, побряхтывая и шумно дыша, огляделся, прислушиваясь, и повернул обратно.

Юра радостно вздохнул. Пронесло. Нужно бежать, а

то ненароком поймают его здесь и тогда пиши пропало! Но старушка поставила на стол три миски?! Юра был озадачен и не мог понять, почему он ждёт каких-то невероятных событий. Какие уж тут события? Вон вернулся в дом старик, снял полушубок и заковылял в горницу. Остановился в дверях и коротко сказал:

— Айда.

Юра прямо не мог поверить своим глазам и быстро-быстро заморгал, стряхивая иней с ресниц, мешавший смотреть,— в дверях появился маленький чернолицый мужик без уха, с сильными хваткими руками.

— Чужак! — воскликнул Юра и прикусил язык. У него заслезились глаза от радости, и он их постоянно вытирал, чтобы хорошо видеть. Нет, разбойничек, теперь не уйдёшь! Вот где ты прячешься, чужак! Сомнений не было. Да провалиться ему на месте, если это не чужак. А Юра собирался уходить. Вот что значит действовать без тонкого расчёта, так бы никто и не узнал о пропавшем Шторме, о той великой тайне, которую скрывает старик Шупарский. Теперь не будут болтать, будто Юра оговорил Шупарского. Всё прояснится. Да отмёрзни у него сейчас руки и ноги, ооченей он совсем, всё равно он всё выследит и высмотрит.

На чужаке была большая, не по его росту, серая шерстяная кофта, горло обмотано шалью, на голове коом лежали длинные, давно нечёсанные волосы, вообще, мужик по прошествии времени сильно оброс. Но конечно, это тот самый чужак, который свернул шею гусю на котловане и потом исчез вместе со Штормом. Это он так осторожно пробирался тогда по тропинке и махал мёртвым гусем. Трижды тот самый человек.

Чужак о чём-то спросил Шупарского, сел на табурет, потирая забинтованную руку; быстрыми своими и острыми глазами окинул поданное на стол, и ноздри его жадно раздулись от запахов. Юра замер, стараясь услышать, что ему ответит старик.

Чужак снова глянул на старика, что-то ему проговорил

сердито, и в ответ старик вскочил и, выбрасывая руки вперёд, отвечал так же сердито. Юра прильнул к окну, но ничего услышать не мог, лишь доносились обрывки слов. Ему так хотелось услышать разговор, что казалось, будто он слышит:

«Я спрятал коня в пещере, и его никто не найдёт, но нужно переждать время, потому что за мною следят, могут вызнать, где находится этот прекрасный конь».

Тут же Юра подумал, что никакой пещеры у них нет, так что разговора о пещере не могло быть. Но ему так хотелось услышать что-то подобное, что он убедил себя, что именно такие слова он слышал.

Чужак похлебал щей, оглянулся на старуху, и его взгляд скользнул по окну. Юра пригнулся.

Шупарский приподнялся из-за стола и повёл головой, показывая племяннику на дверь. Они, одевшись, вышли в сени и там закурили.

— Прокантуюсь две-три недельки в лесу и завалюсь к ним, скажу: денежки за такого жеребца племенного на стол да побыстрее,— услышал Юра голос племянника Шупарского.— А ты, а ты никому! Понял? Чтоб не проболтался, а то — я скор на расправу и твёрд на руку! Понял меня? Молчи, как в рот воды набрал. Ты меня понял или не понял? Даже старухе — ни-ни! Как только мне за жеребца дадут полный куш, ищи меня! Ищи ветра в поле! Понял? Справочку ты подделал прехорошо, что, мол, так и так, податель сего продаёт коня. Это ты придумал прехорошо, потому что всё записано, всё прописано, никто не подкопается, а пока... Спать надо пока.

— А если всё ж накроют? — осторожно поинтересовался старик, цвиркнул слюной и закурил.— Гляди! Отговорочку найди.

— А пушка на чего нам дана? — отвечал, посмеиваясь, чужак и хлопнул шумно по карману.— Чай, не воробьёв стрелять. Тут я спокойный. Тут нормальный уровень. А вот чтоб чего другое не ввело в подозрение... Вдруг догадаются позвонить или телеграмму послать: кто, мол, и кто от имени

колхоза продаёт жеребца? Вот где может в тонком месте порваться, а в остальном я спокоен. Буду стоять на стрёме, глядеть в оба, милиция потому что не дремлет. Наверняка ищут. Пасся мой жеребчик все те месяцы спокойненько у моего одного дружка в табуне, разжирел, раздался в боках, залоснился. Такой... смотреть на него — красиво!

— А тот твой приятель ничего? Не продаст?

— Нет. Свой человек. В доску.

— Гляди,— неопределённо проговорил старик, позёвывая.

Хлопнула дверь, и они вошли в дом.

Чужак заходил по комнате, поглядывая быстро-быстро то туда, то сюда, словно что-то искал он, словно потерял что. Потом он остановился и начал о чём-то говорить старику, жестикулируя руками. Слова доносились отрывочными звуками, которые разобрать было невозможно, но Юра понял, что чужак говорил о том, что у него раньше была какая-то хорошая и прекрасная жизнь, а теперь плохая и никуда негодная. Вот он перестал говорить, быстро подошёл к окну и из-за занавески глянул во двор, как будто ночью можно было что-то увидеть во дворе.

Юра задрожал от страха и поклялся тут же убежать. Но любопытство держало его под окном.

Вот мужик налил себе водки, выпил её залпом и долго сидел, глядя на стол, потом, пошатываясь и плохо соображая, с трудом облачился в полушубок старика, натянул шапку и направился к выходу.

Юра вскочил и побежал.

Председатель сидел за столом и считал на счётах. Семья его уже спала. На стук в окно председатель вышел в сени, накинув на плечи пиджак, открыл дверь.

— Что случилось? Юра Бородин? Ты?

— Дядя председатель, там! — запыхавшись, проговорил Юра. — Я видел своими глазами! Чтоб мне провалиться на этом месте! — от волнения Юра даже забыл, как звать председателя, ему не терпелось немедленно, сейчас же спешить

к Шупарскому, и он бессвязно, то и дело сбиваясь, рассказал всё, что видел и слышал.

— Скачи к участковому Загорулько, кажись, никуда не убрался. Пусть торопится ко мне, а я сам позвоню в районную милицию, там ищут его давно. Заявился, значит, бандюга. А районная милиция с ног сбилась — пропал куда-то, исчез, а он — здесь.

Через десять минут Юра с участковым милиционером вернулся к председателю. Председатель послал участкового за Николаем, Шундиком и председателем сельсовета, а Юре велел отогреться, выпить чаю. Юра дрожал от холода и нетерпения.

Вскоре пришли Николай и Шундик с ружьями. Вслед за ними прибежала Юрина мать, накричала на Юру и пыталась заставить его пойти домой, но он вырвался из цепких материнских рук и спрятался в сене у председателя во дворе. Выследить, узнать всё, а теперь, когда наступает самое ответственное, захватывающее, он пойдёт домой? Нет уж. Не на того напали! Когда мужики направились к дому Шупарского, Юра незаметно присоединился к ним.

Мужики шли молча, не курили. По одному прокрались во двор. Николай и Шундик притаились у дома со стороны огорода, а председатель и Загорулько подошли к двери. Председатель толкнул дверь. Заперта. Тогда он постучал.

Юра прильнул к окну. За столом сидел старик и спал. Старуха у печи мыла посуду. Как только постучали, свет в доме погас. Может быть, чужак перехитрил и спрятался где-нибудь во дворе? Стало жутковато: вдруг выстрелят по нему, Юре, сзади?

— Юрик! — услышал он голос матери. — Юрик!

Милиционер постучал в дверь так громко, что Юра вздрогнул. Стучал он носком валенка. Никто не отвечал. В доме, судя по всему, не ожидали прихода. Юра почувствовал, как кто-то лизнул его тёплым в руку: Шарик! Зачем

прибежал? Только Шарика не хватало сейчас, когда решается, быть может, судьба человека.

В сенях раздался голос старушки:

— Кто там? Чего надо? По ночам людей будяте!

— Отвори! — громко сказал участковый. — Нечего скрываться! Без сопротивления, дом оцеплен! Открывай! Это смягчит наказание!

«Ну вот, началось», — подумал Юра.

Старушка смолкла, а через несколько минут страшной, томительной тишины задвигали, зашумели в коридоре, закашляли, к двери подошёл старик и хрипло спросил:

— Кто такие? Чего тут надо?

— Я, — ответил председатель. — Открывай. Дело есть.

Дверь отворилась, и участковый, отпрянув в сторону, скомандовал:

— Руки вверх! Руки! Где племянник? Пусть выходит. Эй, там, выходить! Руки вверх! Чистосердечное раскаяние...

В это время позади дома закричали. Юру словно кто дёрнул, и он кинулся туда. По огороду бежали трое.

— Держи его! — это отчаянный голос Николая.

Племянник Шупарского вышиб окно и через огород побежал к лесу. Бежал он быстро, хотя бежать по глубокому снегу было трудно. За ним что есть мочи торопился Николай, и, чуть поотстав, задыхался в торопком беге старик Шундик; позади всех, утопая, захлёбываясь снегом, азартно, словно на охоте, лаял Шарик.

— Дер-жи-и! — кричали в темноте, в жуткой, жаркой, как казалось Юре, темноте. — Дер-жи-и! Стой! Стой!

Убегавший мужик вдруг остановился, и Юра увидел красно-рыжую вспышку выстрела, покрасневший, опалённый темнотой ночи снег. А потом долетел до него отрывистый хлопок — это выстрелил племянник Шупарского.

Юре стало страшно, и он упал, забарахтался в снегу. Стреляли в Николая. В какую-то секунду в мутном красноватом свете вспышки выстрела он увидел бегущего брата и длинную, заплясавшую на снегу его тень, увидел чужака,

показавшегося сейчас таким огромным, что Юру взяла оторопь: а тот ли это мужик?

Юра встал на ноги, но не смог сделать и шагу. Он подумал: «Сейчас мужик уйдёт, и никто не сможет его остановить». Юра растерянно оглянулся.

Раздался снова выстрел, раскатистый ружейный выстрел. Стрелял Николай. Он был лучший в селе охотник, хотя и промазал сегодня в лисицу. Ещё выстрел! И всё смешалось. Юра побежал прямо на выстрел. Кто-то обогнал его, хрипя и сплёвывая. Захлёбывался в лае Шарик. Лаяли все собаки Фросино. Николая Юра потерял из виду, но всё бежал, влекомый тревожной суматохой. Когда подбежал, задыхаясь, к плетню, то увидел барахтающихся в снегу людей.

На чужаке лежал Николай и, не давая тому встать, выкручивал ему за спину руки, а вокруг них бегал, суетился Шундик и никак не мог помочь Николаю, потому что мужик и Николай барахтались в снегу, поворачиваясь к нему то одной стороной, то другой. Мужик упирался рукой Николаю в лицо и визжал, и плакал от злости, и никак не мог словчиться выстрелить Николаю в лицо из пистолета, и никак не мог освободиться от ненавистного, насевшего на него Николая. Но вот подбежал участковый, вмиг бандиту скрутили руки.

Племянника привели в дом к Шупарскому, потом вернулись искать с факелами оброненный в снегу пистолет, а когда нашли, снова вернулись в дом. Племянник страшно ругался на старика и всё пытался вырваться:

— Не дамся! Я сказал: не дамся! Такой момент! Такой момент! Выдал меня! Выдал!

Старик сел на табуретку и вдруг заплакал.

А племянник его всё вырывался, отбиваясь от милиционера ногами, головой, чем мог, и истошно, страшно кричал.

Возле дома уже толпились люди. Юра подошёл к Николаю и почувствовал: его схватили сзади за воротник. От неожиданности Юра испугался, у него даже мурашки побежали по спине. Но схватила его за воротник мать.

ПОХОД С ФАКЕЛАМИ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

На следующий день весть о поимке племянника Шупарского вмиг облетела село Фросино. Какие уж тут уроки, когда мальчишки и девчонки буквально осаждали Юру, даже ученики старших классов заглядывали с любопытством в Юрин класс. Шум и гам стоял в школе невообразимый, разговорам и пересудам не было конца.

Юра ходил торжественный и, как полагается в таких случаях, был немногословен, не проявлял острого интереса к малозначительным подробностям случившегося, он их просто не замечал, а весь класс, глядя на него, думал, что Юра просто задаётся. На самом же деле Юра готовился к походу с факелами в лес к сторожке. Ему казалось, что самое захватывающее ещё не совершилось, оно — впереди.

А вот кто задавался, так это Санька. Он тёрся возле Юры, подчёркивая этим свою причастность к последним событиям. Между прочим, он рассказывал такие вещи, ученики прямо диву давались: в самом начале рассказа у Саньки, конечно же, героем события объявлялся Юра, а впоследствии выяснялось, что основные события всё-таки разворачивались вокруг Саньки, и уж главная роль в поимке бандита принадлежала ему.

— Он побежал, как побежал! Страшный, здоровый! Не вру, ростом с тополь! Откуда у нас такие люди уродились, не знаю. Борода за ним. Догнал у плетня. Борода ещё быстрее бежал! Клянусь, на соревнованиях в Москве Борода займёт самое первое место! Как метеор! Как спутник! Быстрее даже! Догнал у плетня, а он рычит, паразит, зубы свои огромные скалит и поворачивает к нему пистолет и целит (клянусь!) прямо в лицо. Юра, само собой, не испугался и не дал дёру назад. Не на такого напал! Не такие у меня друзья! Я никогда назад не бегаю и Борода тоже. Выстрелил! Пуля прошла прямо возле моего виска, вот здесь. Прямо как

засвистит, ну в трёх миллиметрах от виска, даже меньше. Вспышка такая! Отчего у него так пистолет стреляет? Не знаю. Во! Я не хотел говорить: у него пистолет лазерный! Понял?

— Дурень, да ты б сгорел от лазера в огне! Кино ты не видал для такого случая, что ли? — не вытерпел Мишка Марчуков.

— Кто? Я? Сгорел? Да ни сроду! Я не горючий! Законно!

— Меня аж подбросило, а свет кругом стоял красный, и тени вокруг стояли красные и страшные, а я не боялся их, я боялся, что в моего брата попал бандит из пистолета, — перебил Саньку Юра.

— Во! — крикнул Санька. — Семь человек убило! Хочешь верь, а не хочешь — проверь!

— Где они, убитые? — не соглашался Марчуков.

— У них спроси, а я за ними не следчик. Хочешь — проверь! — не сдавался Санька.

— Теперь проверишь, — разочарованно проговорил Марчуков.

— Фома, а что-то я тебя на огороде не видал? — сказал Юра, понимая, что Санька уж очень заврался.

— Кого? Меня? Меня не было? Когда? Да ты ночью видишь как кошка, Юра, а меня не заметил?! Вот сказал. Да я сзади был и чуточку впереди — вот почему ты мог меня не видеть.

— А вот мой брат Николай кинул его! Он выше дома мог лететь, да брат его не пустил, чтоб не сбежал. Одним мизинцем и бряк об снег! У того дух вон! Вот какой у меня брат. У меня брат такой, хоть тысяча на него бандитов напади, а он об них руки марать не будет, он их одним мизинцем — р-раз!

— Законно, — подтвердил Санька и громко чихнул. — А Борода, а мы связали руки ремнём, а только фигочки — от нас не убежишь.

— Врёшь ведь, — сказал Марчуков.

— Кто? Я? Когда? Сам врёшь! Да ты что? По себе

судишь? Я вон оглох даже на одно ухо. Сколько хочешь кричи сейчас мне на левое ухо, а я всё равно не услышу! Такое от выстрела. Спроси у Бороды. А как смогли бы по-другому поймать его? — выкручивался Санька, а Мишка Марчуков не знал, что на это ответить. — А может их было... не один он! Их было много, понял!

Все зашумели, не давая слова сказать друг другу. Артур Молендор тут же доказал, что украсть одному такого жеребца, как Шторм, невозможно, а потому здесь орудовала шайка из ста человек, и не меньше, а раз поймали только одного бандита, то другие спрятались, и теперь будут мстить Юре, и в таком случае Юре лучше всего переменить место жительства, уехать в другое село, скажем, к родственникам или знакомым, или в город, прожить там лет двадцать пять, пока всё забудется, а Юра вырастет настолько, что его не узнать. Мишка Медведев заявил, что это всё чепуха, которая не стоит выеденного яйца, и тут же предложил Юре сыграть в шахматы.

Юре невозможно было ответить на все предложения, расспросы, советы. К тому же Юра не знал, как себя вести. Зазнаваться? Но сколько ни зазнавайся, ничто от этого не изменится, зазнаются тогда, когда делают что-то незначительное, а тут такое дело, что, наоборот, нужно быть серьёзным. Вот ведь Соня ни о чём не спрашивает, а Юра косился на неё, когда говорил, как бежал, как его брат бросил чуть не до облаков бандита. Юра для неё так громко говорил, а она даже не подошла.

Когда ребята расселись за свои парты, Юра предложил Саньке сходить в сторожку, где, как он думал, они найдут спрятанные бандитами деньги, драгоценности — алмазы, бриллианты, золото.

— Ну? — удивился Санька. — Здрово. Борода, вот мы заживём! Жрать ничего не будем, одни конфеты. Да? Накупим конфет три мешка! Да? Поставим вон на парту, и пусть кто возьмёт хоть одну. Да? Пусть!

— Жадюля ты, Фома. Поставим на парту, и, мол, ку-

шайте все, пользуйтесь нашей добротой, а мы не хотим. Вот как надо. Пусть кушают, мы же великодушные люди. Все сильные люди — великодушные, добрые, умные и совсем не жадные. Ты мало читаешь книжек, а это очень плохо, Фома. Честное слово!

— Я? Ни за что! Не жадный! Когда много, разве жалко? Ты что, Борода, меня не знаешь?

— А если денег много, золота, алмазов, тогда чего?

— Тогда? Да я знаю чего,— зашептал Санька и оглянулся.— Мы, как хватит, конфеты шоколадные покупать не будем, а купим танк! Тогда поедем по прямой, по лесам, по чём хочешь. Вот будет здорово! Никого катать не будем. Марчуков от зависти лопнет. Мы не какие-нибудь не пришей-пристегни, а мы — знай наших! И ещё, если хоть один рублик останется, я матери платье куплю. Ладно, Юра? Но это после танка. Да, Юра?

— А танки продают?

— А то как же? Я вон читал, так один во время войны на свои деньги самолёт построил.

— Да,— согласился Юра.— Хорошо будет. Сена навозим корове, на котлован будем ездить купаться, за водой на колодец. А давай мы его подарим Вьетнаму...

Тут в класс вошёл Захар Никифорович, улыбнулся и поглядел на Юру:

— А ну-ка, Юра, расскажи! Ты почему такой красный? От славы? Слава, брат, тяжёлая ноша. Тяжела шапка Мономаха.

Юра рассказал, как мог. Но во время рассказа вдруг почувствовал себя плохо, потерял интерес ко всему и к тому, что было только что интересно. Ему стало жарко, тоскливо и безразлично. Он подумал, что лучше бы сегодня не приходил в школу. Он перестал даже слышать, о чём его спрашивают. Все ребята снова заговорили о нём. Юру будто ничто не касалось. Он словно находился под стеклянным колпаком и ничего не слышал и не понимал. А когда Захар Никифорович за рассказ поставил в журнал пятёрку, Юра,

вопреки обычному, не удивился и никак не выразил радости. Но это была не обычная рассеянность. Юра хотел обрадоваться пятёрке, которую получил, как он считал, только за то, что рассказал свои приключения, когда пережил столько удивительного, но, обрадовавшись, Юра почувствовал, что ему не весело. В нём произошёл какой-то надлом. Ему стало тяжело, будто во время чехарды на нём повисло несколько ребят.

— Ты, Юра, недоволен? — спросил учитель. — Тебя хотел видеть директор. Я тебя понимаю. Тебе сейчас не до всего. Иди, Юра.

Юра пошёл к директору безо всякой радости, хотя учитель ясно подчёркивал, что не вызывает, а «хотел видеть», а этому уже стоило радоваться, потому что такое случается не так часто в жизни ученика, и за такими словами всегда следует объявление благодарности.

— Здравствуй, Бородин Юра, здравствуй! — радостно сказал директор. — Я вот пишу как раз приказ о награждении тебя за смелый и патриотический поступок похвальной грамотой. Летом, если свои дела подкрепишь успехами в учёбе, поедешь в пионерлагерь «Артек» за счёт колхоза. И я очень рад, что у нас учатся такие ученики. Вот так. А теперь расскажи...

— Я пить хочу! — неожиданно попросил Юра.

— Что с тобой, мой мальчик? На тебе лица нет. Ты прямо весь горишь. У тебя жар! — директор приложил тыльной стороной руку к Юриному лбу. — Немедленно домой. У тебя жар. Ты простудился. Немедленно домой. И не вздумай напиться холодной воды.

Юре хотелось пить и спать, и больше ничего. Утолить бы жажду кружкой воды да лечь поскорее поспать, чтобы прошла эта тяжесть, навалившаяся на него. Он еле доплёлся домой, выпил сразу из бачка кружку ледяной воды, но ему не стало легче. Юра лёг на печь и не смог подняться, когда бабушка, наготовив пельменей, попыталась разбудить его. Это было плохим признаком, если кто-нибудь в семье от-

казывался от пельменей. Только больной мог поступить так необдуманно. И бабушку такое обстоятельство сильно обеспокоило.

Вскоре из школы прибежал Цыбулька и быстренько уплёл целую миску пельменей. Он важничал, рассказывал бабушке небылицы, хвастался, что получил по чистописанию пять. Он всё ещё упивался вниманием, которым окружили его ребята первого класса, прослышав о подвигах старшего брата. Навевшись, Цыбулька стал увиваться вокруг Юры, рассказывать новости, хвалиться, но Юра не слушал его.

Вечером пришёл фельдшер и поставил диагноз: воспаление лёгких. А к утру у Юры температура поднялась до сорока градусов, и он стал бредить:

— Вот он! Держи его! — и всё в таком роде.

В бреду он видел всё время себя в колодце: забрался непонятно зачем туда, а старый плетёный сруб рушится под ногами, и он вот-вот упадёт на дно и утонет в холодной воде, и Юра машет руками, хватается за осыпавшуюся землю, но трещит, ломается гнилая лоза, из которой сплетён сруб, и вот он падает, падает и никак не может упасть, летит и никак не может долететь до воды. Страшно ему, и от волнения и напряжения Юра потеет, задыхается от жары, ему нечем дышать...

Фельдшер, старый вдовец, настаивал отвезти Юру в районную больницу, а потом, смерив ещё раз температуру, напившись горячего чая с шиповником, сказал, горестно вздохнув при этом, что везти в такой мороз мальчика, у которого критическая температура, за тридцать километров — это всё равно, что везти его на погост.

Никто не ожидал, что дела Юрины так плохи. Теперь даже Цыбулька стал говорить тише, а Николай внимательнее относиться к Юре, Надя о Юре говорила только приятное, вся семья, словно предчувствуя беду, старалась как бы сплотиться ещё сильнее, поддержать в тяжёлую минуту друг друга.

Одну мать ни на минуту не покидала надежда. Она поила

Юру отваром из сухой малины, которую принёс сам председатель, накладывала каждые два часа ему на грудь и ноги водочные компрессы, сидела возле него днём и ночью, не доверяя никому даже в мелочах. Юрино здоровье ухудшалось, но мать не отступала.

Семён Шундик принёс барсучьего сала, которое, говорили, очень помогает от таких болезней, и мать силой разжирила Юре рот, чтобы влить ложку топлёного сала.

Через неделю из района приехал врач, он оставил лекарства, после которых у Юры стала падать температура. Приходил конюх дядя Митя. Он рассказал о поездке в дальний аул за Штормом, куда продал его племянник Шупарского. Дядя Митя считал, что из Юры обязательно выйдет следователь или прокурор, который прославит Фросино. Приходил Захар Никифорович и столько наговорил о Юре, который ему, учителю, спас жизнь, и он перед ним всё время в долгу, что мать заплакала и долго не могла успокоиться. Вечером за ужином она сказала, что не понимала Юру, а он был умнее её, матери, и что всегда она его так любила и только не говорила ему об этом, чтобы не испортить, а Юра, слушая такие прекрасные слова о себе, считал, что болезнь принесла ему немалые преимущества. Если мать так заговорила, значит, дела Юрины действительно были плохи. Даже Цыбулька, никогда всерьёз не принимавший Юрину болезнь, почувствовал угрызения совести и сказал матери:

— А я чего? Не любил Юрика?

Санька? Санька заходил каждый день, каждый раз надеясь увидеть Юру здоровым. Шесть раз в неделю, на первом уроке, он писал Юре письмо, в котором неизменно напоминал о предстоящем походе в лес за драгоценностями. Но поход откладывался.

Как-то после обеда в их доме появилась Соня. Она сняла свою заячью шапочку, огляделась, молча села на стул и стала рыться в ранце, вытащила оттуда совсем новенький альбом и спросила:

— Хочешь, я тебе его подарю?

— Зачем? — удивился Юра. Приход Сони был так неожидан и так его поразил, что он даже забыл про свою болезнь.

— Будешь рисовать всё, что придёт в голову. Когда я болею, то я всегда рисую. Это очень помогает не чувствовать болезнь. Ты рисуй наш класс, ребята без тебя скучают.

— Правда?

— Правда.

— А ты ко мне ещё придёшь?

— А я тебе задание на дом буду приносить.

Соня ушла, а Юра лежал и думал о ней. Но болезнь ещё долго не проходила. Все жалели его. Только один человек в семье молчал — отец. Он любил Юру сильнее всех и плакал укрдкой, чтобы никто не видел его горя.

Глава восемнадцатая

ПОСЛЕ ПЯТНАДЦАТОГО ДЕКАБРЯ

Утром пятнадцатого декабря Юра проснулся. Тишина стояла в доме непроницаемая, только пел свою песню неунывающий сверчок. Юра улыбался, вспомнив свой сон. Вёл его через лес старенький человечек, мягко держал за руку и ни разу не обернулся, только Юра и мог догадаться, что у человечка лицо — зелёное, похожее на листочек берёзовый, держит тот его за руку, как человек, но в то же время и рука его — не рука, а веточка. И вот подвёл его человечек к пропасти и сказал: «Стой!» Юра остановился. В тот же миг человечек ему приказал: «Закрой глаза!» Только Юра прикрыл глаза, как в третий раз проговорил ему человечек: «Открой глаза!» И Юра послушался. Перед ним стояло живое дерево, точь-в-точь такое, каким его Юра представлял. И тогда Юра понял, что человечек — это то самое живое дерево. И подошёл к дереву. Обняло его дерево своими

ветвями, дохнуло на него своим зелёным духом, и Юра подумал: жить ему и жить дальше, болезнь пройдёт, и пока будут светиться прекрасным светом листочки дерева, всё будет замечательно, потому что дерево — сама жизнь Юрина. Он проснулся с лёгкостью и почувствовал голод.

Юре захотелось блинов со сметаной. Бабушка была наготове. И Юра впервые за полтора месяца поел с аппетитом, выпил стакан сметаны, стакан чая с конфетами. Рядом сидела бабушка и с тоской и надеждой глядела на худющего внука. Но аппетит у Юры не пропал и на следующий день. Бабушка на радостях наварила ему пельменей. Жизнь медленно возвращалась к нему, и он это чувствовал по тому, как в голове у него всё чаще и чаще возникали разные мысли, а желание исполнить их становилось сильнее — первый признак возвращения здоровья.

Через неделю Юра стал собираться в школу. Как там без него, не изменилось ли что? Как ему не терпелось увидеть ребят, как он сейчас их всех любил! Юра, несмотря на протесты бабушки, оделся и пошёл в школу.

Стояли трескучие морозы. Над голубоватыми снегами полей плыли оснежённые леса, и огромное багровое солнце в тихой задумчивости повисло над белой землёй. Колкая пыльца розовато искрилась в палевом хрустком воздухе, на вкус похожем на замёрзшее молоко.

Ещё у своих ворот Юра услышал, как на улице заржала лошадь. Сомнений не было — Шторм! Так и есть, на жеребце гарцевал дядя Митя. Для такого случая он надел новенький коротенький полушубок, чёсанки, ехал он, несмотря на мороз, без шапки и без рукавиц. Шторм отдохнул за последние недели, набрал силу и теперь лоснился под светом багрового солнца. С его крутых боков словно скатывались воздушные струи, и жеребец, казалось, плыл в воздухе, чуть-чуть касаясь копытами розоватого снега. Вот дядя Митя дёрнул слегка уздечку, и Шторм, мотнув головой — это было на-против школы, — могуче заржал, словно оповещая ребят о том, что он находится рядом.

Юра, с радостью вдыхая морозный воздух, заторопился в школу, пристально наблюдая за Штормом, пока жеребец не скрылся из виду.

Вот она, школа. Она совсем не изменилась, их старенькая школа. Вот она мирно стоит, заваленная по самые окна снегом. В коридоре пусто: шли уроки. Юра разделся, постоял немного, чтобы унять волнение, в коридоре и отворил дверь в класс.

От радости у него задрожали руки (как-то ребята на него посмотрят) и что-то в груди запрыгало так сильно, что он, ступив в класс, замер и дыхание у него перехватило. Вот они... ребята.

Ребята, по случаю выезда Шторма отпущенные со своих мест к окну, только-только стали расходиться к партам.

— Можно? — спросил Юра тихо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Хорошо быть птицей	3
<i>Глава вторая.</i> Тайный замысел	13
<i>Глава третья.</i> Незнакомец с гусем	23
<i>Глава четвёртая.</i> Он смело вошёл и сказал	34
<i>Глава пятая.</i> Гости и кости	42
<i>Глава шестая.</i> Доверяет тайну	54
<i>Глава седьмая.</i> Острый угол	65
<i>Глава восьмая.</i> Куда исчез Шторм? Мелкие подробности	68
<i>Глава девятая.</i> Гражданин петух и уважаемые куры	77
<i>Глава десятая.</i> Слепни наводят ужас	81
<i>Глава одиннадцатая.</i> Чёртово варенье	89
<i>Глава двенадцатая.</i> Полуночные страхи друзей	95
<i>Глава тринадцатая.</i> Пожар в сарае	100
<i>Глава четырнадцатая.</i> Размышления о жизни	105
<i>Глава пятнадцатая.</i> Охота на крупного зверя	113
<i>Глава шестнадцатая.</i> Последний момент в жизни племянника Шупар-ского	121
<i>Глава семнадцатая.</i> Поход с факелами откладывается	132
<i>Глава восемнадцатая.</i> После пятинадцатого декабря	139

Для младшего школьного возраста

Владимир Никанорович Мирнев

ЖИВОЕ ДЕРЕВО

П о в е с т ь

ИБ № 6042

Ответственный редактор

Л. И. Доу к ш а

Художественный редактор

Е. М. Л а р с к а я

Технические редакторы

Н. Г. Крапоткина и Т. Д. Юрханова

Корректоры

Ю. В. Дубовицкая и Е. А. Суксясян

Сдано в набор 27.08.81. Подписано к печати 25.02.82. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт литерат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,53. Усл. кр.-отт. 12,14. Уч.-изд. л. 7,21. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1208. Цена 45 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К читателям

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
125047 Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Мирнев В. Н.

М63 Живое дерево: Повесть / Рис. В. Бескаравайно-
го.— М.: Дет. лит., 1982.— 142 с., ил.

45 коп.

Современная повесть о жизни мальчика в сибирской деревне, о его стрем-
лении к справедливости, жажде приключений и подвига; психологическая линия
в повести (общение мальчика с отцом, мамой, товарищами) сочетается с при-
ключенческой — похищением красавца коня и возвращением его колхозу.

М 4803010102—259
М101(03)82 201—82

Р2

Larisa_F

